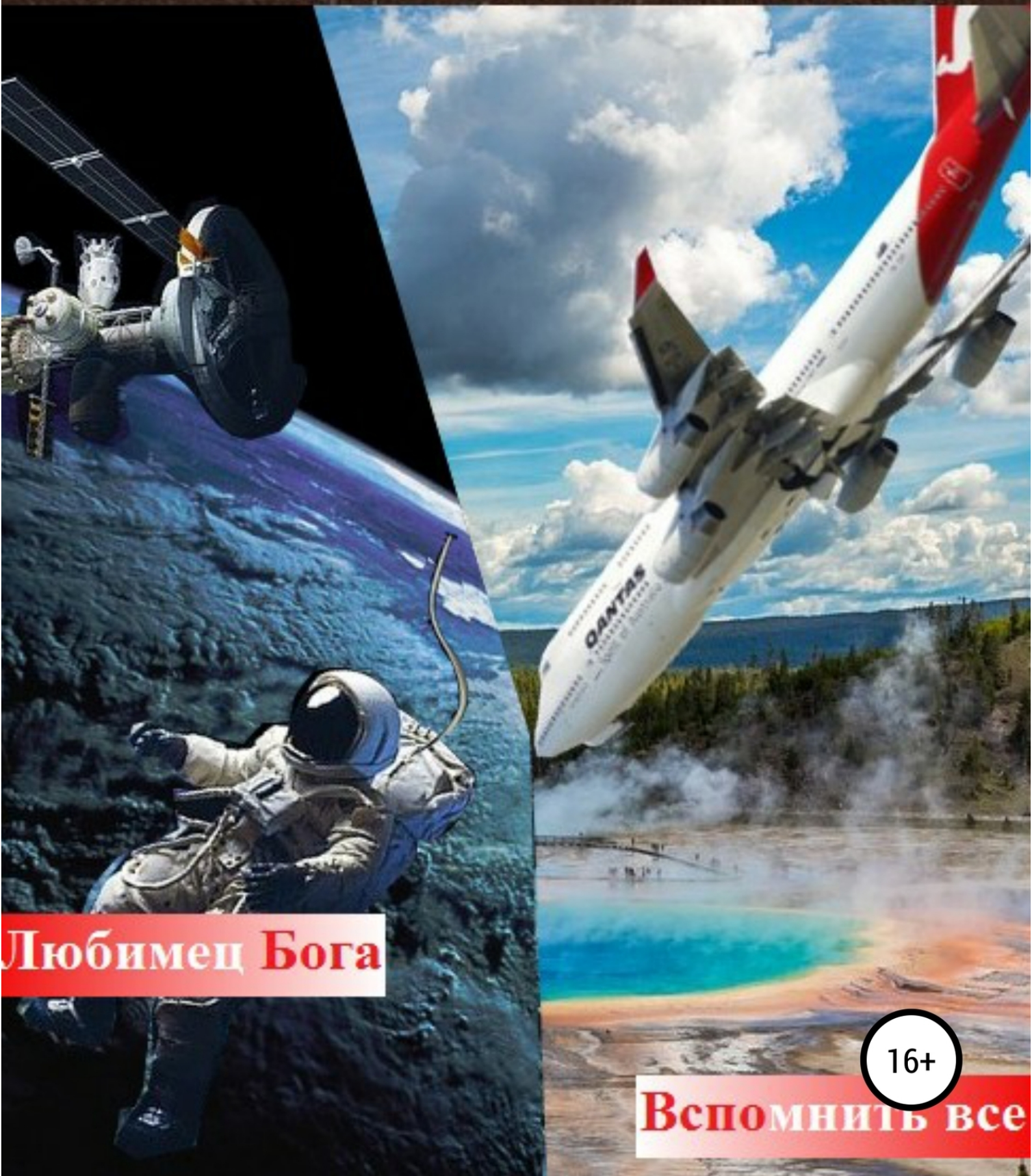

Вадим Тарасенко
Любимец Бога
(дилогия)

Любимец Бога

16+

Вспомнить все

Вадим Тарасенко
Любимец Бога (дилогия)

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Тарасенко В. В.

Любимец Бога (диалогия) / В. В. Тарасенко — «ЛитРес:
Самиздат», 2007

К концу XXII века человечество вплотную подошло к разгадке сущности того, кого люди привыкли называть Богом. Представители Объединенной Руси и США в трагической гонке опередили китайцев и первыми вплотную соприкоснулись с Богом, получив от Него важнейшую информацию. Но вот какую? Как правильно ее расшифровать? И кто это сделает первым - русичи и американцы или китайцы? От этого зависит не только мировое лидерство, но и вообще существование целого континента! Об этом читайте в диалогии "Любимец Бога". Русич Борис Ковзан - любимец Бога, вновь решает судьбы мира!

Диалогия «Любимец Бога» создана в 2006-2007 году. В ней описана моя мечта – Россия и Украина – единое государство – Объединенная Русь. Увы, Украина оказалась слабым звеном. Галичанский фашизм в ней взял вверх. Ошибся я и в отношении США, считая ее стратегическим союзником России против экспансии с Востока в лице Китая. Кто же думал, что американский истеблишмент окажется настолько глупым. Хотя... до описываемых событий больше полутора веков. Может история все же свернет в логически правильное русло. Я в это верю. Точнее, по Украине и России я в этом уверен. Мы просто обречены быть вместе. Мы – братские народы!

Любимец Бога

*Даже часы истории имеют своих часовщиков.
Богуслав Войнар, польский сатирик*

Вместо эпилога

«Боже, неужели получилось? Неужели я обманул их? Ну а Ты, Господи, надеюсь, не будешь возражать?»

– Назовите свое имя, год рождения, гражданство.

– Иван Антонович Ковзан, 2120 года рождения, гражданин Объединенной Руси.

– Добро пожаловать, Иван Антонович, во вторую жизнь.

«Боже, я прошел!!!»

Глава 1. Кто будет первым?

Каждый дурак знает, что до звезд не достать, а умные, не обращая внимания на дураков, пытаются.

Пол Андерсон, американский писатель-фантаст.

Луна. Море Дождей. База «Восток» Объединенной Руси. 12 апреля 2190 года. Понедельник. 13.02 по средневропейскому времени (СЕВ).

Бело-голубой шар Земли красиво впечатался в черную бездну Космоса с четкими вкраплениями белых звезд. До него, казалось, было подать рукой. Особенно если взобраться на этот валун, одиноко лежащий на девственной поверхности Луны. Семен Петрович Богомазов в который раз наблюдал эту картину на мониторе в центре управления базой, и в который раз ловил себя на этом мальчишеском желании. Левее этого валуна пролегла натянутая струна бетонки, соединившая базу и космодром, который находился, казалось, у самого горизонта.

«Всё правильно. Радиус Луны почти в четыре раза меньше радиуса Земли. Значит и горизонт здесь в четыре раза ближе». Оживший динамик громкой связи прервал размышления начальника базы: «До посадки «Гермес-5» осталось 300 секунд. Готовность номер один всем наземным службам».

– Сейчас мы его увидим, – раздался за спиной Богомазова голос главного инженера базы Коли Григорчука.

И словно желая подтвердить его слова, наружная видеокамера разглядела в черноте неба свода и послушно передала на монитор изображение блестящего в лучах Солнца стального тела. Оно по размашистой дуге несло в сторону базы.

– Какого черта он не включает тормозной двигатель, – Семен Петрович нервно закусил губу, наблюдая за стремительным полетом–падением корабля.

– Это же рейс Ваньки–лихача. Семен, ты ведь знаешь его стиль – врубать движок при самом приземлении...фу ты – прилунении, – главный инженер базы также как и Богомазов впился глазами в экран.

– Вот накаたю на него жалобу в высшую аттестационную комиссию грузового космического флота, сразу охота лихачить пропадет. Чкалов хренов.

– Да чего ты так волнуешься. Это что, в первый раз? Ванька же ас. Посадит – комар носа не подточит.

– Вот именно, что в первый. Он же сейчас садится с ходу. Прямо с перелетной орбиты, не выходя на орбиталку. А одно дело гасить первую лунную космическую скорость – каких то чуть больше полутора¹ кмэ в секунду, другое – земную вторую космическую. А это уже одиннадцать и две.

Пилот космического корабля словно почувствовал раздражение начальника крупнейшей лунной базы Руси. Мощный столб пламени вырвался из дюз корабля и он сразу же будто споткнулся. Размашистая дуга полета стала скукоживаться, скорость замедляться.

– А зачем такая спешка? – главный инженер, оторвавшись от монитора, удивленно посмотрел на Богомазова.

– Эвакуационной и грузовой службам выдвинуться на линию ожидания, – динамик громкой связи, чеканя каждое слово, координировал работу десятков людей.

– Он гиперпространственный движок к нам тащит, – выслушав сообщение громкой связи, ответил начальник базы. – А там же этот доходяга – нейтринный излучатель. У него срок автономии без подпитки тридцать шесть часов. Так что после приземления «Гермеса – 5» остается около часа, что бы запитать этот излучатель от нашего главного генератора.

– Так для транспортировки к нам таких движков сделан корабль «Геракл»? У него для этих целей и специальный генератор поставлен, помощней нашего на базе будет.

– Сразу видно, человек недавно вернулся из отпуска. Зайди в наш бар. И там за кружкой «Оболони» Коля Васнецов в лицах расскажет и покажет, как доблестный Шведов, космический волк экстра–класса, покоритель Нептуна и несметного количества женских сердец и прочая, прочая, прочая умудрился так «Геракл» хряпнуть о бетонку на «Селене», что раньше чем через год наш «Геракл» ни на какие подвиги не будет способен. Корма у него смята. А без кормы, – Богомазов, шутя, стукнул себя пониже спины, – и не туды, и не сюды.

– Ну и подождали б годик, – смеясь, предложил Григорчук. – К чему такая спешка? Москве что, не терпится еще пару триллионов рублей выкинуть?

– На этот раз не только рублей.

– Не только? – главный инженер вскинул удивленный взгляд на начальника базы. – А что еще?

Между тем корабль, полностью погасив горизонтальную составляющую скорости, с выключенным маршевым двигателем, падал, словно в замедленной съемке, по отвесной прямой на Луну. Несколько раз пыхнули рулевые движки, ставя корабль в вертикальное положение.

«Сколько уже на базе, а никак не могу привыкнуть к здешним фокусам тяготения. Если на Земле сто метров пролетаются за четыре с половиной секунды, то на Луне на это требуется почти тридцать секунд. Выспаться можно», – Богомазов внимательно смотрел за эволюциями корабля.

В сотне метров от поверхности из-под низа корабля вновь ударил яркий столб пламени. И вот стодвадцатитонная машина плавно опустилась на бетон космодрома, чуть присев на опорах–амортизаторах.

– Вот сукин сын! Посадил точно над газоотводными отверстиями. Без всякой корректировки. Циркач! – Богомазов довольно потер руки.

– А ты- жалобу в ГКФ. Это же талант.

– Эвакуационной службе сосредоточиться у пассажирского выхода. Грузовой – у грузового стапеля, – вновь рявкнул динамик громкой связи.

– Талант... Эх, если бы Русь–матушка могла часть своих талантов конвертировать в организованность. Где бы мы уже были! Ладно, Коля, пошли встречать груз. Не дай Бог, запорем нейтринный излучатель – на Землю пешком отправят. Без скафандра...

И уже в лифте, спускаясь на нулевой этаж, добавил:

– Я не успел тебя после твоего отпуска ввести в курс дела. Так вот, на этот раз нам поручена сборка пилотируемого гиперпространственного корабля.

– Это что, на нем человек полетит?

– Точно.

– Угробят же человека. Ни разу еще успешного пуска не было.

– Наверху виднее. Наше дело маленькое – собрать корабль.

...Миллисекундная серия радиоимпульсов скользнула с поверхности Луны, чтобы мгновение спустя, отразившись от американского селеностационарного спутника-ретранслятора «STILL – 2», отскочить в сторону Земли и ударить узким лучом по параболической антенне. Еще через мгновение один из компьютеров Агентства Национальной Безопасности США перевел электромагнитные колебания на человеческий язык. А еще спустя два часа было принято решение – об этом должен срочно узнать Президент Соединенных Штатов Америки.

Соединенные Штаты Америки. Вашингтон. Белый дом. Овальный кабинет. 13 апреля 2190 года. Вторник. 15.34 по местному времени.

– Здравствуй, Билл, – молодежавый седеющий брюнет лет сорока пяти пружинисто встал из-за стола и шагнул навстречу вошедшему – атлетически сложенному пятидесятилетнему мужчине с пронзительно голубыми глазами, сверкавшими на загорелом лице.

– Здравствуйте, господин Президент, – вошедший свободно и в тоже время подчеркнуто почтительно пожал хозяину кабинета руку.

– Что значит хорошо отдохнуть. Не успел прилететь с австралийских пляжей, как тут же напряг свое ведомство, ну и Президента заодно, – хозяин кабинета коротко рассмеялся. Его глаза, в диссонанс общему выражению лица, смотрели настороженно-вопросительно.

Президент недолюбливал своего Главного Шпиона, как недолюбливает каждый начальник своего профессионально более опытного подчиненного. Недолюбливал, но полностью был согласен со своим отцом, сказавшем о Билле Реде: «Такие люди на вес золота. И я бы очень хотел, что бы он был в твоей команде». Да что там говорить, своим креслом в Овальном кабинете семьдесят четвертый Президент Соединенных Штатов Америки был полностью обязан главе Центрального Разведывательного Управления.

– Если бы вы, господин Президент обо мне никогда не вспоминали... ну или хотя бы вспоминали раз в четыре года, – голубые глаза Главного Шпиона безмятежно смотрели на Чейза, – я был бы счастлив – Соединенным Штатам ничто не угрожает.

«...или хотя бы раз в четыре года» – весьма прозрачный намек на мои выборы. Сукин сын!»

– Но увы, мы слишком богаты и могущественны. Поэтому враги у нас должны быть по определению. И поэтому я у вас, господин Президент, частый гость.

Стивен Чейз, не спеша, вновь опустился в свое кресло, жестом пригласив Реда сесть напротив:

– Рассказывай, – коротко бросил он.

– Русичи начали строительство очередного гиперпространственного корабля, – сказав это, директор ЦРУ сделал паузу, приглашая Президента высказать свое мнение.

– Честно говоря, Билл, – помолчав, начал осторожно хозяин кабинета, – я не понимаю твоей озабоченности. Или они совершили прорыв в этой области и строят принципиально новый корабль, способный, наконец, нормально нырнуть в это чертово гиперпространство?

– По моим данным, конструкция главного маршевого двигателя ничем принципиальным не отличается от двигателя Хейнштейна–Солева, разработанного совместно нами, европейцами и русичами в проекте «Надежда».

– Тогда я тем более не понимаю твоего беспокойства, Билл. Насколько мне помнится, первый совместный беспилотный корабль взорвался при попытке преодолеть гиперпорог. Ученые интенсивнее пошевелили своими извилинами и поняли, что создаваемое окно перехода слишком узко. И корабль попросту не вписался в него. Та часть, что не вписалась, осталась в обычном измерении, остальное ухнуло в тартарары. Расширили окно перехода, и второй совместный корабль благополучно нырнул в гиперпространство. Но больше от него не поступило и бита информации. Хотя по программе, через минуту его бортовой компьютер должен был осуществить обратный переход. И корабль должен был вынырнуть где-то за орбитой Нептуна. Но он так и не появился. Потом и мы, и русичи, уже самостоятельно запустили по беспилотному кораблю – результат аналогичен предыдущему. Так что тебя беспокоит? Если русичи хотят швырнуть неизвестно куда пару триллионов долларов – это их личное дело.

– Господин Президент неплохо знаком с историей этого вопроса, – губы директора ЦРУ тронула едва заметная усмешка.

– Да, я неплохо знаком с этим вопросом, впрочем, как и со многими другими, – после небольшой паузы добавил Чейз. – При отце, как ты помнишь, я курировал, в том числе и стратегические разработки. Но мы отвлеклись. Так что тебя волнует?

– Русичи строят корабль, пилотируемый человеком.

– Что?! У них камикадзе завелись? Впрочем, не удивительно. Русичи чем-то сродни японцам – склонны к фанатизму.

– Точнее, японцы похожи на русичей. Но в данном случае ни о каком фанатизме речь не идет. Русичи совершили прорыв, но не в конструировании гиперпространственных двигателей, а в изучении общих свойств гиперпространства. Они, наверное, поняли, что произошло с предыдущими гиперпространственными кораблями, а главное как, всё-таки, вернуться назад, в обычное пространство.

– И что ты намерен предпринять?

Директор ЦРУ, чуть прищутив глаза, долгим взглядом посмотрел на Президента:

– Когда русичи первые вывели своего человека в Космос, Америка сделала надлежащие выводы. Через семь лет мы обогнали русичей, высадив Армстронга на Луну, и с тех пор лидерства в этой области уже не упустили – первый корабль многоразового использования, первая экспедиция на Марс, первый пилотируемый полет к дальним планетам – везде мы были первыми. И я не думаю, что семьдесят четвертый президент Соединенных Штатов Америки захочет войти в историю, как Президент, при котором США утратили свои лидирующие позиции в этом сверхстратегическом направлении.

– И всё же, что ты намерен предпринять?

– Для начала всё точно выяснить. Русичи собирают корабль на своей лунной базе «Восток». У нас там есть свои уши. Плюс необходимо направить туда нашего лунного атташе. В соответствии с Конвенцией о Космосе они обязаны его пустить. Вот пусть он и убедится, что на базе у русичей никакого оружия нет, ну и заодно про гиперверик что-нибудь выяснит, – начальник главного разведывательного ведомства страны чуть улыбнулся.

– Если мы даже оперативно выведем необходимую информацию, русичей мы не опередим. Они уже корабль строят, – хозяин кабинета вопросительно посмотрел на Реда.

– В таком сложном проекте, как строительство гиперпространственного корабля, всё предусмотреть невозможно. Сбои в работе, срыв графика поставок комплектующих, да мало

ли что еще. Я, господин Президент, даже уверен, что так оно и будет, – в глазах у главного шпиона плескалась голубая безмятежность. – К тому же есть еще одно соображение, позволяющее нам смотреть на эту проблему, скажем так, более оптимистично.

– Какое? – по-мальчишечьи нетерпеливо спросило первое лицо государства.

– Русичи строят пилотируемый корабль. Чтобы нырнуть в гиперпространство и вынырнуть из него, присутствие человека, в принципе, не обязательно. Всё сделает автоматика. Но русичам, почему-то, там нужен человек. Значит всё дело в человеке, особом человеке, способном сделать то, чего не может современная электроника. А человек... ммм, не слишком стойкий материал.

Стивен Чейз, глядя на индикатор контроля блокирования информации, медленно произнес:

– Хорошо Билл. Начинай действовать, но... на каждый сбой у русичей ты должен получать у меня разрешение.

– Слушаюсь, господин Президент.

Уже выходя из Овального кабинета, директор ЦРУ обернулся и, кивнув на индикатор контроля блокировки, сказал:

– Не волнуйтесь, господин Президент. Большой Бэби ни о чем не узнает. Хотя для процветания страны можно и пожертвовать своим личным бессмертием. До свидания, господин Президент.

– До свидания, Билл.

«Сукин сын! – глаза Президента вновь скользнули по зеленому глазку индикатора. – Как подел: «Хотя для процветания страны можно и пожертвовать своим личным бессмертием».

Мысли Президента невольно обратились к тому, что стало, начиная с двадцать второго столетия, самым важным для человечества. Достижения геной инженерии, нейрофизиологии и вычислительной техники позволили человечеству в двадцать втором веке отнять у Всевышнего монополию на бессмертие. Даровалась такая привилегия далеко не всем. А достигалась тем, что люди научились записывать и сохранять информацию, которую мозг воспринимал за весь срок человеческой жизни. Поскольку человеческое «Я» – это совокупность информации, хранящейся в мозге, то избранные определялись после анализа всей информации, записанной крохотным чипом, вживляемым в мозг каждого человека в годовалом возрасте. Этот чип, официально называемый «чипом сбора информации» и единодушно прозванный во всем мире «надсмотрщиком», запоминал все, что думал, видел, слышал, делал человек на протяжении всей своей жизни. Каждый вздох, каждая мысль, каждый поступок фиксировался бесстрастной электроникой. Кроме того, этот маленький «надсмотрщик» ежесекундно контролировал жизнедеятельность всех органов человека. И, если что не так, тут же посылал сигнал тревоги, и умные приборы начинали отчаянную борьбу за жизнь и здоровье своих создателей. Благодаря этому, средняя продолжительность жизни человека уверенно перевалила отметку в сто лет.

Раз в год, в День Веселья информация с «надсмотрщика» сбрасывалась на специальный диск. Один человек – один диск. И если специальный Компьютер Организации Объединенных Наций на основе анализа информации вживленного чипа решал, что конкретный человек почти исчерпал свой жизненный ресурс, то мгновенно просуммировав всё плохое и хорошее, что успел сделать человек за всю свою жизнь, выносился предварительный вердикт – достоин или не достоин этот человек второй жизни. Официально этот компьютер почтительно называли Главным – с большой буквы. Главный Компьютер ООН. Неофициально он получил прозвище Большой Бэби. Большой – за его размеры. Здание, где он размещался, ничем не уступало знаменитому стоэтажному прямоугольнику штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке. Ну а Бэби... – только дети могут быть столь безапелляционны и безжалостны в своих решениях.

Вердикт Главного Компьютера тут же отправлялся в Совет Развития ООН. Так что, если древние египтяне представляли перед своим главным богом со свитком папируса, на котором

были начертаны их деяния, то современный человек представал перед своим главным богом – Советом Развития со своим диском.

На Земле в двадцать втором веке насчитывалось двенадцать миллиардов человек и, несмотря на большую продолжительность жизни, ежедневно умирало их более трехсот тысяч. Поэтому Совет Развития в подавляющем большинстве случаев просто подмахивал то, что подсовывала ему электронная машина. Заминки случались лишь тогда, когда вердикт Большого Компьютера для известных личностей был отрицателен. Только в этом случае члены Совета Развития пытались еще во что-то вникнуть. А так – всё решала Машина.

Стивен Чейз по многочисленным фильмам, статьям, книгам хорошо знал технологию обретения второй жизни. Одновременно с сообщением счастливицу о благоприятном для него решении, в Центр Обновления Человека направлялся заказ на выращивание клона этого человека. Генный материал для этого заготавливался еще раньше, одновременно с вживлением в него «надсмотрщика». Но, если женщине для вынашивания ребенка требуется девять месяцев, то Главному Инкубатору Центра Обновления – всего три недели. И в день он может «родить» до десяти клонов. Затем клон перемещается в Инкубатор Дорастивания, где за семь месяцев он достигает биологического возраста в двадцать один год. На всё про всё расходуется около двух килограммов «ускорителя жизни» – волшебного вещества просто баснословной стоимости даже по меркам двадцать второго века. Попутно с дорастиванием в мозг клона вгоняется информация с диска человека. Некоторая мелочь отсеивается, пройдя «Фильтры Времени» Большого Бэби. Остается только то, что превысило определенный эмоциональный барьер. Старое одряхлевшее тело и мозг усыпляют, параллельно записывая информацию о последних мгновениях в новый мозг. Связующим мостиком между первой и второй жизнью, своего рода ключом перехода служит бессмертный монолог шекспировского Гамлета «Быть или не быть». К середине его старый мозг окончательно усыпляют, и новый человек заканчивает монолог розовым упругим языком.

Крупным государственным деятелям: президентам, премьер-министрам, высокопоставленным силовикам дана была привилегия – в их рабочих кабинетах можно было включить специальный кодированный ультразвуковой сигнал, который воспринимался и записывался чипами людей, находящихся там. Когда информация, с таким наложенным сигналом попадала в Главный Компьютер, она блокировалась и, хотя запоминалась, но анализу не подвергалась. Эдакая модернизированная дипломатическая неприкосновенность. Королева вне подозрений.

Глаза Президента США невольно обращаются к индикатору блокировки – современной индульгенции отпущения грехов. – А если русичи нас обойдут? Обойдут при моем президентстве? Опять эти русичи. Вечно они не дают спать спокойно Президенту Соединенных Штатов Америки».

Объединенная Русь. Россия. Москва. Кремль. Рабочий кабинет Президента Объединенной Руси. За два с лишним года до описываемых событий. 2 апреля 2188 года. Среда. 20.45 по местному времени.

Запоздалый, холодный весенний ветер бушевал над древней столицей Объединенной Руси. С воем несся он вдоль пустынных московских улиц, словно ища жертву. Его мощные порывы хлестали невозмутимые стены домов, бились в лобовые стекла автомобилей, пытались достать укрывшихся в них людей. Но человечество давно уже научилось справляться с такими капризами погоды. В комфортабельных жилищах умная электроника поддерживала уютные двадцать три – двадцать четыре градуса. И поэтому, казалось, неугомонное дитя атмосферы бесновалось еще больше, одновременно жалуясь далеким и равнодушно-холодным звездам. Впрочем нет. Несколько огромных красных звезд были и близки, и отнюдь не холодны. Звезды, не гаснувшие несколько веков, ставшие уже талисманом столицы, гордо сияли над Кремлем.

Это был символ власти над одной шестой частью земного шара. Сама власть располагалась чуть ниже в роскошных старинных кабинетах. Эти кабинеты видели много, казалось, воздух здесь еще вырывался предсмертным хрипом царевича Ивана, убитого своим отцом Иваном Грозным, или звучал веселыми голосами военачальников, победивших во Второй мировой войне. В этих кабинетах творилась История.

– Здравствуйтесь, Сергей Павлович, – Президент Объединенной Руси Владимир Сергеевич Орлов, невысокий, крепко сложенный, начинающий лысеть мужчина, встретил гостя у дверей своего кабинета.

– Здравствуйтесь, Владимир Сергеевич, – пожилой, грузный человек с венчиком седых волос, окаймляющих обширную лысину, заведующий лабораторией общей физики Сергей Павлович Хохлов пожал протянутую руку.

– Присаживайтесь, – Орлов жестом указал на диван.

– Ну а теперь, изложите суть дела, о котором вы отказались сообщить даже моему секретарю. Не доверились вы ни видеофону, ни записке на мое имя. Сказали только, что речь будет идти о гиперпространстве. Признаться, только ваш авторитет ученого заставил меня согласиться на встречу с вами, – Президент улыбнулся.

– Благодарю, Владимир Сергеевич, за эту встречу, которая состоялась вопреки принятым правилам. Но моя информация настолько важна, что я решил исключить любую возможность ее утечки.

– Сейчас вы говорите не как ученый, а как разведчик.

– Тоже достойная профессия.

– Начинайте, Сергей Павлович, времени у нас немного. Насколько я понимаю, речь будет идти о сложных физических явлениях? Поэтому просьба говорить проще. Я хоть и закончил МГУ, но отнюдь не физфак или мехмат, – Президент чуть виновато улыбнулся. – Мне необходимо понять суть, чтобы принять правильное решение.

– Постараюсь, Владимир Сергеевич, – гость тоже улыбнулся. – Представьте себе футбольный мяч. Его объем – это наша трехмерная Вселенная. При создании теории гиперпространства предполагалось, что оно изотропно, как и обычное пространство, и коррелятивно по отношению к нему.

– Сергей Павлович, вернитесь, пожалуйста, к футбольному языку, а то я покажу вам желтую карточку, – Президент опять улыбнулся.

– Нет, нет. Я буду дисциплинированным игроком, – мужчины рассмеялись, поняв друг друга – в молодые годы будущий Президент Объединенной Руси довольно успешно играл в футбол и даже одно время был нападающим в сборной России.

Промокнув лысину платком, Хохлов продолжил:

– Другими словами предполагалось, что гиперпространство похоже на обычное пространство и, что принципиально важно, каждой точке обычного пространства соответствует строго определенная точка гиперпространства. Иными словами, если мы проткнем футбольный мяч в какой-нибудь точке и начнем двигаться внутри него строго через его центр, то окажемся на противоположной стороне мяча, точно напротив входа.

– А сейчас вы попытаетесь доказать мне, что это не так, – лицо Президента стало озабоченным.

– Понимаете, Владимир Сергеевич, я так настойчиво добивался встречи не для того, что бы посвящать вас в проблемы современной физики. Я глубоко убежден, что решение проблемы гиперпространства – это...

– Реальная возможность вновь обрести лидерство в стратегическом направлении – освоении Космоса.

– Да, именно это я и хотел вам сказать.

Собеседники взволнованно переглянулись – они поняли друг друга. Ощущение того, что их страна должна играть более значительную роль в мире, чувство неудовлетворенности положением Руси, чуть утоленное в середине двадцатого века, все сильнее и сильнее пропитывало подсознание этого славянского этноса. Давно был преодолен духовный кризис конца двадцатого века, связанный с распадом некогда могучей империи СССР. В стране уже созрела и укоренилась национальная идея – стать первой и наиболее влиятельной силой, которая бы определяла развитие земной цивилизации.

Уже в конце двадцать первого столетия правительства Украины и Российской Конфедерации, включавшей в себя на то время Белоруссию и Казахстан, пришли к выводу, что для дальнейшего развития, для более эффективного противостояния экономической экспансии западноевропейских государств и Китая следует объединиться в единый Союз. Был проведен всенародный референдум, постановивший быть Российско-Украинскому Союзу (сокращенно РУС). От этой аббревиатуры до нового названия «Объединенная Русь», которое устраивало всех, было рукой подать. Через несколько лет кропотливой бумажной работы новое государство – Объединенная Русь появилось на политической карте мира. Высшим Органом управления стал Совет Президентов, состоящий из президентов России, Белоруссии, Казахстана и Украины. Председателем Президентского Совета или Президентом Объединенной Руси избирался один из четырех Президентов в ходе всеобщих выборов. Два года назад Президентом Объединенной Руси был избран Президент России Владимир Сергеевич Орлов.

Первым справился с собой Президент:

– Поэтому, Сергей Павлович, спокойно излагайте ваши соображения только, по возможности, футбольным языком, – Президент страны вновь улыбнулся.

– Так вот. То, что гиперпространство обладает абсолютно другими свойствами, чем обычное трехмерное пространство, я предположил после фиаско с первым международным гиперпространственным кораблем «Надежда». Как вы помните, окно перехода в гиперпространство для «Надежды» оказалось мало. И часть корабля осталась в обычном пространстве. Внешне это выглядело, как мгновенное разрушение конструкции корабля. Размеры окна перехода, а, следовательно, необходимый импульс гиперпространственного двигателя рассчитывается на основе уравнения перехода Солева–Хейнштейна. Тогда большинство физиков предположили, что причиной неудачи послужила недостаточная точность в вычислении некоторых коэффициентов в этом уравнении – так называемых коэффициентов тонких структур вакуума. Мощность импульса подняли на тридцать процентов, размеры окна увеличились, и следующий международный корабль «Гейя» благополучно вошел в гиперпространство. А потом просто–напросто исчез. В предполагаемой точке выхода его так и не обнаружили. То же самое произошло и с нашим и с американским кораблями. Каждый из них успешно создавал окно перехода и исчезал. Это и заставило меня предположить, что созданная теория гиперпространства, мягко говоря, неверна.

Старинные напольные часы, не спеша, пробили девять раз.

– И вы создали новую теорию?

– Ну, не в полностью законченном виде, но уже позволяющую решить, вернее, сделать существенный прорыв в решении проблемы гиперпространства.

– И в чем же суть вашей теории?

– Я предположил, что гиперпространство по сравнению с обычным пространством имеет значительно меньшую корреляцию, то есть меньшую связь, чем предполагалось. То есть, система уравнений, описывающая связь между пространством и гиперпространством, должна иметь множество решений. Тогда легко объясняется ненахождение гиперпространственных кораблей в заданных точках Космоса. Они, попросту, появлялись не там. А искать объект двадцать третьей звездной величины по всему небосводу... Найти, по сравнению с этим, иголку в стоге сена – детская забава. Кроме того, чтобы объяснить расхождение в размерах окон

перехода между теорией и практикой, я ввел понятие относительного скольжения наших пространств. Я пока понятно объясняю?

– Продолжайте.

– Словом, я попытался составить систему уравнений, аналогичную системе уравнений Солева – Хейнштейна, но с учетом вышеприведенных высказываний.

– И вы ее составили.

– Составил.

– И какие выводы?

Грузный мужчина очередной раз промокнул свою лысину платком и начал осторожно:

– Владимир Сергеевич, я, естественно, могу ошибаться, но по моим расчетам существует только одна модель структуры гиперпространства, удовлетворяющая моим уравнениям. Это модель сложноупорядоченного вращающегося пространства с детерминированными информационными каналами.

– А вот теперь непонятно, – простодушно сказал Президент.

– Если бы пространство внутри футбольного мяча представляло собой тело, пронизанное множеством тоннелей различной конфигурации и длины. К тому же это тело вращается по случайному, с точки зрения стороннего наблюдателя, закону. Поэтому, когда и наши, и американские корабли попадали в это тело, они «выныривали» обратно в различных точках, даже если бы входили в гиперпространство в одной и той же точке. Всё определяется тоннелем, вход которого оказывался в данный момент времени «напротив» точки входа корабля. Гиперпространство-то вращается. И этим же вращением объясняется расхождение в величине окон перехода. Размеры окон мы вычисляли правильно. Но они-то движутся. Это всё равно, что с движущейся платформы прыгнуть в просвет между балками железнодорожного моста, не учитывая скорость платформы.

– Так. Ясно. А что значат ваши слова «тело вращается по случайному, с точки зрения стороннего наблюдателя, закону»?

– Видите ли, в решении моей системы уравнений появился «хвостик», представляющий собой так называемую неопределенность второго порядка Гейзенберга – Джонсона. Это означает, что для внешнего наблюдателя тело в гиперпространстве движется необъяснимо. Причины и следствия в гиперпространстве для внешнего наблюдателя не связаны между собой.

– Похоже на то, как человек совершает неожиданный поступок, необъяснимый с точки зрения других людей. Им абсолютно неизвестны причины, побудившие человека поступить именно так. Я правильно трактую ваши слова?

Хохлов удивленно взглянул на Президента и после некоторой паузы произнес:

– Слишком правильно.

– То есть?

– Я не успел развить свою мысль. Вы меня опередили. На основании моих выкладок получается, что гиперпространство – это сложноупорядоченная структура, имеющая неопределенность второго порядка в макромасштабах, я бы даже сказал – в мегамасштабах. Следовательно, у него должен быть очень сложный, неоднозначный алгоритм поведения в ответ на различные входные возмущения. Пока науке известна лишь одна подобная макроструктура, правда значительно меньших размеров.

– Какая?

– Биологическая.

– Вы хотите сказать, что гиперпространство – живое существо?

– Учитывая его размеры и сложность, я думаю правильнее сказать – разумное существо.

– Высший Разум?

– Да, – коротко и тихо прозвучало в кремлевском кабинете.

– То есть это Бог? – задал вопрос Президент Объединенной Руси.

– Всё зависит от того, что вы подразумеваете под этим словом, – последовал ответ.

– Бог – это Тот, Кто создал всё. Всю Вселенную.

– Тогда это Бог.

– Получается, что вы Его вычислили?

– Не совсем так. Как вы знаете, десять лет назад, в докладе от имени Клуба «Ведущих ученых планеты» была доказана необходимость Управляющего Фактора для образования и устойчивого существования нашего Мира. Иными словами, доказана необходимость существования Высшего Разума.

– Я читал этот доклад. И вы, насколько я помню, состоите в этом Клубе?

– Имею честь.

– Значит, десять лет назад вы совместно с другими учеными доказали существование Бога, а теперь и вычислили Его местонахождение. Вычислили Его прописку.

– Ну, это смело сказано...

– Сергей Павлович, я не собираюсь проверять вашу скромность. Я хочу понять, что вы на самом деле открыли и насколько вы сами убеждены в этом. Поэтому спрашиваю вас еще раз. Вы утверждаете, что гиперпространство – это физическая сущность Бога?

– Да, Владимир Сергеевич. Я в этом убежден.

В кремлевском кабинете надолго повисла тишина, нарушаемая лишь размеренными ударами часов, озвучивающими ускользящий бег времени.

– Теперь понятны слова Библии, что Бог вездесущ, – наконец произнес глава государства.

– Любая точка пространства имеет множество своих отображений в гиперпространстве.

– Следовательно, если гиперпространство – это Бог, то, посылая туда свои корабли, мы зондировали Бога? – Президент откинулся на спинку кресла.

– Выходит так.

– И вы пришли ко мне, что бы предостеречь от дальнейших шагов в этом направлении?

– Наоборот.

– Не понял.

– Бог, или скажем так – гиперпространство пока никак не выказывало своего недовольства нашим зондированием.

– Может, Он слишком терпелив? – Президент чуть дрогнувшими уголками губ обозначил свою улыбку.

– Конечно, может быть и так. Но тогда, я думаю, Он потерпит еще.

– Бог всемилостив?

– Да. Но, я думаю, дело в другом. Если проанализировать историю, то можно заметить, что как только человечество достигает очередной ступени своего развития, Бог корректирует, направляет дальнейший ход цивилизации. Вернее, задает правила игры на новом уровне.

– Как задает?

– Христос, Магомет, Будда. Список Задающих Правила уже довольно велик. Мы прошли уже большую часть своего пути, на котором я бы выделил шесть уровней.

– Шесть уровней?

– Первый уровень – каменный век. Второй – бронзовый. Третий – железный. Четвертый – век промышленной революции. Человечество овладело электричеством, изобрело пароходы, паровозы, сумело подняться в воздух, завело себе любимца – автомобиль. Пятый уровень – атомно-компьютерный. Люди овладели энергией атомного ядра и обзавелись еще одним любимцем – компьютером. Шестой уровень – это наш – генетический. Мы можем из неживого создавать живое, научились создавать человека, в конце концов.

– А седьмой, это божественный уровень?

– Возможно, – академик пожал плечами. – Но если под словом «божественный» понимать “райский”, то я не уверен. Манну небесную человечество еще долго не будет получать... Я

боюсь, что оно никогда ее не получит, – после паузы добавил Хохлов. – Хотя есть люди, считающие, что Бог создал человека, чтобы скрасить свое существование. Что-то вроде домашнего любимца, о котором пекутся лишь оттого, что он ласковый и нежный.

– А вы как считаете?

– Вот слетаем к Нему, может быть и узнаем. И я думаю, что каждый новый уровень будет сложнее предыдущего.

– Это уж точно, – согласился Президент. – Если он так со скрипом начинается, то что будет дальше?

– А он и не начался, Владимир Сергеевич. Это еще так – прелюдия.

– И что же человечество должно еще совершить, чтобы открылся новый уровень?

– Послать в гиперпространство корабль с разумным существом на борту.

– То есть с человеком?

– Конечно, – Хохлов уверенно подтвердил сказанное. – Это будет сигнал, что мы созрели для нового уровня.

– А если корабль с человеком, как и беспилотные корабли, заблудится в гиперпространстве?

– Надо послать не простого человека. Надо послать любимца. Любимца Бога.

Глава 2. Любимец Бога.

Брось везунчика в воду, и он выплывет с рыбой в зубах.

Юлиан Тувим.

**Луна. Море Дождей. База «Восток» Объединенной Руси. 13 апреля 2190 года.
Вторник. 10.12 по СЕВ.**

– Здравствуйте, Семен Петрович.

– Здравствуйте, господин Директор Службы безопасности.

«Специально выбрал такой ракурс видеокамеры, чтобы еще раз подчеркнуть свое положение», – начальник лунной базы «Восток» Богомазов с некоторой тревогой смотрел на экран монитора. А как тут не тревожиться, если его экстренно вызвал на связь сам Кедрин, Директор Службы Безопасности?

На экране величественно раскинулся огромный, если мерять лунными мерками, кабинет. Кедрин сидел за своим массивным, старинной работы, столом.

– У меня для вас, Семен Петрович, неприятное известие, – Кедрин сделал паузу и чуть улыбнулся, – к вам едет ревизор. Если точнее – летит.

– Спасибо за предупреждение, – Богомазов облизнул пересохшие губы.

– Ну, благодарить меня не стоит. Ревизор-то американец, поэтому я сам кровно заинтересован, что бы всё у вас прошло тип-топ.

Секундная пауза, требующаяся для преодоления радиоволнами трехсот восьмидесяти тысяч километров между Луной и Землей, создавала иллюзию, что собеседники ведут разговор, тщательно подбирая слова.

– Американец? – начальник базы удивленно поднял брови. – Моя же база для их спутников как на ладони. Блоки накачки отсутствуют. Или они думают, что боевые лазеры мы сможем запитать нашей дохлой электростанцией?

– А может они думают, что коварные русичи изобрели что-то принципиально новое и только выжидают удобного случая, чтобы воткнуть топор войны в спину миролюбивым янки? – Кедрин вновь чуть заметно улыбнулся.

– Господин Директор, это связано с гиперпространственным двигателем? – интуитивно угадал Богомазов.

– Семен Петрович, у меня есть веские причины предполагать, что с вашей базы имеется утечка информации.

– Я могу узнать эти причины?

– Причина одна. Одиннадцатого к вам прибывает гиперпространственный двигатель, а двенадцатого госдеп США официально ставит нас в известность о предстоящей инспекции вашей базы.

– Может совпадение? – как и любой нормальный руководитель, Богомазов попытался защитить своих подчиненных.

– Вашу базу не проверяли пять лет. Вы сами только что назвали причины, по которым она не интересна американцам. Нет, Семен Петрович, я не верю в такие совпадения.

– Пять лет назад базу также инспектировали из-за гиперпространственного корабля.

– Тогда мы и не скрывали, что готовим свой беспилотный вариант. А в этот раз информация о нашем новом проекте была тщательно засекречена. И почти два года, пока собирались отдельные элементы корабля, американцы об этом не знали. Но стоило гиперпространственному двигателю очутиться на вашей базе, и американцы тут же направили к вам инспекцию.

– Но еще раньше сюда прибыл жилой отсек корабля. И американцы ничего.

– Значит, кто-то раньше не знал, что жилой отсек относится к новому кораблю, – после некоторой паузы произнес Кедрин.

Богомазов на этот раз ничего не возразил. Доказательств, что не с его базы ушла информация к американцам, у него не было. Да и уверенности тоже. А спорить без веских аргументов с Директором Службы безопасности – себе дороже. У него рабочий стол больше, чем у начальника лунной базы кабинет.

– Как я понимаю, спрятать гиперпространственный движок от американцев у вас не получится?

– Так точно. Даже если бы у меня был какой-нибудь подвал, то всё равно – движок элементарно вычисляется электромагнитным датчиком.

– А экранировать?

– Нечем, да и времени, наверное, уже нет. Когда прилетает инспекция?

– Пятнадцатого, послезавтра, в десять утра по средневропейскому времени. Председатель инспекции – лунный атташе американцев Джордж Питсроу.

– Питсроу не Питсроу, а движок они увидят. Никуда не денешься, – констатировал Богомазов.

– Семен Петрович, в общем-то, не в двигателе дело. Необходимо скрыть, что жилой отсек будет стыковаться с этим гиперпространственным двигателем.

– Это легко. Мы кой-какие приготовления для их сборки сделали, но до пятнадцатого всё можно вернуть в исходное состояние.

– Вот и отлично. Главное, Семен Петрович, чтобы американцы не узнали, что мы хотим послать в гипер человека. Ясно?

– Ясно, – коротко ответил Богомазов.

– Ну, а я приму все меры, чтобы вычислить «крота».

«Неужели у меня завелся «крот»? – глядя на потухший экран видеофона, думал начальник лунной базы.

И уже нажимая кнопку общего сбора всех ведущих специалистов базы для постановки задачи на сегодняшнюю ночь, он неожиданно подумал: «А всё же, кто прыгнет в гиперпространство? Сдается мне, что это не совсем обычный человек. Можно сказать – совсем необычный».

Почему он так решил, Богомазов не знал. Вот почувствовал и всё. Интуиция. А интуиции начальник лунной базы доверял. И пока она еще ни разу его не подводила.

Объединенная Русь. Украина, река Припять. Район г. Славутича, Киевской обл. За пятнадцать лет до описываемых событий. 20 мая 2175 года. Воскресенье. 12.10 по местному времени.

Солнце, казалось, было намертво приколочено к блекло-голубому выцветшему небу. Под его давящими лучами замерла вся жизнь. На зеленом лугу не шелухнется ни один стебелек. Ни одна птица не чертит голубой холст неба. Серая ящерица, распластавшись на обжигающей земле, застыла в настороженном оцепенении. Лишь горячий воздух неслышно струится от земли вверх. Но вот, почувствовав чье-то приближение, ящерица юркнула под раскаленный солнцем камень. По проселочной дороге, медленно шла группа четырнадцатилетних ребят. Впереди них шел высокий, подтянутый мужчина лет пятидесяти с абсолютно седой головой.

– Опять этот забег «Победителя». В других школах сдал экзамены и гуляй всё лето до сентября. А у нас нет. Директор еще забег придумал, – невысокий плотный паренек с оттопыренными ушами шепотом возмущался, обращаясь к двум другим, идущим рядом. – И пилить к старту чёрте сколько от дороги. Как будто нельзя сюда на электроциклах доехать.

– А мне нравится, – возразил тоже невысокий, но худошавый паренек. – Победил – и на последнем звонке танцуешь с любой девчонкой на выбор. А в следующем году сразу сто баллов в твой призовой фонд. А они на вступительных экзаменах лишними не будут. Правильно я говорю, Серый? – он обратился к третьему попутчику, шагавшему рядом.

Высокий, с выгоревшими на солнце кудрями парень равнодушно пожал плечами.

– А ему всё равно, – хмыкнул крепыш. – Ему мать всё равно не разрешит танцевать с девчонками. Потому как – это грех. А поступить в вуз ему Бог поможет. А, Серый?

Кучерявый паренек спокойным взглядом окинул крепыша.

– Я хочу бежать. Потому что это воспитывает дух. Баллы тоже пригодятся. А с девчонками танцевать не грех. Грех... – паренек запнулся, – грех думать о них не скромно.

– О, насчет баллов, это что-то новенькое у тебя, – не унимался крепыш. – Правильно. На аллаха надейся, а ишака привязывай, – он начал было смеяться, но вовремя спохватился, зажав рот рукой.

Затем испуганно посмотрел на шагавшего впереди мужчину. Тот, очевидно, ничего не слышал.

Наконец группа ребят вышла к крутому берегу реки.

– Стой! – подал команду мужчина. – В одну шеренгу становись!

Ребята быстро, сразу видно, что часто тренировались, выстроились в одну шеренгу.

– По порядку номеров рассчитайсь! – тут же последовала новая команда.

– Первый!

– Второй!

– Третий!

– Двадцать пятый! – последним громко выкрикнул тот самый невысокий худошавый паренек.

И тут же, сделав шаг вперед, добавил:

– Расчет окончен! Седьмой «А» класс в количестве двадцати пяти человек к забегу «Победитель» готов!

Он сделал шаг назад.

– Итак, ребята, – седой мужчина, привычно заложив руки за спину, пошел неспешным шагом вдоль шеренги. – Сегодня вы примите участие в очередном забеге «Победитель». Я тут слышал отдельные недовольные высказывания, – мужчина остановился и еще раз окинул

взглядом замерших ребят. – Наша цивилизация очень гуманна по отношению к отдельному человеку. Мы это можем себе позволить – быть гуманными. Мы можем позволить себе содержать до тридцати процентов взрослых мужиков и женщин, которые ничего не делают. Мы это можем позволить, благодаря нашим предкам, которые были и жестокими, и далеко не гуманными. Но они построили цивилизацию. Великую цивилизацию. А сейчас с нас могут содрать майку лидера вместе с кожей. События последних двух веков, а особенно нашего – яркое тому подтверждение. Уже давно нет Израиля – утонул в арабском море. Нет Греции – поглощена турками. В средиземноморских европейских странах большинство населения уже не белые. В итоге во Франции президент–мусульманин. А наш Дальний Восток? Вы все смотрите телевизор и читаете газеты. Бесперывные столкновения с китайцами. Во многих малых городах мэр – китаец. Ребята, поверьте, на долю именно вашего поколения может выпасть историческая миссия – или отстоять нашу, белую цивилизацию или окончательно проиграть. Интеллекта нам хватает. Нам не хватает воли к победе. За столетия сытой жизни мы размякли и изнежились. Если мы хотим выжить, мы должны вновь научиться быть сильными, волевыми и даже жестокими для достижения своих целей. И научиться переносить тяготы и лишения. Увы, без этого мы не обойдемся. И я хочу, чтобы этот забег, трудный забег, послужил толчком к осмыслению жизни. И столь высокие баллы победителю должны вам внушить, что в дальнейшем вновь будут в цене целеустремленность, твердость характера, выносливость. Вот, пожалуй, и всё. Теперь вкратце некоторые технические детали. Вы должны прыгнуть вниз с этого крутого берега и переплыть реку. Ее ширина в этом месте триста пятьдесят метров. На другом берегу, в семи километрах от реки, если двигаться вон по той тропинке, видите, – мужчина рукой указал на противоположный берег, где еле видимым разрежением травы угадывалась тропка, – растет дуб. Вы должны добежать до этого дуба. На его ветвях привязаны ровно двадцать пять оранжевых ленточек. Каждый срывает ленту и возвращается назад. Как только вы передаете мне в руки ленточку, вы переходите в следующий класс. Вопросы?

Шеренга молчала. Наконец один шагнул вперед:

– А бежать в чем, Сергей Николаевич? Бежать придется по полю. Босиком нельзя – ноги собьем. Не плыть же в обуви?

– Каждый эту проблему решает, как хочет. Можете плыть в обуви, можете ее сбросить. Можете плыть и держать обувь в руке. Еще вопросы?

Шеренга окончательно застыла.

– Что ж, если вопросов больше нет, – директор школы сделал паузу, а затем неожиданно обыденным тоном добавил, – тогда побежали.

Несколько секунд всё стояли неподвижно. Затем строй мгновенно сломался, и группа рванула к реке. С высокого обрыва в мягкий песок все прыгнули почти одновременно. Двадцать пять бурунов устремились к другому берегу. Еще не успевшая нагреться после зимы вода обжигала тело. Первым на берег выскочил крепыш с оттопыренными ушами. На ходу стаскивая мокрую футболку, он помчался по пунктиру тропинки. Следом бросились остальные. Воздух жадно вбрасывался в легкие, словно в топку, чтобы через секунду быть выброшенным назад. Высокая трава секла ноги, мешая бежать. Через пару километров ребята выстроились в рваную линию. Впереди мчался всё тот же крепыш, тяжело впечатывая подошвы мокрых кроссовок в землю. За ним, отстав метров на тридцать, легко бежал Сергей, который не позволял себе думать о девчонках нескромно. Невысокий худощавый паренек, споривший с лопухим крепышом, бежал шестым. Вот показался и дуб. С его нижних веток, словно фантастические сосульки, свисали оранжевые ленты. Подбежав к дереву, крепыш, чуть подпрыгнув, схватил руками одну из них и рванул вниз. Материя не выдержала и лопнула. Зажав обрывок ленты в руке, парень бросился назад. Практически сразу за ним в воздух взвился легкий Сергей. Рывок руками, треск материи, и второй мальчик устремился обратно к реке. Худощавый паренек к

дубу подбежал уже четвертым. Легко сорвав свою оранжевую ленту, он бросился вдогонку за первой тройкой.

Обратные семь километров внесли значительные коррективы в тройку лидеров. Сергей обогнал крепыша и первым нырнул в реку. Тяжелым пушечным ядром бухнулся в реку второй. Бежавший четвертым парень сумел обойти ближайшего бегуна и практически бесшумно нырнул в реку третьим.

Второй заплыв на триста пятьдесят метров дался значительно труднее первого. Крепыш вновь обошел Сергея и первым, пошатываясь, выбрался на берег. Впереди, в двадцати шагах, вздымался неприступной стеной берег, усеянный, как оспинами, гнездами береговых ласточек. В метрах ста ниже по течению, к воде спускалась тропинка, больше похожая на слаломный спуск. Но другого пути наверх не было. Четырнадцатилетний мужчина тяжелой трусцой направился к ней. Позади, в пяти шагах, бежал Сергей. Когда на берег выбрался худощавый парнишка, двойка лидеров уже подбегала к заветному пути наверх. Парень сделал шаг в их сторону. Затем, сбросив набухшие от воды кроссовки, неожиданно устремился прямо на крутой откос. Голые ноги глубоко проваливаясь в рыхлый песок, отчаянно толкали бегуна вверх, по крутому склону. Рывок, еще один – дальше откос переходил в откровенную вертикаль. Глаза мальчишки в отчаянии заматались по сторонам. Крепыш и Сергей, практически сравнявшись, уже поднялись до середины тропы. Еще пара ребят выскочили из воды и устремились к заветной тропинке. В пяти шагах от худощавого паренька из гнезда вылетела птица и закружила над ним, издавая тревожные крики. Невольно глаза мальчишки сосредоточились на том месте, откуда она появилась. Там вода от недавнего дождя, сбегая вниз, вымыла небольшую расщелину. Повинуясь безотчетному импульсу, паренек устремился к ней. Небольшая мальчишечья ступня с трудом уместилась в вымоине. Но песок под другой ногой не выдержал и стал медленно оседать. Мгновение, другое и это неспешное сползание превратилось в стремительное падение вниз. Паренек что-то промычал нечленораздельное. Еще сильнее загалдели над головой птицы. Мышцы живота судорожно сжались, стремясь остановить неизбежное падение. Левая нога засучила по стенке, сметая песчаные неровности, пытаясь найти надежную точку опоры. Мальчишечьи кулачки намертво сжали пучки травы. Та затрещала, не в силах выдержать тяжести тела. Неожиданно левая нога нащупала точку опоры – гнездо береговой ласточки. Толчок и вот уже мальчишка перекатился через край. Обессиленный, оглушенный птичьими криками он словно волчонок, сжимая в зубах ленточку, встал на четвереньки и огляделся. Сергей, преодолев обрыв, устремился к учителю. За ним, сопя, топотал раскрасневшийся лопухий крепыш. Седой мужчина, прищурившись, с интересом смотрел на стоящего на четвереньках пацана, в десяти шагах от него. Тот снова, что-то промычав, спотыкаясь, помогая себе руками, ничего не видя перед собой, устремился к нему. Голова с маху налетела на что-то твердое, и паренек с силой боднул препятствие. Оно не поддалось. Упав на колени, парень посмотрел вверх. Перед ним стоял учитель. Висевшее над его головой солнце слепило глаза. Сбоку уже набегал Сергей, вытягивая вперед руку с зажатой лентой. Твердая мужская рука протянулась к лицу парня. Больно, раздирая в кровь губы, что-то ударило ему по зубам – с силой выдернутая изо рта лента взвилась вверх.

Ласточки долго еще не могли успокоиться, носясь в воздухе и возбужденно галдя. На желтом песке обреченно белели два крошечных птичьих яйца, выпавших из обрушенного мальчишечьей ногой гнезда.

– Ма, но это же не честно, – Сергей расстроено смотрел на мать, сидевшую за компьютером. – Я должен был выиграть этот забег. Я должен был стать победителем. Борьке просто повезло. Мы же сколько раз были на том берегу. На обрыв нельзя залезть. Только по тропинке. А тут прошел этот дождь, и он умудрился заметить эту вымоину. Да если б не ласточка, он

бы в жизни ее не заметил. Он мне сам потом об этом сказал, – выпалив всё это, мальчишка отвернулся.

Женщина встала из-за стола и обняла сына.

– Не расстраивайся, Сереженька. Ты же знаешь, на всё воля Божья. Значит, так было угодно Ему. Угодно, чтобы выиграл Борис.

– Почему угодно? – Сергей резко высвободился из объятий матери и теперь смотрел на неё полными слез глазами. – Он даже Ему не молится и в церковь не ходит.

– Бог не должен перед нами отчитываться. Это мы должны, – несколько сурово произнесла мать. Затем, смягчившись, вновь обняла сына и добавила:

– Может Он испытывает тебя, испытывает твою любовь к Нему. Ничего, сыночек, ты у меня хороший. Будешь Ему верно служить, и Бог тебя заметит. Обязательно заметит.

Объединенная Русь. Россия. Москва. Кремль. Малый зал совещаний Президента. За два с лишним года до описываемых событий. 7 апреля 2188 года. Понедельник. 11.18 по местному времени.

Весеннее солнце ярко заливало зал, словно пыталось своими лучами дотронуться до раскинувшегося за окнами великолепия. Отделанные дорогими тканями, ценными породами дерева и полудрагоценными камнями стены, огромная хрустальная люстра, свисающая с искусно расписанного потолка, зеркального блеска паркет.

Но, несомненно, главной достопримечательностью был стол – огромный, массивный, уверенно захвативший более половины площади зала. При его виде на ум сразу приходило одно слово: «Державный». Он был как бы материальным воплощением термина «Большая политика».

– Присаживайтесь, господа, – Владимир Сергеевич Орлов, Президент Объединенной Руси, жестом указал вошедшим шести мужчинам на кресла, стоявшие вокруг державного стола.

Очередной раунд Большой политики начался.

Дождавшись, когда гости расселись и стих неизбежный легкий шум, он продолжил:

– А теперь, господа, попрошу приготовить ваши ноутбуки к работе и подключить их к моему компьютеру. Пароль входа – слово «Сигнал».

Невидимые электромагнитные лучи из шести ноутбуков скрестились на компьютере Президента. Информация, закодированная в их колебаниях, была тут же проанализирована. Электронный мозг вынес вердикт «Свои» и открыл электронные «ворота» – на мониторах членов Совета Безопасности Объединенной Руси на фоне Герба Объединенной Руси высветилось: «Код введен правильно. Доступ к персональному компьютеру Президента получен».

Орлов легким касанием указательного пальца ткнул еще одну клавишу на своей клавиатуре.

– Прошу ознакомиться с этим документом.

На шести мониторах тотчас появилось изображение документа, сверху которого красными буквами было выведено: «Личный архив Президента Объединенной Руси». А в верхнем правом углу монитора замигала таким же красным цветом надпись: «Копирование запрещено!»

Шесть пар глаз напряженно заскользили по тексту.

Через десять минут Президент продолжил:

– Это стенограмма моего вчерашнего разговора с академиком Хохловым. Для начала попрошу откровенно высказаться по содержанию этой беседы. Начнем по часовой стрелке. Начинайте, Павел Иванович.

Вице-президент Объединенной Руси, он же премьер-министр, Павел Иванович Короленко, еще раз скользнув глазами по тексту и откашлявшись, медленно, с паузами заговорил:

– Насчет правильности или неправильности соображений Сергея Павловича Хохлова ... Я не физик, поэтому я полностью доверяю его выводам. Вы, как я понимаю, Владимир Сергеевич, ожидаете от меня соображений по поводу того, какие перспективы несет нам это открытие, – взглянув на Президента и получив утвердительный кивок головой, вице-президент продолжил. – Перспективы же открываются, я не побоюсь этого слова, громадные. Назову навскидку. Быстрая и дешевая транспортировка водорода с Юпитера. А в условиях уже практически нулевых запасов нефти мы тут же получаем стратегическое преимущество. К тому же термоядерные электростанции станут в несколько раз рентабельней. Дальше развивать мысль по этому направлению не буду – и так всё понятно. Это первое. Второе. Реальная перспектива освоения нами, я подчеркиваю, нами Дальнего Космоса. А по Нью-Йоркской Конвенции стране, открывшей любой неизвестный ранее объект и построившей на его поверхности базу, принадлежит половина его территории. Имея надежное гиперпространственное сообщение, мы, как Англия, бывшая в семнадцатом – девятнадцатом столетиях владычицей морей, станем владычицей Дальнего Космоса. Ну и, очевидно, что это открытие, как хороший локомотив потянет за собой тяжеловесный состав новых открытий в фундаментальной физике. Пока, пожалуй, всё.

– Спасибо, Павел Иванович. Прошу вас, Игорь Петрович, – Орлов привычно исполнял роль председательствующего.

Министр обороны Игорь Петрович Круглов снял свои массивные очки в строгой черной оправе и, положив их рядом с ноутбуком, заговорил с легкой хрипотцой:

– Я, как и Павел Иванович, благоразумно воздержусь от анализа выводов академика Хохлова – не мой уровень. А насчет перспектив этого открытия скажу только одно – при его реализации, я думаю, китайцы, наконец, согласятся с тем, что Забайкалье – это исконно российские земли и хотя сейчас там китайцы численно преобладают, ни о какой автономии этого края речь идти не может. И великий Китай пусть остается великим до Амура. У меня всё, – с этими словами министр обороны вновь надел свои массивные очки.

Легкий шум в зале наглядно демонстрировал, что слова министра обороны пришлись по душе всем. Могучий юго-восточный сосед, казалось, мертвой хваткой десятков миллионов своих шуплых, невысоких, но хитрых и упорных подданных, вцепился в Забайкалье. В старинных кремлевских кабинетах уже отчетливо слышали еще далекий, но грозный шум, похожий на полет полчищ саранчи – многомиллиардный Китай давил на Русь. Давил дешевыми товарами, неприхотливой рабочей силой, давил улыбчивыми, почтительными дипломатами и многомиллионной, вымуштрованной армией. Под этим натиском православные храмы на Дальнем Востоке превращались в буддийские, а привычную глазу кириллицу вытесняли китайские иероглифы. Дальневосточная проблема постепенно сплелась в гордиев узел, который, как известно, развязывается только одним способом ...

– Спасибо Игорь Петрович. Теперь вы, Вениамин Олегович.

Высокий, респектабельный, чуть полноватый министр внутренних дел Бакатин неторопливо проговорил:

– Мне трудно судить, впрочем как и всем присутствующим в зале, о правильности выводов академика. Если они верны, то перспективы, открывающиеся перед нами, уже обрисовали выступавшие до меня. Но опять же, если они верны. Поэтому, на мой взгляд, необходима тщательная экспертиза выводов многоуважаемого академика Хохлова нашими ведущими институтами в этой области.

– Правильно, совершенно правильно, – сухонький, подвижный министр стратегических исследований Олег Павлович Крутиков, не дожидаясь когда ему предоставит слово Президент, с ходу пустился в карьер, – Выводы академика Хохлова необходимо проверить. Я несколько не подвергаю сомнению его научный авторитет, но без серьезного, глубокого анализа его сообра-

жений, идти в этом направлении и вкладывать большие материальные средства, по крайней мере, неосторожно.

– А проводить серьезный и глубокий анализ вы, конечно, будете в Институте теоретической физики? – премьер-министр даже не пытался скрыть иронию.

– В этой области – это самое авторитетное научное учреждение.

– Особенно, когда оттуда был изгнан академик Хохлов, – второе лицо в государстве продолжал заседать на министра стратегических исследований.

У последнего на худом, аскетичном лице стали проступать красные пятна:

– Я понимаю, о чем вы... Но на увольнении академика из Института теоретической физики настаивал не только его директор, но и большинство коллектива.

– Насчет директора – вы правы. Хохлов постоянно критиковал Солева за мелкотемье, неумение сориентировать институт на решение узловых проблем. А насчет коллектива... – вице-президент сделал паузу.

– Насчет коллектива разрешите сказать мне, – вступил в разговор плотный, коренастый, свободно откинувшийся на спинку кресла тридцатипятилетний человек с ежиком абсолютно седых волос.

– Прошу, Вадим Александрович.

– По роду занимаемой должности, я обязан знать всё, – Директор Службы безопасности Вадим Александрович Кедрин чуть улыбнулся и посмотрел на Президента. Тот улыбнулся в ответ. – Поэтому я могу внести полную ясность в историю волеизъявления славного коллектива Института теоретической физики. Цена свое и ваше время, уважаемые господа, скажу коротко. На коллектив было оказано давление. Добавлю – изошренное давление. Мне приводить факты, Олег Павлович?

– Не стоит, – после паузы, наконец, выдал из себя министр стратегических исследований, не рискнув состязаться с Директором СБ.

– Но личные симпатии и антипатии, а также исследование грязи в человеческих отношениях – слишком мелко для нашего совещания, – продолжил Директор Службы безопасности. – Насколько я понял, полезность и важность открытия академика Хохлова ни у кого не вызывает сомнения, кроме Олега Павловича. Сомнение – вещь полезная. Я сам часто сомневаюсь. Конечно, можно, как настаивает Олег Павлович, провести экспертизу открытия Хохлова. Но вот сможет ли ее провести Институт теоретической физики? Теперь сомневаюсь я.

Президент выжидающе посмотрел на Крутикова. Тот сосредоточился на экране своего ноутбука.

– Вадим Александрович, что вы имеете в виду? – Орлов перевел взгляд на своего главного шпиона. – В словах Олега Павловича есть смысл. Доверяться выводам одного человека в столь важном вопросе... – Президент паузой приглашал Кедрина аргументировать свои слова.

– Насколько я знаю, последней каплей, из-за чего ушел академик Хохлов из института, явились его разногласия с академиком Солевым по принципиальной схеме гиперпространственного двигателя.

– И Солев оказался прав! – цвет лица Крутикова возвращался к обычному. – Американцы пошли по такому же точно пути. Недаром везде этот двигатель называют двигателем Солева – Хейнштейна.

– А вот китайцы пошли своим путем, – спокойно выслушав реплику министра стратегических исследований, продолжил Кедрин.

– Что? – Президент всем корпусом резко подался вперед. – У Китая же нет гиперевика.

– Не было, – спокойно уточнил Директор Службы безопасности. – Сегодня, час назад они успешно провели наземные испытания своего гиперпространственного двигателя.

– Когда вы узнали об этом? – Президент, не меняя своей напряженной позы, смотрел на Кедрина.

– О том, что в Китае ведутся исследования по созданию гиперпространственного двигателя, мой предшественник докладывал вашему предшественнику, еще пять лет назад. Но мы считали, что китайцы разрабатывают такую же схему двигателя, как мы и американцы. И, следовательно, им еще идти по этому пути года два.

– Что же помогло им так ускориться? Произошла утечка информации по двигателю? От нас или американцев?

– Информацию о том, что китайцы уже на пороге автономных испытаний, я получил десять дней назад.

– Почему же не доложили?

– Перепроверял. Слишком невероятной мне показалась эта информация. Задействовал всё возможные агентурные и технические каналы.

– И что же выяснили?

– Выяснил, что такое ускорение работ китайцев не связано с какими-либо утечками информации ни от нас, ни от американцев.

– Уверены?

– Да, господин Президент, – твердо ответил Директор Службы безопасности. – Наша информация им попросту не нужна. Они разработали принципиально новую схему гиперпространственного двигателя, которая требует решения значительно меньшего количества чисто технических проблем. В частности, для этой схемы не требуется разработка материала, имеющего сверхпроводимость при тысяче градусов Цельсия. А только на его разработку мы потратили почти два года.

– И что же это за схема?

– Это схема, которую еще восемь лет назад предлагал академик Хохлов, и которая Институтом теоретической физики была признана бесперспективной. А наша Служба тогда поверила выводам этого института, и когда мы узнали, что китайцы начали разработку своего гипердвигателя, то подумали, что они идут тем же путем, которым шли мы. И потому плотно не держали руку на их пульсе, а могли бы. Сейчас-то мы всё выяснили за неделю. Поэтому я и сомневаюсь в возможностях Института теоретической физики провести объективную экспертизу открытия Хохлова.

В зале заседаний повисла тишина.

– Сергей Петрович, – Президент посмотрел на министра иностранных дел, – только вы ещё не высказались.

– Ко всему сказанному я хочу только добавить, что научный авторитет академика Хохлова в мировом сообществе весьма высок, – министр иностранных дел Сергей Петрович Панин говорил бесстрастно, упершись взглядом в экран своего ноутбука.

– А его авторитет никто и не подвергает сомнению, Сергей Петрович, – не дождавшись, когда закончит Панин, перебив его, Олег Павлович Крутиков бросился вновь отстаивать свою точку зрения. – Я только говорю, что необходима квалифицированная научная экспертиза его выводов.

Не меняя тона и всё так же спокойно глядя в экран, министр иностранных дел продолжал:

– Мой хороший друг, президент Французской академии наук, мсье Франсуа Виньон, физик по образованию, недавно в частной беседе сказал, что после того, как Хохлов ушел из Института теоретической физики, посещать сайт этого института ему стало неинтересно.

– Ну и пусть не посещает!

– Мне больше добавить нечего, господин Президент, – Панин, наконец, оторвавшись от экрана, посмотрел на Орлова, никак не реагируя на последнюю реплику министра стратегических исследований.

И вновь в зале совещаний повисла тишина.

– Так какое же решение мы примем? – наконец прервал ее глава государства.

– А что тут решать? – министр обороны, зажав в кулаке, словно кастет, свои массивные очки, обвел взглядом всех присутствующих. – Я предлагаю немедленно начать работы по реализации предложений академика Хохлова.

– В реализацию входит разработка гиперпространственного двигателя по схеме Хохлова? – уточнил Кедрин.

– Нет, – тут же отреагировал Президент. – Мы должны делать всё быстро. И в данном случае, мы вполне можем обойтись двигателем Солева – Хейнштейна. Двигатель по схеме Хохлова мы разрабатывать тоже будем, но параллельно. Пилотируемый корабль мы сделаем под уже отлаженный движок. Вам, Олег Павлович, даю два месяца на проработку общей конструкции будущего корабля. В первую очередь меня интересует, во сколько это обойдется. Вам хватит времени, Олег Павлович? – Президент вопросительно посмотрел на министра стратегических исследований.

Тот, раздавленный последней информацией Директора Службы безопасности, лишь слабо кивнул головой.

– Отлично. А вам, Вадим Александрович, отводится такой же срок на поиск любимцев Бога, – теперь Президент вопросительно посмотрел на Кедрину.

Директор Службы безопасности молчал, сосредоточенно о чем-то размышляя.

– Отлично, – еще раз произнес Орлов. После получения от вас предварительных результатов, я выношу этот вопрос на Совет Президентов, – он сделал паузу. – И последнее, что я хотел сказать, прежде чем закрою это совещание, – Президент сделал паузу, обвел глазами всех присутствующих и вновь заговорил, тщательно подбирая слова. – Если предположения академика Хохлова верны насчет разумности гиперпространства, и что это и есть вместилище Высшего Разума и наш, я подчеркиваю, наш представитель первый туда заглянет, то станет понятным представление наших предков об особенном пути Руси. И если, как говорится, как корабль назовешь, так он и поплывет, то я предлагаю будущий гиперпространственный корабль назвать «Прорыв», а сам проект... – Президент на мгновение задумался, – а проект назвать «Пора». Пора человечеству подниматься на новый уровень. Пора Руси выполнять свою историческую роль. Пора ей становиться мировым лидером, в конце концов. Возражений нет?

– Против мирового лидерства? – Короленко улыбнулся. – Никаких!

Все рассмеялись.

– Вот собственно и всё. Вопросы будут? – веселыми глазами Орлов обвел присутствующих.

– Как искать любимца Бога? Сейчас это ключевое звено, – Директор Службы безопасности вопросительно смотрел на Президента.

Из личного Архива Президента Объединенной Руси.

Конфиденциально.

Президенту Объединенной Руси
господину Владимиру Сергеевичу ОРЛОВУ

Служебная записка.

Уважаемый Владимир Сергеевич. С удовольствием откликаюсь на Вашу просьбу и привожу основные критерии выбора любимца Бога в рамках программы «Пора».

Прежде всего следует сказать, что удача, везение многими людьми сейчас, а в особенности в древности (наши предки были ближе к Богу – детям легче поверить в чудеса, чем взрослым!) воспринимались как такая же характеристика человека как, например, мужество, ум и т.д.

Я проанализировал многие случаи различных видов проявления удачливости и везения с точки зрения вероятности наступления таких событий (более полный и всесторонний математический анализ я предлагаю провести в рамках программы «Пора») и пришел к глубокому убеждению, что частота возникновения таких событий при данном количестве населения Земли должна быть намного меньше наблюдаемой. Например, чудесным, невероятным, с точки зрения человека, способом отдельные люди должны были бы избегать неминуемой смерти намного реже, чем зафиксировала история. Отдельный пример. В последнем крупном военном конфликте на Земле – Второй мировой войне было зафиксированы случаи спасения пилотов после прыжка их со сбитого самолета с нераскрывшимся парашютом. Я примерно подсчитал общее количество вылетов, сделанных за всю войну, количество сбитых самолетов, построил приблизительную модель падения человека с самолета, определил факторы, влияющие на исход падения. Затем определил сочетание и величину тех факторов, при которых возможно спасение. (Все эти данные и методики расчета в приложении к этой записке. При Вашем желании, их могут проверить независимые специалисты). Мои расчеты показывают, что таких чудесных спасений должно быть максимум три-четыре. Их же, достоверно зафиксированных было девятнадцать! (К слову сказать, на долю бывшего СССР пришлось четырнадцать таких случаев. На долю союзников – один, у них было сравнительно малое общее количество вылетов. Остальные – Германия. Кстати, еще один повод задуматься над тем, кто вел более справедливую войну, и к кому были благосклонны Высшие Силы). Отсюда можно сделать вывод, что в подсчете вероятности спасения не учитывается еще какой-то фактор. Я утверждаю, что этот фактор – целенаправленное вмешательство в ход событий Силы, способной изменять (по крайней мере в локальный промежуток времени и в локальном объеме пространства) действие известных нам законов. К примеру закон тяготения и (или) физиологию человека. Без введения этого предположения невозможно объяснить, например, спасение английского пилота Николаса Элкимейда, упавшего с нераскрытым парашютом с высоты пяти с лишним километров во всего лишь полутораметровый сугроб. Другими словами, в событие вмешался Бог.

Поиски любимцев Бога я предлагаю проводить среди следующих групп:

1. Выживших после аварий или катастроф природного или техногенного характера.
2. Выигравших крупные призы в различного рода лотереях.
3. Выздоровевших после тяжелых болезней, безнадежных, с точки зрения медицины.

Количественные критерии отбора (например, какую катастрофу считать чрезвычайно опасной, а какую нет, какой выигрыш считать крупным и т.д.) должны быть уточнены после сбора и обработки всего массива информации по данному вопросу.

При поисках любимцев Бога (господин Президент, я намеренно не ставлю этот термин в кавычки. Я убежден – любимец Бога – это такое же реальное, без всяких условностей понятие как, например, гениальность!) особое внимание следует обратить на такое понятие как синхронность событий. Поясню на примере.

5 декабря 1664 года у побережья Уэльса затонул пассажирский корабль. Погибли все члены экипажа и пассажиры, кроме одного. Счастливчика звали Хью Уильямс. Более века спустя, 5 декабря 1785 года, на этом же месте потерпело крушение другое судно. И вновь спасся единственный человек по имени Хью Уильямс. В 1860–м, опять–таки 5 декабря, здесь же пошла ко дну рыбацкая шхуна. В живых остался только один рыбак. Его звали Хью Уильямс!

Для объяснения таких невероятных совпадений знаменитый ученый двадцатого века, нобелевский лауреат Вольфганг Паули и не менее знаменитый психолог Карл Густав Юнг ввели понятие синхронности. Юнг, к слову, мистик и иррационалист, говорил о том, что совпадения – это маленькие чудеса, которыми космос отвечает на глубинную потребность человеческой психики. Паули, в свою очередь, считал, что никак на первый взгляд не связанные, произвольно совпадающие события на самом деле имеют общую причину, которую невозможно установить из-за несовершенства познания физических законов, правящих миром. И он был

прав! Причина, которую и сейчас невозможно распознать из-за нашего незнания еще многих законов мироздания – это Высшие Силы. Это Бог. По большому счету, феномен синхронности – одно из проявлений Высших Сил, которые помогают человеку сделать правильный выбор в опасной для жизни ситуации.

Я не берусь сейчас объяснить почему, например, имя Хью Уильямса так привлекательно для Бога. Но если нельзя объяснить явление, его всё равно следует учитывать. Поэтому я предлагаю, при поиске любимцев Бога обращать внимание на их имена и фамилии. И проверять, не было ли в прошлом чудесных случаев с их однофамильцами. Совпадение по этому критерию – также важный признак в выявлении любимца Бога.

С уважением, академик С. П. ХОХЛОВ

В верхнем правом углу рукой Президента красными чернилами было начертано: «В.А. Кедрину. Для создания методики выявления любимцев Бога. Проект «Пора».

Чуть ниже рукой Директора Службы безопасности черными чернилами размашисто выведено: «И.Н. Северскому. Учтите в вашей работе. О результатах доложить 13.08.

Объединенная Русь, Казахстан, г. Ленинск. Южный ракетный полигон. Площадка №24. Почти за два года до описываемых событий. 13 августа 2188 года. Среда. 8.10 по местному времени.

Бетонная полоса уверенно рассекла пополам степь, покрытую желто-бурым ковром отцветших тюльпанов. Этот пестрый ковер лежал до самого горизонта, постепенно сливаясь с голубым ковром неба. На полосе стояла огромная зловеще-черная птица, раскинув треугольные пластины крыльев и опираясь на бетон тремя черными блестящими лапами-колесами. Ее удлинённый, по хищному острый нос, был опущен вниз, словно птица что-то вынюхивала на земле. Сильный весенний ветер безжалостно сек черную поверхность птицы твердой, как крупа пылью. Все, кроме неугомонного ветра казалось безжизненным – и эта, будто вымершая желто-красная степь, и серая бетонная полоса, и черная птица на ней. Но это только казалось. Внутри птицы бурлила жизнь. Миллионы электрических сигналов металась по ее обширному телу, проникая в самые потаенные уголки. Вот и сейчас неслышимый и невидимый сигнал окатил птицу, чтобы тут же раздаться внутри нее человеческим голосом:

– «Пчела один», «Пчела один», я «Улей». Объявляю готовность номер один.

– «Улей». Я «Пчела один». Вас понял. Готовность номер один, – человек, сидящий внутри «птицы» ткнул пальцем по одной из многочисленных кнопок, усеявших пульт управления.

Тут же, на лобовом стекле «птицы», а точнее стратегического ракетоплана «Х-3» замигал красными буквами транспарант: «Внимание! Включена готовность №1». Надпись продолжала мигать, а ниже, сменяя друг друга со скоростью на пределе восприятия человеческим мозгом, вспыхивали: «Гироскопы разогнаны», «Турбина маршевого двигателя выведена на предварительную ступень», «Снята третья ступень предохранения энергетической установки». Бесстрастная электроника ракетоплана спокойно ожидала, когда наберется функционал готовности. Вот ее электронный мозг зафиксировал успешное выполнение последней операции: «Автономная система жизнеобеспечения включена» и тут же, неукоснительно повинуясь вбитой в него программе, высветил: «Готовность №1 набрана. Ракетоплан к полету готов».

– «Улей». Я «Пчела» один. Готовность номер один набрана. К полету готовы.

– «Пчела один». Я «Улей». Центральный наземный компьютер сбоев не обнаружил. Вылет разрешаю.

И уже не таким официальным тоном прозвучало:

– Счастливого полета, «Пчелы».

– Спасибо, «Улей».

– Ну что, Игорь, летаем, – командир ракетоплана «Х-3» мельком скользнув по экрану небольшого монитора, отображавшего спокойное лицо штурмана, сидящего в отдельной кабине позади командирской, взвел красный тумблер.

– А куда мы денемся, Боря?

И в то же мгновение позади ракетоплана вырвался яркий сноп пламени. Ракетоплан вздрогнул и стремительно покатился по бетонной полосе. Экипаж вдавило в спинки сидений. Автоматика работала безупречно. Отследив необходимое количество оборотов колес, она перевела маршевый двигатель в режим форсажа. Сноп пламени стал похож на могучий горизонтальный водопад, который легко сдернул ракетоплан с бетонки и швырнул в небо.

– «Улей». Я «Пчела один». Разрешите выполнение программы полета.

– «Пчела один». Я «Улей». Выполнение программы разрешаю.

Ракетоплан, подняв свой нос, круто, оставляя после себя грохот и настоящую вихревую бурю, стал набирать высоту.

– «Улей». Я «Пчела один». Прогнал звуковой барьер.

– «Пчела один». Я «Улей». Вас понял.

Небосвод перед носом ракетоплана стремительно чернел. Сразу во многих местах прорезались светлячки звезд. Слева, из-за горизонта выкатился желтый диск Луны.

– Командир. Есть первая космическая скорость. Мы на орбите.

Внешне ничего не изменилось – большой, черный самолет, словно на огненном столбе неся в черноте Космоса. Но непререкаемые законы небесной механики уже перевели его в реестр искусственных спутников Земли.

– Командир, до расчетной точки сто двадцать секунд. Перевожу реактор в режим ожидания.

– «Пчела два», тебя понял. Начинай.

Штурман корабля, двадцатичетырехлетний Игорь Восковцев в своей кабинке уверенно нажал большую черную кнопку. Бортовой компьютер тут же отреагировал на это событие. И в штурманской, и в командирской рубках одновременно вспыхнул транспарант: «Внимание. Включена программа перевода реактора в режим ожидания».

– Командир. Реактор к запуску готов. Но есть небольшие отклонения.

– «Пчела два». Подробнее.

– Система диагностики сообщает, что первый контур охлаждения вышел на режим с двухсекундным опозданием.

– Но это в норме?

– Не в норме, но допустимо. Иначе автоматика сбросила бы готовность реактора.

– Понял.

– До расчетной точки двадцать пять секунд.

– О'кэй, – согласился командир ракетоплана Борис Ковзан и тут же связался с землей:

– «Улей». Я «Пчела один». При переводе реактора на предварительный режим, первичный контур охлаждения вышел с двухсекундным опозданием.

– «Пчела один». Я «Улей». Это мы отследили. Наш Центральный компьютер дал добро на продолжение полета.

– Понял. Полет продолжаю.

– Командир. Мы на месте. Все системы корабля в расчетных пределах. Можно отключать маршевый движок.

– «Пчела два». Понял. Маршевый двигатель выключаю. «Улей» дал добро на продолжение программы. Включай реактор.

– Есть включить реактор.

Повинуясь приказу человека, автоматика выдала несколько коротких импульсов. Одновременно приятным женским голосом зазвучал бортовой компьютер:

– Десять процентов мощности реактора. Все параметры в норме.

Чуть позже:

– Двадцать процентов мощности реактора. Все параметры в норме.

«Интересно бы увидеть ту девушку, чей голос озвучивает бортовой комп, – неожиданная мысль посетила командира корабля, – наверное, красивая. И зовут ее уж точно не Маша».

Почему-то все пилоты и штурманы называли бортовые компьютеры своих грозных машин ласковым девичьим именем «Машенька», несмотря на то, что электронные мозги у их «Машенок» были под завязку забиты не девичьими грезами и глупостями, а различными сценариями ведения боевых действий, включая применение ядерного оружия.

Это желание, очевидно, поднималось из тех же глубин подсознания, которое заставляло человека присваивать женские имена разрушительным тайфунам. Видимо, ирония также входит в основные инстинкты человека.

– Тридцать процентов мощности реактора. Все параметры в норме.

«Конечно красивая. У такого голоса не может быть некрасивой хозяйки».

– Сорок процентов мощности реактора. Все параметры в норме.

Ракетоплан продолжал нестись в пространстве, готовясь к эксперименту – опробованию нового ядерного двигателя.

– Сорок процентов мощности реактора. Все параметры в норме, – не стараясь быть оригинальной, продолжала вещать «Маша».

Борис внимательно наблюдал за растущей синей полосой индикатора.

«Сейчас вытянется во всю длину и всё, парни, начинайте испытания. Два предыдущих закончились неудачей, если всего лишь неудачей считать четыре человеческих жизни».

– Восемьдесят процентов мощности реактора. Все параметры в норме, – ласковым голосом успокоила «Машенька».

Наконец была подведена синяя жирная черта под всей подготовкой к эксперименту.

– Сто процентов мощности реактора. Все параметры в норме. Реактор к переводу в тяговый режим готов, – «Машенька» ненавязчиво предлагала продолжить начатое.

– «Улей». Я «Пчела один». Реактор к переводу в тяговый режим готов. Разрешите включить тяговый режим.

– «Пчела один». Я «Улей». Включение тягового режима разрешаю.

Еще раз окинув взглядом приборную доску, командир ракетоплана Борис Ковзан спокойно приказал:

– Давай, Игорь, начинай.

– Есть командир, – тут же прозвучал ответ.

Борис мысленно представил, что сейчас происходит в недрах его корабля. Повинуясь команде, откроются клапана в специальных баках, где под огромным давлением затаился сжиженный углекислый газ. Вырвавшись, он сразу попадет под беспощадные лопатки специальной турбины. Еще более сжатый, он будет безжалостно вброшен в раскаленное чрево ядерного реактора, где, пройдя все круги ада – девять ядерных секций, раскаленный до десятков тысяч градусов и ободранный до последнего электрона, наконец вырвется на свободу – в холодный, спокойный Космос. Вырвется, напоследок лягнув как следует своего мучителя – ядерный реактор, вернее его сопло. Что в принципе от него и требовалось – получить мощный импульс тяги.

Проектантам ракетного реактора нужно было проскочить, образно говоря, между Сциллой и Харибдой. Реактор должен быть раскален, чтобы хорошенько разогреть проносимый через него газ, и тот же газ должен забрать тепло, чтобы реактор попросту не расплавился и не взорвался. Правда, были еще два контура охлаждения реактора. Но если процесс пойдет

вразнос, они не справятся. Слишком слабы. Ручонками каток не остановишь, особенно если с горки. Предыдущим испытателям не повезло, два экспериментальных ракетоплана взорвались.

«Эх, где б найти такую голубку, которая предсказала бы, как Одиссею, результат эксперимента», – командир просто физически чувствовал, как открываются заиндевелые клапана, и сжиженная углекислота устремляется под лопатки турбин.

Ракетоплан ощутимо вздрогнул и, как застоявшийся конь, рванул вперед. Только вместо победно развевающегося конского хвоста за его кормой вырос другой – огненный.

И вновь откликнулась жизнерадостная «Машенька»:

– Сорок процентов тяги. Все параметры в норме.

– Командир, «Машка» врет. Растет температура первичного контура охлаждения. Но пока в допустимых пределах.

– «Пчела два». Понял. Продолжаем набор тяги.

– Шестьдесят процентов тяги. Все параметры в норме.

– «Пчела два». Что там с температурой?

– Почти на верхнем пределе.

– Умеешь ты успокаивать.

– Стараюсь.

– Восемьдесят процентов тяги. Температура первичного контура выше допустимой. Включаю дополнительный насос охлаждения, – бодро сообщила «Маша». И через мгновение, не меняя ласковой интонации, добавила:

– Температура первичного контура в аварийном диапазоне. Вывожу реактор в режим холостого хода.

– Командир, «Машка» не успеет. Слишком быстро...

Ракетоплан вздрогнул, раздался треск.

Пилоты практически синхронно ударили по кнопкам аварийного катапультирования. Теперь автоматика состязалась в скорости с волной деформации, разрушения и хаоса, несущейся с хвоста корабля, от реактора.

Мгновение – смята защитная стенка реактора. Специальные ремни притянули пилотов к спинкам кресел.

Еще мгновение – разрушен фюзеляж и взорвались топливные баки. Отстрелились верхние колпаки кабин. Поданы команды на электродетонаторы пирозарядов аварийного катапультирования.

Последнее мгновение – смята задняя стенка штурманской кабины. Кресла с людьми синхронно срываются вверх. Смятый шпангоут успевает чиркнуть по креслу штурмана, отклоняя его траекторию. Точно такой же мощный пирозаряд, который отбросил кресло пилота на несколько сот метров от разрушающегося ракетоплана, впечатал кресло штурмана в панель управления...

– «Пчела два», «Пчела два». Как слышите? “Пчела два, пчела два”. Игорь, откликнись, – сидя в своем беспорядочно кувыркающемся кресле, Борис пытался связаться через встроенную в противоперегрузочный спасательный комбинезон аварийную рацию со своим штурманом. – «Пчела два», «Пчела два». Откликнись.

– «Пчела один». Я «Улей», – с треском помех в шлем ворвалась Земля. – Что случилось? Вы исчезли с локатора.

– «Улей». Я «Пчела один». Ракетоплан взорвался, при тяге восемьдесят процентов. Я катапультировался. «Пчела два», вроде, тоже. Но пока не откликается. Меня сильно кувыркает.

– «Пчела один». Я «Улей», – после паузы ответила Земля, – включи систему стабилизации кресла.

– Она же рассчитана для работы в атмосфере.

– Пробуй, «Пчела один», – и после небольшой паузы.– Борись, Борис!

Борис на правом подлокотнике нашупал рычажок и повернул его. Тотчас из-под кресла и по бокам вырвались короткие языки пламени – включились двигатели стабилизации. Беспорядочное мельтешение звезд сменилось медленным вращением.

– «Улей». Я “Пчела один”. Теперь медленно вращаюсь в плоскости орбиты. В системе стабилизации закончилось топливо. Жду дальнейших указаний.

– «Пчела один». Я «Улей». Мы берем небольшой тайм-аут. Ситуация слишком сложная. Сейчас задействуем спутниковую систему «Навигатор» – попытаемся тебя найти среди обломков ракетоплана. А там посмотрим. Жди.

«Ну что, Боря, отлетался? Кресло до конца не стабилизировано. Кислорода хватит максимум на три часа. Правда, если я раньше не замерзну. И подогрев кресла не поможет. В максимальном режиме подогрева аккумулятор сдохнет через час. На мне всё же не скафандр, а спасательный противоперегрузочный комбинезон. А это, как говорят в Одессе, две большие разницы. И всё равно это лучше, чем живым войти в плотные слои атмосферы и заживо сгореть. Итого, два большущих минуса против одного маленького плюса. Что еще? Плюс – я стал первым человеком, который катапультировался в космосе. Утешает весьма слабо. И у меня будет самая роскошная кремация. Как потом напишут в учебниках: «И его пепел рассеялся над Землей». Это еще меньше утешает, – притянутый к креслу ремнями, человек со скоростью более семи километров в секунду огибал Землю. – Хотя бы кресло стабилизировалось. Тогда можно свое самолюбие напоследок потешить – сию, как на троне, а под ногами вся планета. А так как циркач кручусь у всей Земли на виду. Кстати, они там меня уже вычислили?»

Земля безмолствовала.

Легкий морозец пробился через комбинезон.

«А я замерзаю быстрее, чем думал. Через два часа буду не живей мороженой свинины. Или говядины. Что не принципиально. Если конечно раньше не войду в плотные слои атмосферы и не сгорю. Борись, Борис».

– «Пчела один». Я «Улей». Как слышишь? – наконец Земля вновь вышла на связь.

– «Улей». Я «Пчела один». Вас слышу. Чем порадуете?

– Пока, к сожалению, особенно нечем. Твоя аварийная радиостанция работает на средних волнах. Поэтому по радиосигналу привязать тебя сложно. Отобрано шесть объектов примерно одинаковых с тобой размеров. Но понять, какой из них ты – пока невозможно. Вот выйдешь на освещенную сторону Земли, тогда без проблем.

– Извини, «Улей». Но ничем помочь вам не могу. Если даже помашу ручкой.

Прошло двадцать минут после аварии.

Впереди, из-за горизонта ударили яркие лучи – скоро кресло с Борисом окажется на освещенной стороне Земли.

«О, пожалуй, я не замерзну. Я просто поджарюсь. По-моему это тот случай, когда мороженая свинина предпочтительней зажаренной отбивной».

– Мы тут экстренно прокачиваем вариант с запуском спасательной ракеты.

– Не надо и прокачивать. У меня тут кислорода, – Борис взглянул на часы, – примерно на два с половиной часа. Если, правда, раньше не поджарюсь. Я примерно через полчаса перейду через терминатор. Но за участие всё равно спасибо.

– Не отчаивайся. Не все шансы потеряны. Через полчаса вновь выйдем на связь, – Земля как-то скороговоркой, скомканно произнесла последнюю фразу и отключилась.

«Что ж, я понимаю оператора с Земли. Утешать и подбадривать неизбежного покойника – занятие не из самых приятных. А о каких шести объектах говорил «Улей»? Они должны быть где-то рядом, все с одного места вылетели, – Борис закрутил головой во все стороны. Если не считать звезд, Земли и Луны, то ничего нового он не обнаружил.

«Если бы я хотя бы не вращался. Трудно сосредоточиться на одном секторе неба. Хотя если бы даже заметил, что это бы мне дало? А если Игорь жив? Ведь мог у него просто поломаться передатчик? Вполне мог», – Борис вновь завертел головой.

Впереди, кажется, у самого горизонта, вроде бы что-то блеснуло в лучах Солнца.

«Показалось? Да и слишком далеко. Наверное, всё же показалось», – как ни поворачивал Борис голову, посмотреть туда, где он увидел отблеск, не получалось. Кресло, совершая оборот, повернулось к тому направлению спинкой. Он ждал томительных две минуты, когда его маленькое кресло-планетка вновь займет нужное положение. И вновь взгляд направлен к горизонту.

«Ничего нет. Значит, все же, показалось. Нет, стоп. Надо же смотреть чуть выше и правее созвездия Водолея. Есть! Точно есть! Там точно что-то есть! Но это не может быть обломок ракетоплана. Слишком далеко. Это же пару сотен километров. Тогда это спутник», – мозг мгновенно решил задачу сложности два плюс два.

– «Улей». Я «Пчела один». Как слышите?

– «Пчела один». Я «Улей», – тут же откликнулась Земля.

– Прямо впереди себя, у горизонта наблюдаю спутник. Можете сказать, что это за спутник?

– Через минуту скажем. Ожидай, – чуть взволнованно ответил «Улей».

Кресло не повернулось и на пол-оборота, как поступил ответ.

– «Пчела один». Я «Улей». Это американская орбитальная станция «Ковчег».

– А я... – неожиданно пересохло в горле, –... наши траектории пересекаются?

– Уже считаем. Мы же точно не знаем, где ты. Так что считаем на все шесть объектов.

– Жду.

Вновь на связь Земля вышла через десять минут.

– «Пчела один». Я «Улей». Как слышишь.

– «Улей». Я «Пчела один». Вас слышу. Ну что там расчеты? У меня есть шанс?

– Два объекта отпадают сразу. Даже если «Ковчег» попытается совершить маневр, всё равно не поможет. Слишком разные орбиты. По остальным четырем объектам пересечение с орбитой «Ковчеха» возможно, но последнему необходимо делать маневр. Переходить на более низкую орбиту. У тебя скорость на пару сот метров больше.

– И что дальше?

– Мы уже вышли на нашего Президента. Немного подожди.

Еще долгие десять минут.

– «Пчела один». Я «Улей». Как слышишь, – голос Земли нес надежду.

– «Улей». Я «Пчела один». Вас слышу.

– Состоялся разговор двух Президентов. Американцы согласны. Сейчас они будут опускать «Ковчег» пониже. По мере твоего подлета к станции будем корректировать орбиту «Ковчеха». Но у них осталось очень мало топлива на борту. На следующей неделе к ним должен прилететь грузовик и дозаправить. Так что... Словом, маневр поможет только одному объекту.

– Всё равно спасибо, «Улей»! Я везучий!

– На Земле спасибо скажешь.

Борис находился вниз головой по отношению к Земле, когда «Ковчег» начал маневр. Пилот «Х-3» застал его окончание. Точка на горизонте стала намного ярче – включились двигатели коррекции. Через несколько секунд они отключились.

«Ничего, прорвемся. Я же, действительно везучий», – только сейчас Борис осознал, что ему действительно везло в жизни. В голове как-то мгновенно выстроилась цепь событий, несомненно показывающая – Борис удачливый человек.

– «Пчела один». Я «Улей».

– «Улей». Я «Пчела один». Вас слышу.

– Американцы опустили на несколько километров станцию. У них топлива осталось на пять секунд работы. Они его используют, когда ты будешь около них.

– Вас понял, «Улей». – «Если подлетать буду я. А то как бы ребятам не пришлось уворачиваться своим «Ковчегом» от прущего на них обломка «Х-3».

Прошло еще пятнадцать минут полета. Солнце уже почти высунулось из-за горизонта. По Земле величественной поступью двинулась линия терминатора. Борис включил светофильтры.

«А если бы я не вращался, причем именно так – в плоскости орбиты, я бы до «Ковчега» не долетел. Изжарился. А так, когда Солнце жарит мое кресло, я остываю в тени. Нет, точно я везунчик!»

Станция из точки уже превратилась в продолговатую конструкцию, состоящую из нескольких цилиндров разного диаметра. Еще через пятнадцать минут Борис заметил крылья солнечных батарей.

– «Улей». Я «Пчела один». Как слышите.

– «Пчела один». Я «Улей». Слышу тебя хорошо.

– Вижу на «Ковчеге» панели солнечных батарей. До него километров двадцать.

– «Пчела один». Уточни, как ты подлетаешь к станции.

– Чуть снизу. Примерно под углом градусов десять к их орбитальной плоскости.

– Уф! Наверное, это всё-таки ты – тот единственный объект. Два объекта сейчас проходят выше станции. Один, как и ты ниже, но под большим углом. Он пересечет орбиту «Ковчега», когда тот пройдет это место, – последние слова Земли Борис воспринял чисто автоматически. Он увидел этот объект, который проходил «как и ты, ниже, но под большим углом». Это было кресло Игоря.

– «Пчела два». «Пчела два». Игорь, отзовись, – что есть мочи завопил Борис.

– «Пчела один». Я «Улей». Что случилось?

– Я вижу «Пчелу два». Чуть ниже и левее меня.

Земля молчала долгих пять секунд.

– «Пчела один», «Пчела два» подает признаки жизни?

– Не вижу. Слишком далеко. Километра три до него.

– Три пятьсот. Продолжай наблюдение.

– Какое к черту продолжай наблюдение. Он же проскочит мимо станции.

– «Пчела один», приказываю продолжать наблюдение, – Борис узнал голос руководителя полета.

– Есть продолжать наблюдение.

Через десять минут стало отчетливо видно, что кресло с Игорем раньше пересечет орбиту «Ковчега». Сейчас Игорь был в километре от Бориса. Его кресло беспорядочно вращалось – Игорь не включил систему стабилизации. Борис прикинул, что он с Игорем сблизится примерно на пятьсот метров. Не ближе.

«Если бы Игорь был жив, он уже подал бы какой-нибудь знак. Хоть рукой бы махнул. Ага, рукой. Очень заметно махание рукой с расстояния в километр. Эх, был бы бинокль. Стоп. Бинокль?! Какой же я дурень! У меня же есть в шлеме видеокамера. Она с такого расстояние разглядит и молнию на комбинезоне», – дождавшись удобного положения, Борис включил видеокамеру. Мгновенно обработав полученный сигнал, чип видеокамеры подал «картинку» на смотровое стекло шлема. Борис оказался прав – с такого расстояния видеокамера разглядела молнию на комбинезоне Игоря. И не только. Смятый, растрескавшийся шлем, лохмотья комбинезона на груди давали исчерпывающий ответ, почему не откликнулся на позывные штурман «Х-3». Борис направил видеокамеру на станцию. Посередине, четко черными буквами было выведено: «ARK». Слева и справа от названия были нарисованы американские флаги.

«Так, вон там у них шлюз. А добраться до него мне помогут скобы. Молодцы американцы, скоб у них на «Ковчеге», что у ежика иголок».

- «Улей». Я «Пчела один». «Пчела два» погиб.
- «Пчела один». Я «Улей». Вас понял. Уточните, где вы находитесь.
- До станции километров десять. Ее надо чуть опустить.
- На сколько?
- Метров на сто.
- Понял. Ожидайте.

Через минуту в районе шлюза на пару секунд включился двигатель коррекции.

- «Пчела один». Я «Улей». Сейчас нормально?
- Да вроде. Подлечу ближе, уточню.

Станция быстро надвигалась на Бориса. Становилось понятно, что у него скорость метров на десять – пятнадцать больше, чем у «Ковчега».

- «Улей». Я «Пчела один». Прохожу чуть ниже и правее станции.
- «Пчела один». Я «Улей». Вас понял.

И вновь заработал двигатель коррекции.

- «Пчела один». Я «Улей». Ну как?
- Всё равно, чуть ниже и правее. Я от станции в километре.

Земля ответила через полминуты.

- «Пчела один». Я «Улей». У американцев закончилось топливо в кормовом двигателе.
- Черт!

Станция быстро приближалась. Восемьсот, семьсот метров. Борису показалось, что в боковом иллюминаторе мелькнуло чье-то лицо. Шестьсот, пятьсот метров. Неожиданно, где-то на корпусе «Ковчега» заработал ракетный двигатель. Через две секунды он выключился. Громоздкая махина станции неторопливо стала поворачиваться вокруг своей продольной оси. Четыреста, триста метров. Панель солнечной батареи медленно надвигалась на Бориса.

«Молодцы американцы. Догадались крутануть станцию и подставить мне солнечную батарею!»

Двести, сто метров.

«Черт, всё равно пройду чуть выше. Эх, нескольких метров не хватило. Э нет, дудки. Меня так просто не возьмешь!» – Борис с силой надавил на кнопку на груди. Ремни, которыми он был пристегнут к креслу, сразу же отлетели. И тут же Борис изо всех сил оттолкнулся от кресла. Через мгновение он понял, что перестарался. Он пересечет невидимую точку встречи с солнечной батареей раньше, чем она там окажется.

«Проскакиваю, черт, проскакиваю, – решение пришло мгновенно, будто кто шепнул его на ухо.

Пилот военно-космического флота Объединенной Руси с силой ударил себя по груди, включая аварийный клапан сброса кислорода из комбинезона. Тугая струя газа ударила буквально из его груди, тут же превращаясь в кристаллики льда.

«Чем, чем, но кислородной струей я реверс еще не производил. Кислород – основа жизни!» – движение Бориса чуть замедлилось и он, выгнувшись назад, сумел уцепиться правой рукой за солнечную батарею.

В шлеме тревожно зазвенел зуммер – кислорода осталось на пять минут.

«Теперь – что быстрее. Или я попаду внутрь станции, или задохнусь на ее поверхности под эту «жизнерадостную» музыку», – пилот, перебирая руками по конструкции солнечной батареи, устремился к корпусу станции.

Панель солнечной батареи оказалась длинной. Метров двадцать. К корпусу станции Борис добрался уже в полубморочном состоянии. Легкие с хрипом засасывали в себя всё, что оставалось в пустых кислородных баллонах. В голове шумело.

«Всё. Кислород закончился. Финита ля комедия».

Какая-то тень надвинулась на Бориса и к нему протянулась человеческая рука. И вдруг яркое воспоминание из детства – тянущаяся к нему рука и резкая боль во рту. Всё как сейчас – и рука, и боль. И как в детстве, он из последних сил потянулся к этой руке...

Американские астронавты, вышедшие в открытый космос, чтобы помочь Борису, были поражены. Уже внутри станции они сняли шлем со спасенного и увидели, что его губы в крови – чтобы не потерять сознание, он с силой закусил их. Вот так на боли он и полз.

Объединенная Русь. Россия. Москва. Лубянка 26. Кабинет Директора Службы безопасности. Почти за два года до описываемых событий. 13 августа 2188 года. Среда. 8.17 по местному времени.

Президент Объединенной Руси Владимир Сергеевич Орлов со своего портрета на стене зорко наблюдал за происходящим. Так уж устроено человечество, что основу любого государства образуют три составляющих: армия, полиция и дворцовый аппарат. От эпохи к эпохе названия их менялись, но суть оставалась неизменной – бдить и укреплять государство. И во все времена, власть, если она была в здравом уме и трезвой памяти, а не с печки упала, холила и лелеяла свой треножник. Холила и присматривала. Полиция присматривала за дворцом, дворец за армией, армия за полицией и так по кругу. Окажется ненадежной хоть одна опора – рухнет все. Три точки определяют плоскость, но никак не две и тем более одна. Истории многочисленных переворотов, путчей, революций и прочих занятных игрищ яркое тому подтверждение. И не случайно во всех высоких кабинетах портрет Президента, как напоминание – государево око везде и всюду.

– Итак, я вас слушаю, Игорь Николаевич, – опершись локтями на стол и сцепив пальцы, Директор Службы безопасности Вадим Александрович Кедрин сидел за своим рабочим столом и внимательно смотрел на подчиненного.

Полковник службы безопасности Игорь Николаевич Северский, вошедший в кабинет минуту назад, раскрыл папку, лежавшую перед ним на столе.

– Моей группой был проведен информационно–агентурный поиск людей в рамках программы «Пора», – откашлявшись, начал он. – Разыскиваемые должны были удовлетворять следующим критериям. Первое – возраст от двадцати до шестидесяти лет. Далее. Они должны быть либо: А. Выжившие после аварий или катастроф природного либо техногенного характера. Причем ситуация должна была быть реально опасной для их жизни. Б. Выигравшие крупные денежные призы в различных лотереях. В. Выздоровевшие после тяжелых болезней, которых медики считали безнадежными больными.

– Если бы на последнем пункте не настаивал сам Хохлов, – Кедрин перебил своего подчиненного, – я бы по этому критерию поиск не проводил. Я и сейчас считаю, что любимчик Бога не может заболеть смертельно опасной болезнью. Если Бог действительно отслеживает судьбу каждого из нас, то, скорее всего, этих людей он за что-то наказывает и очень-очень серьезно предостерегает. А по большому счету жестко перевоспитывает. Человек, заглянувший в глаза костлявой – это совсем другой человек, чем был до того.

Полковник Северский вопросительно посмотрел на своего начальника – продолжать?

– Продолжайте, Игорь Николаевич.

– По первому критерию было отобрано две тысячи пятьсот шестьдесят семь человек.

– Всего-то? – удивился Кедрин. – По-моему, я только и слышу об авариях. При таких-то энергонасыщенных производствах и скоростях передвижения

– По этому критерию мы выбирали людей, которым не только реально угрожала смертельная опасность, но и спасение которых в глазах других выглядело, как чудо, как невероятное везение.

– Поясните, – коротко бросил Кедрин.

– Например, случай с Абалкиным Геннадием Петровичем, 2152 года рождения, проживающим в Иркутске. – Северский быстро перевернул несколько страниц доклада. – 14 мая 2182 года, на дом, где он жил упал военно-транспортный самолет ИЛ–765.

– Насколько я помню, тогда спасся не только Абалкин.

– Так точно. Но в момент падения самолета Абалкин находился на балконе. Увидев падающий на него самолет, он спрыгнул с балкона вниз. С третьего этажа. И отделался только переломом правой ноги.

– Гм...

– Дело в том еще, – полковник, видя скепсис на лице своего шефа, заговорил чуть быстрее, – самолет упал именно на квартиру Абалкина. Находись он там, шансов у него не было бы никаких. Кроме того, около дома росли несколько деревьев, которые и не позволили обломкам самолета упасть на лежащего человека.

– Но ИЛ – 765 – это довольно крупный самолет. Конечно не АН – 404, но всё же. Он должен был попасть не только в квартиру Абалкина.

– Так точно. Полностью были снесены восемь квартир, – уточнил Северский.

– И какова по ним статистика?

– Все, кто там находились, погибли.

– А были ли жильцы этих квартир, которые по тем или иным причинам не находились дома в момент падения?

– Три человека, – сверившись со своими записями, ответил полковник.

– На мой взгляд, – после некоторого раздумья произнес Кедрин, – эти трое больше подходят под категорию любимцев Бога, чем Абалкин с его сломанной левой ногой.

– Правой, господин Директор.

– Тем более. Кстати, а этот Абалкин жил один?

– Нет. У него была жена и дочь. Они погибли.

– Так, значит, увидев падающий на его дом самолет, этот кандидат в любимцы Бога Абалкин вместо того, чтобы попытаться спасти свою семью, быстренько сигает с балкона. Я думаю, если он и был любимцем Бога, то Господь в нем уже разочаровался, – Директор Службы безопасности иронично усмехнулся.

В кабинете воцарилась пауза. В независимости от эпох и народов трусость всегда отталкивает. Только в жесткие времена трусов по возможности отстреливали, а в более демократичные и цивилизованные – только пожимали плечами.

После некоторого раздумья хозяин кабинета спросил:

– Есть такие люди, которые были единственными, кто спасся в тех или иных авариях и катастрофах?

– Семь человек и еще восемь, в последний момент отказавшиеся или опоздавшие на самолет, который потом разбился.

– Это уже теплее, – шеф разведки чиркнул ручкой по листку бумаги. – Что по второму критерию?

– В стране в настоящий момент насчитывается пять различных лотерей, одноразовый выигрыш в которых составляет более миллиона рублей, – без запинки ответил Северский.

– А почему именно миллион?

– Мне кажется, что при меньших суммах, как-то не солидно зачислять людей в любимцев Бога.

– Ладно, – подумав, промолвил Кедрин, – действительно, глупо требовать обоснования этой цифры. Допустим, выиграл больше миллиона – любимец, чуть меньше – мордой не вышел. Чуть какая-то. Так сколько таких счастливых по стране?

– Триста пятьдесят семь.

- А были такие, которые выигрывали дважды?
- Один человек. Но он погиб.
- При каких обстоятельствах?
- Отмечал второй выигрыш и в нетрезвом состоянии вывалился с балкона. Четырнадцатый этаж, – Северский пожал плечами, как бы говоря, что дурак и с миллионом остается дураком.
- Уж он точно не был любимцем Бога. А по остальным проводился анализ их жизни после выигрыша?
- Так точно.
- И что же?
- Пять процентов просто спились, – полковник стал приводить статистику счастливицков.
- Ясно. До сих пор отмечают выигрыш, – прокомментировал Кедрин. – Дальше.
- Сорок шесть процентов живут на проценты.
- Я думаю, что это тоже не любимцы. За что любить-то? Серость, – комментарии Директора Службы безопасности становились все более безжалостными.
- Любовь зла, господин Директор.
- Полюбишь и козла? – Кедрин рассмеялся. – Но Бог не женщина. На козлах Его не проведешь. Давай дальше.
- Остальные сорок девять процентов вложили деньги в бизнес.
- И что?
- Десять процентов раззорились дотла. Двое даже покончили с собой. Еще пятнадцать процентов, в конце концов, продали свой бизнес и зажили на проценты.
- Это мы уже проходили.
- Ну а остальные более-менее крутятся, – закончил Северский нерадостную статистику везунчиков в лотереи.
- А кто более всего, так сказать, крутится?
- Гольцман – владелец сети магазинов «У старого еврея».
- Получается Гольцман – любимец Бога? Так что ли? Кстати, сколько лет этому «старому еврей»?
- Пятьдесят четыре, господин Директор.
- Полковник Северский по тону и выражению лица шефа не смог определить, развеселился тот или остался недоволен. Поэтому он стал отвечать, осторожно подбирая слова:
- Евреи, вообще-то, всегда считались богоизбранным народом.
- Полковник, пересказывать Ветхий Завет мне не надо. Я его сам читал. Но вы представляете этого Гольцмана, владельца сети магазинов «У старого еврея» в рубке управления гиперпространственным кораблем?
- Не очень.
- Значит у вас богатое воображение, господин полковник. Вам надо фантастические романы писать. Я, например, его вообще там не представляю, – сказав это, Директор Службы безопасности углубился в раздумья, что-то черкая на бумаге. Наконец, нарисовав необходимое количество треугольников и квадратов, мозг шефа разведки принял решение:
- Знаете, по этим лотереям, по-моему, мы забрели не туда. Есть же тысячи людей, которые, начав с нуля, благодаря своему таланту, упорству, умению рисковать, смогли заработать значительно больше миллиона. И по мне, их скорее следует считать любимцами Бога, чем тех, кто выиграл деньги в лотерею. Поэтому, исходя из неоспоримого постулата, что самое дорогое у человека, это его жизнь, всех претендентов по второму критерию более не рассматривать. Далее. Из этих шести человек по первому критерию, каждый из которых был единственным

спасшимся там, где другие все погибли, есть люди, которые спаслись при природных катаклизмах?

– Один человек. Пошел в группе покорять Эверест. Уже на спуске группа попала в буран, длившийся неделю. Все замерзли, кроме него.

– И чем он отделался?

– Ампутировали несколько пальцев на ногах и руках.

– Конечно, с одной стороны крупно повезло – остался жив, – после некоторой паузы задумчиво проговорил Кедрин. – Но с другой стороны – человек- то стал калекой.

– Христос тоже страдал и даже погиб. Но сомневаться, что Христос – Сын Бога, не является Его любимцем. . . .

– Не забывай, что Христос через три дня воскрес. А у этого альпиниста что, новые пальцы выросли?

– Никак нет, – последовал вполне очевидный ответ полковника.

– Из оставшейся пятерки у кого-то есть увечья вследствие аварии?

– У всех пяти. – И, словно оправдываясь, Северский торопливо добавил. – Господин Директор, мы же выбирали действительно опасные для жизни случаи: падение самолетов, автомобильные аварии на большой скорости и тому подобное.

– Ладно, давай по третьему критерию, – после некоторой паузы произнес Кедрин.

– Таких случаев всего восемь.

– И какую же болезнь они счастливо преодолели? На сегодня даже онкологические заболевания четвертой степени вылечивают в восьмидесяти пяти процентах случаев.

– Болезнь у всех одна – синдром внезапного слабоумия. Официальная вероятность благополучного исхода нулевая, – тут же ответил Северский.

– И как же они ее получили?

– Один через кровь. Остальные стандартно – половым путем.

– И вы полагаете, Игорь Николаевич, что эта семерка отважных, которые наплевали на элементарные средства предохранения – любимцы Бога? Я бы это трактовал, как получение этими оболтусами шанса от Бога на продуктивную и, может даже, праведную жизнь. Ну а тот, который заразился через кровь. Как такое могло случиться? Это в двадцать втором-то веке.

– Срочно, прямо на дороге, необходимо было делать искусственное дыхание человеку, попавшему в автомобильную аварию. Вот тот, восьмой и делал его. Он врач по профессии. Проезжал мимо, увидел лежащего в крови мужчину. Начал спасать. А у самого царапина была на руке. А тот мужчина был носителем СВС.

– Ясно. Давай подведем итоги. По первому критерию бери в разработку тех восьмерых, которые отказались от фатальных рейсов. По второму критерию – мы договорились не брать никого. Ну и по третьему – бери этого врача.

– Понял. Разрешите идти?

– погоди, полковник, – директор Службы безопасности встал из-за стола. – Тебе не кажется, что мы, как бы это точнее выразиться. . . Вот у тебя нет такого чувства, что всё это не то? Да, они может быть и любимцы Бога, но не на столько, что позволит им выполнить возлагающуюся на них миссию. Ведь по нашим критериям, Христос бы не попал в любимцы Бога.

– Трудно сказать что-то определенное, – полковник Северский тоже встал. – Слишком всё неопределенно. Идеологическим руководителем разработки наших критериев является академик Хохлов. Я бы подходил несколько с иных позиций.

– С каких?

– Я полагаю, что любимцы Бога должны быть обязательно счастливыми людьми.

– Ты прав. Вот только, если бы ты сумел еще и измерить, так сказать, счастливость отдельных людей, то ты точно был бы круче академика Хохлова. Как измерить эту счастливость? Деньгами, славой? Чем? Сколько примеров, когда миллионеры, популярные артисты спива-

лись, уходили в депрессию, кончали жизнь самоубийством. Посмотри на Голливуд – этот заповедник богатых, популярных и красивых людей. Да там плотность личных психологов больше, чем психиатров в дурдоме. А ты мне скажи – счастливому человеку нужен психолог? То-то.

– Господин Директор, тут мне пришла в голову одна мысль, – Северский вопросительно посмотрел на своего шефа и, увидев разрешающий жест, продолжил, – а если поискать любимцев среди служителей церкви?

– Мысль интересная. Но ты, надеюсь, понимаешь, что в данном случае церковный чин не играет никакой роли.

– Так точно.

– Господин Директор, – в дверях кабинета появился секретарь Кедрин, – срочное сообщение.

– О чем?

– Об испытании ракетоплана «Х-3».

– Ох, совсем забыл, – Кедрин посмотрел на наручные часы. – Три с половиной часа тому назад должны же были испытывать «Х-3». В пять утра по московскому. Докладывайте, – кивнул он своему секретарю.

– Через сорок минут после старта, набрав восемьдесят процентов тяги ядерного двигателя, ракетоплан взорвался.

– Черт. Уже третий. Опять будут в ООН орать про загрязнение окружающей среды. Особенно китайцы.

– Ясное дело, – сказал Северский. – Разработку нашего нового ракетоплана они воспринимают, как демонстрацию того, что просто так мы Дальний Восток им не отдадим.

– К счастью, система блокировки ядерного реактора успела включиться, – вновь заговорил секретарь. – Так что полиграфитом реактор залить успели. Поэтому разлет плутония минимален. Завтра на орбите уже будут два наших «мусорщика». По предварительным оценкам радиационный фон – треть от фона в годы активного Солнца.

– Что с экипажем? – Кедрин отвернулся от секретаря и стал смотреть в окно.

– Штурман погиб при катапультировании. Пилот катапультировался успешно.

– Подождите. Если они взорвались при наборе тяги ядерным двигателем, то это было уже на орбите.

– Так точно, – подтвердил секретарь. – Пилот катапультировался в открытый космос.

– Уж лучше бы он сразу погиб. А так протянет три-четыре часа, а потом или замерзнет или на Солнце... Эх... Эвакуировать-то его мы не сможем. Он еще жив? – Кедрин посмотрел на часы. – Да нет, не должен.

– Никак нет. Пилот жив, господин Директор.

– Что?!

– Так точно. Через приблизительно два часа полета в открытом космосе на своем кресле, пилот Борис Ковзан умудрился столкнуться с американской орбитальной станцией «Ковчег», и американцы втянули его внутрь. Мы уже договариваемся о его транспортировке на Землю. Через неделю будет здесь.

– Невероятно, – Кедрин переглянулся с Северским. – Вам не кажется, Игорь Николаевич, что один железный кандидат в любимцы Бога у нас есть.

– Так точно, кажется.

– Через час подготовьте мне подробный отчет по этому случаю, – обратился Кедрин к своему секретарю.

– Есть.

– А вы, Игорь Николаевич, берите в разработку этого Бориса Ковзана. Узнайте о нем всё – где родился, кто родители. Где и как учился. Друзья, подруги. Словом всё. Его биографию вы

должны через неделю знать лучше, чем биографию собственного сына. Вплоть до того сколько раз в детстве он ходил на горшок. Ясно?

– Так точно, господин Директор.

– Да и проверьте этого счастливица на однофамильцев. Как тот случай с Хью Уильямсом из записки академика Хохлова.

– Я вас понял, господин Директор.

– А теперь вернемся к нашим служителям церкви. Повторяю, мысль очень дельная. И надеюсь, ты понимаешь, что церковный чин в данном случае ничего не значит. Тут нужен другой критерий.

– Я понимаю, господин Директор. И, по-моему, существует четкий критерий именно для служителей церкви.

– Какой же?

– Неистовость, господин Директор.

Глава 3. Неистовый

Для любого народа в поисках верного исторического пути трудность одна – отличить Моисея от Сусанина.

Неизвестный

Луна. Море Дождей. База «Восток» Объединенной Руси. 15 апреля 2190 года. Четверг. 10.12 по СЕВ.

Американцы были пунктуальны. Без десяти минут десять они запросили разрешение на посадку, а ровно в десять ноль-ноль компактный, изящный ракетоплан уже стоял на космодроме базы «Восток», красиво выделяясь серебристым телом на фоне серого лунного пейзажа.

«Наверно, с центральной базы «Вашингтон» прилетели, – наблюдая на экране монитора за ракетопланом, подумал Богомазов. – Что ж, Семен Петрович, принимай незваных гостей». Он проследил, как высланный с базы вездеход принял на борт пассажиров американского ракетоплана, после чего сел в лифт и спустился на нулевой этаж для встречи американской инспекции.

Американцев было трое. Богомазов узнал долгового американского лунного атташе и, улыбнувшись, протянул ему руку:

– Здравствуйте, господин Питсроу, – начальник базы «Восток» великолепно знал английский язык, но придерживался принципа – на своей территории разговаривать на родном языке.

– Здравствуйте, господин Богомазов, – американец широко улыбнулся и крепко пожал протянутую руку.

Затем жестом показал на стоявшего слева от него молодого, не старше тридцати лет парня:

– Генри Лоуренс.

В правой руке американец держал черный кейс.

«Этот, наверняка, технарь. Он то и будет обследовать базу», – Богомазов, улыбаясь, пожал протянутую руку:

– Семен Петрович Богомазов.

– Мисс Дороти Маккейб... translator, – Питсроу жестом указал справа от себя.

– Переводчик Дороти Маккейб, – стройная, высокая блондинка первая протянула руку Богомазову.

Рукопожатие было твердым, мужским. Говорила она без акцента, низким грудным голосом.

«Красивая, стерва. Интересно, она спит с Питсроу?»

– Очень приятно, Семен Петрович Богомазов.

Американцы были одеты по последней лунной моде – голубая курточка на молнии и брюки со множеством карманов. Штанины брюк заправлены в высокие армейские ботинки.

– Господа, может перекусите после дороги?

Мисс Маккейб своим чарующим голосом тут же перевела.

– О, по, по, – лунный атташе энергично затряс головой. – Thank you, but we recently lunched on «Washington»

– Спасибо, но мы недавно позавтракали на «Вашингтоне», – перевела американка, очаровательно поджав свои чувственные губки, показывая, как она сожалеет, что не может оценить гостеприимство русичей. – Так что, если позволите, сразу приступим к делу, – продолжала она переводить слова Питсроу.

– Не смею возражать. Откуда начнем?

– Давайте сразу начнем с вашего сборочного цеха, – перевела мисс Маккейб пожелание лунного атташе.

– Со сборочного, так со сборочного. Прошу, господа, – начальник лунной базы «Восток» указал на массивную стальную дверь.

Пройдя цилиндрический переход метров пятьдесят длиной, они вновь очутились перед закрытой стальной дверью. Богомазов набрал код. Тяжелая дверь бесшумно поднялась вверх. Сборочный цех встретил их гулкой тишиной. Залитое ярким светом ксеноновых ламп помещение было пустым. Ни одного человека. Посередине цеха размещалась стальная конструкция чем-то похожая на гигантскую катушку ниток, поставленную вертикально. А в самом углу, нацелив на них огромную зеркальную параболическую поверхность, застыла другая конструкция, очень смахивающая на гриб. Зеркало – это шляпка гриба, от которого протянулся длинный метров пять тонкий цилиндрический отросток – ножка.

– А где же ваши рабочие? Почему не ведутся работы?– перевела Маккейб вопрос Лоуренса.

«Ну, начинается. Первый заход».

– Работы пока нет. Мелочевка одна, – Богомазов не без злорадства наблюдал, как белокурая красавица споткнулась на слове «мелочевка» и, дождавшись когда она, наконец, одолеет «мелочевку» – «small works²», тут же добавил, – Так что мы откровенно бьем баклуши.

Мисс Маккейб недовольно стрельнув на него глазами, перевела: «So we repose now³».

«И чего я на неё взъелся? Вот уж не думал, что мне нравится ставить женщину в затруднительное положение. Особенно если она красивая и не твоя», – тут же с некоторой долей иронии расшифровал он причины своих эмоций на подсознательном уровне.

На мгновение углубившись в психоанализ, Богомазов едва не прослушал следующий вопрос Питсроу:

– Неужели состыковать жилой отсек и гиперпространственный двигатель для господина Богомазова – это небольшая работа?

«А ну соберись, Фрейд недоделанный. Что-то сейчас ляпнешь, и Кедрин тебя живо турнет отсюда. Лишение звания и позорная досрочная пенсия – это будет самое лучшее, что тебя может ожидать».

– Жилой отсек – это для «грузовика» на внешние планеты. Его мы начнем собирать в следующем квартале. А гиперпространственный двигатель – это экспериментальный вариант, оставшийся от проекта «Надежда». Его сюда случайно завезли вместо обычного ядерного. Обычная наша расхлябанность, – Богомазов коротко вздохнул, показывая, что и ему самому не нравится эта их национальная черта. К тому же доставляющая столько хлопот обязательным и аккуратным иностранцам. Вот и сейчас из-за неё несколько солидных человек вынуждены в срочном порядке прервать свои важные дела и мчаться к этим русичам, выяснять, что же они

задумали. А, оказывается, ничего. Просто обыкновенное русское раздолбайство – притащить с Земли тяжеленный движок, и не тот. Богомазов еще раз коротко вздохнул.

Питсроу вопросительно взглянул на своего молодого помощника, который, зайдя в сборочный цех, тут же раскрыл свой кейс и, повесив его с помощью специального ремня себе на грудь, стал колдовать над многочисленными кнопками, не отрывая глаз от светящегося зеленым светом экрана. Помощник отрицательно дернул головой.

«А больше тут ничего и нет. Вы думали, что мы попытаемся спешно куда-то спрятать гиперевик? А потом, дрожа и потя от волнения, будем наблюдать как вы, такие спокойные и вальяжные, походите тут по базе со своими детекторами и, в конце концов, ткнете пальчиком на гиперпространственный движок и скажите нам: «Ай-ай-ай». Дудки! Нате, выкусите! Вот вам движок. Стоит себе спокойно в сборочном. А почему он тут, вместе с жилым отсеком? А случайно. Знаете, русская расхлябанность. Вечно что-нибудь напутаем. Вам бы недельки через три сюда прилететь. Когда будут состыкованы все кабели, все шланги. Когда мы сварим в единое целое их корпуса. О, вот тогда бы мы заметались. А больше одной проверки в год не допускается. Лопухнулись вы, господа американцы».

– Куда уважаемые гости хотят дальше проследовать? – Богомазов широко улыбнулся.

Улыбка была на грани фола. Если положение его верхней губы еще можно было отнести к классу «гостеприимных улыбок», то нижняя губа откровенно приняла насмешливую позу.

Переводчица перевела. Питсроу взглянул на улыбку Богомазова, затем еще раз обвел глазами безлюдный сборочный цех, вздохнул и медленно заговорил. Мисс Маккейб тут же начала переводить:

– Нам надо было прилететь сюда несколькими неделями позже. Я думаю, тогда бы у господина Богомазова была бы несколько иная улыбка.

Начальник лунной базы даже не пытался изображать непонимание на своем лице:

– Насколько я понял мистера Питсроу, инспекция базы закончена? Вы даже не хотите проверить наш боевой лазер защиты от метеоритов?

После некоторой паузы американский лунный атташе утвердительно кивнул головой:

– Я ни на мгновение не сомневаюсь, господин Богомазов, что ваш лазер полностью удовлетворяет требованиям для лазеров защиты внеатмосферных космических баз и никакой угрозы для наших наземных объектов он не представляет.

Уже прощаясь возле входа в шлюзовую камеру базы, Питсроу, пожимая руку начальнику «Востока» сказал:

– As Russians speak⁴: «Laugh... смеяться тот, who смеяться last... последний».

– А как говорят американцы: «Fool's haste is no speed⁵». Goodbye.

Затем Богомазов с легким сожалением наблюдал, как американцы заходят в шлюзовую камеру и садятся в свой вездеход. Точнее, он с сожалением смотрел вслед лишь мисс Маккейб. Даже просторная лунная одежда не могла скрыть волнующие женские выпуклости.

Богомазов еще раз вздохнул и отвернулся.

Боль расставания с женой неожиданно остро резанула в душе. Словно случайно, по неосторожности, содрать с уже зажившей раны корочку запекшейся крови. А мозг, в лучших традициях садомазохизма, тут же услужливо «нарисовал» картинку – его Иришка, обнаженная, рядом с этим народным козлом-депутатом. Мужчина, до боли прикусив губу, затряс головой, отгоняя от себя свои же болезненно-притягательные фантазии. «Ничего. Если баба в сорок пять – ягодка опять, то мужик тоже отнюдь не сухофрукт. Вот вернусь на Землю, найду себе лет на двадцать моложе и ещё к этой сладкой парочке в гости нагряну. Не только ж себе нервы мотать», – проведя, таким образом, сеанс успокаивающей психокоррекции, начальник лунной базы направился к себе в кабинет.

Строгая деловая обстановка кабинета быстро и окончательно «вправила» его мозги, настроив их на текущие дела: «Прав был Кедрин. У меня на базе «крот». Американцы летели

сюда именно из-за гипердвигателя. И прилети они на пару недель позже, от них уже было бы не утаить сборку пилотируемого гиперпространственного корабля. – Но тут же ему в голову пришла следующая логичная мысль. – Но если у меня «крот», то он уже наверняка передал американцам, зачем привезли сюда гиперпространственный движок. Пять шестых базы об этом знает. Мы уже начали сборку, – он вздохнул и нажал кнопку связи с Землей. Секунду спустя на экране видеофона возникло лицо сменного оператора Центра управления космическими базами.

– Начальник базы «Восток» полковник Богомазов, – начал Семён Петрович официально. Лицо оператора ему не было знакомо.

– Сменный оператор капитан Кудряшев.

– Доложите начальству, что американцы уже отбыли. Подробный отчет отправлю факсом.

– Понял. Американцы уже отбыли, – оператор нажал пару кнопок и заговорил в микрофон. – Докладывает сменный оператор капитан Кудряшев. На связь вышел начальник лунной базы «Восток» полковник Богомазов. Он доложил, что американская инспекция уже отбыла. Все подробности он отправит факсом. – Затем он что-то выслушал через наушники, отключил микрофон и, уже обратившись к Богомазову, сказал:

– Ждите дальнейших указаний. Сборку корабля не возобновлять.

– Понял. Жду дальнейших указаний. Сборку корабля не возобновляю. Конец связи.

«Сейчас мое начальство выйдет на Кедрина, а тот на меня. – Начальник лунной базы «Восток» еще долго сидел в своем кабинете, анализируя встречу с американцами и все перипетии с ней связанные. – А переводчица у этого долговязого Питсроу хороша. Ничего не скажешь. Везет же некоторым! А тут сиди и жди вызова Кедрина. А когда я ему обо всем доложу, тут сразу же начнутся шпионские страсти по вычислению и поимке «крота».

Богомазов ошибся. Кедрин с ним на связь не вышел. Начальник базы не знал и не мог знать, что час спустя, в четырехстах километрах от «Востока», на американской базе «Вашингтон» Питсроу, со злостью ударив по клавише выключения видеофона, в сердцах бросил:

– Сам, не взвесив все, погнал меня в срочном порядке инспектировать русичей, а теперь орет, что я ничего не узнал. Отложи мы инспекцию на три недели, и куда бы этот Богомазов делся.

– Милый, не расстраивайся так, – Дороти Маккейб села к лунному атташе на колени, – Реда можно понять. Он спешит доложить президенту.

– Знаешь, когда нужна спешка? То-то.

– Увидели мы воочию или не увидели сборку пилотируемого гиперпространственного корабля – не столь это и важно. Ясно одно – они его собирают. И гиперпространственный движок там оказался уж точно не из-за разгильдяйства русичей. Наш агент был прав, – девушка погладила седую голову мужчины и расстегнула пуговицу на его пиджаке. – Так что расслабься... Хотя мне жалко его.

– Кого, – откинувшись на спинку кресла, мужчина не сразу вынырнул из состояния сладостной расслабленности.

– Этого агента у русичей. Если они его вычислят, то наверняка расстреляют.

– Сам виноват. Никогда нельзя терять контроль над собой и особенно на отдыхе...

Через час шифровка с Луны легла на стол Директору Службы безопасности Руси.

Так что Богомазов напрасно ждал вызова Кедрина. Его доклад стал излишним. Лишь спустя три часа, из Центра управления космическими базами пришла телефонограмма: «Разрешаю возобновить работы по программе «Пора» И подпись: «Начальник Управления космических исследований генерал-лейтенант В.И. Сидорук».

Ровно в 18–00 по средневропейскому времени Богомазов закончил совещание с главными специалистами своей базы, где отдал приказ возобновить сборку гиперпространственного корабля. И глядя, как его подчиненные, один за другим покидают кабинет, он подумал: «А ведь среди них вполне может быть предатель, черт бы его побрал».

Богомазов встал из-за стола, чтобы спуститься в сборочный цех.

«Интересно, а когда наши предки запускали Гагарина в космос, тоже такие страсти кипели?» – массивная стальная дверь в сборочный цех медленно стала подниматься вверх, открывая проход.

Объединенная Русь. Украина. В двадцати километрах от г. Славутич, Киевской обл. Почти за два года до описываемых событий. 14 августа 2188 года. Четверг. 18.20 по местному времени.

Небо, казалось, упало на землю, цепляя ее тучами, набухшими от воды. Под этими тучами понуро стояли деревья и замерла земля, покрытая мокрой травой и проплешинами грязи.

И лишь золоченый крест, гордо вознесшийся над небольшой, сложенной из свежих бревен церквушкой, оживлял безрадостный пейзаж. Возле церкви, на утрамбованной площадке, демократично сгрудились десятка два машин. Роскошные «Мерседесы» и «БМВ» дверь в дверь, бампер к бамперу соседствовали с неприятзательными «Москвичами» и «Пежо». Не поместившиеся на площадке трехколесные электроциклы, словно огромные жуки, оцепили церковь.

Тучи, наконец, стали сбрасывать свой груз – первые крупные капли дождя упали на церковь, машины, землю. И тут же внезапно поднявшийся ветер подхватил их, закружил, начал яростно хлестать ими окружающий мир.

– Братья и сестры! – звучно взвилось под сводами церкви. – Мир всё больше погрязает в грехах. Прелюбодейство и чревоугодие, корысть и зависть, непомерная гордыня и тщеславие – вот истинные правители этого мира, – голос продолжал рокотать в небольшой церквушке.

Перед алтарем возвышался высокий молодой человек в черной рясе. Перед ним живой стеной стояли люди, жадно ловившие каждое слово священника. Несколько горевших свечей только обозначали пространство, в котором продолжала гневно вибрировать проповедь:

– Люди давно забыли о Боге. Для них комфорт и богатство важнее бессмертия души. Они решили, что научившись клонировать и записывать информацию обо всей своей жизни, они избегут суда Божьего и без Него получают бессмертие. Теперь они молятся не Богу, а Машине. Ибо она им начисляет баллы для получения второй жизни. Они забыли Господа. Но Бог всемогущ и последователен. И Он не допустит, чтобы пренебрегали именем Его и заповедями Его. Как сказано в Священном писании: Бог «воздаст каждому по делам его» И гнев Божий уже настиг тысячи людей, поразив их безумием. Вы собрались здесь и спрашиваете, что делать? – священник обвел взглядом десятки обращенных к нему лиц. – А ответ прост – преданно слушать нашему Господу. Но вы можете сказать – я, мол, и так соблюдаю Божьи заповеди, не забываю молиться. Нет, люди! Этого недостаточно. Ибо Господь судит не только по словам, но и по делам человека. А какие дела сейчас угодны Господу? – и снова полыхающий взгляд на застывшую перед ним толпу. – Вот, видите это, – неожиданно священник вытянул правую руку к толпе и раскрыл ладонь. – У меня на ладони лежит так называемый чип сбора информации, метко прозванный в народе «надсмотрщиком». Это с его помощью машина или то, что официально называется Главным Компьютером, узнает все наши мысли, все движения нашей души. Всё, что раньше принадлежало человеку и Богу, принадлежит теперь и бездушной машине. До чего же пали люди, если ради получения второй жизни из рук машины, жизни без согласия Бога, они без стыда доверяют этой машине даже таинство, творящееся на супружеском ложе?

А жизнь, дарованная не Богом, а машиной, противна Богу. От вас скрывают факты, что среди людей, получивших вторую жизнь, очень высок процент смертей от несчастного случая или, еще страшнее от внезапного слабоумия. Но если от вас это можно скрыть, то от Бога ничего не скроешь. Он всё видит! – с этими словами священник вскинул вверх руку. Собравшиеся, как загипнотизированные подняли глаза. Над ними, в слабом свете свечей, терялся свод церкви. Кое-где смутно угадывались лики святых, сурово, сверху вниз смотревшие на людей.

– Так давайте же, братья и сестры, не словом, а делом покажем, что мы ждем Великой Благодати – вечной жизни только от всемилостивейшего нашего Господа Бога и не верим в дьявольский соблазн – вторую жизнь от машины. Давайте откажемся от этого чипа – пусть наши мысли принадлежат только нам и Богу.

Неожиданно в руке священника оказался крест, и он простер его над стоявшими людьми. Те, словно по команде, попадали на колени. Священник, сойдя с возвышения, подходил к каждому, протягивал крест для поцелуя и произносил: «Да благословит тебя Господь на жизнь вечную и безгрешную».

Поцеловавший крест и получивший благословение вставал с колен и торопливо шел в притвор. Там через небольшую дверь человек выходил к лестнице и спустившись по ней, попадал в помещение, расположенное под землей. Интерьер его резко контрастировал с интерьером церквушки. Огромный, сверкающий белоснежным пластиком, зал. На потолке полыхали мощные бестеневые лампы. Посередине зала стояли пять кресел, напоминающие стоматологические. Рядом с каждым креслом стоял аппарат со множеством кнопок, тумблеров и дисплеем. Еще несколько различных агрегатов располагалось вдоль стен. Иными словами, под расположенной в глухом лесу церквушкой находилась мощная медицинская лаборатория. Каждый прихожанин подходил к столу, стоящему у входа в лабораторию, и ставил подпись на бланке стандартного заявления, в котором он добровольно просил извлечь из его мозга чип сбора информации как противоречащий его религиозным убеждениям. После этого он садился в одно из кресел. Умная электроника мягкими прижимами фиксировала его голову. Посылался короткий радиоимпульс, на который тут же «откликнулся» чип. Мгновение и компьютер с точностью до тысячных долей миллиметра определял месторасположение чипа. Тут же следовал приказ-импульс исполнительному механизму. Штанга с вмонтированным в неё соплом опускалась на точно указанное место. Из крошечного отверстия сопла под огромным давлением вырывалась струя воды с растворенными в ней обезболивающими и антисептическими материалами. Еще пара мгновений и в человеческом черепе появлялось отверстие, диаметром в один миллиметр. Раздавалось легкое жужжание – на штанге поворачивался специальный барабан, и вместо сопла на отверстие нацеливалась тончайшая, пару молекул в диаметре, игла из специального сплава. Точным, коротким движением игла пронзала мягкую, податливую ткань мозга и упиралась в чип. Еще короткий импульс и игла намертво притягивала к себе крохотный чип. И, словно опытный рыбак, умная электроника выдергивала из мозга иглу с уловом на конце. Вновь раздавалось легкое жужжание – игла вновь сменялась соплом. Но теперь вместо воды из него била струя специального полимера, мгновенно затягивающего практически невидимое отверстие в черепе. Вся процедура извлечения чипа занимала не более минуты. За процессом на всех пяти креслах следил один человек, сидящий за дисплеем в углу лаборатории.

Вот первый человек опустился в кресло, второй направлялся в это время к соседнему, а у стола подписывал заявление уже третий прихожанин. Конвейер заработал. «Да благословит тебя Господь на жизнь вечную и безгрешную» – спуск по лестнице вниз – подпись – прижим головы – легкое жужжание и с кресла вставал человек, более не обязанный отчитываться перед Главным Компьютером Организации Объединенный Наций.

Уже более половины пришедших в церковь освободились от чипа сбора информации. Неожиданно входная дверь распахнулась и с десяток людей в камуфляже, в черных пулене-

пробиваемых шлемах с опущенными забралами, с автоматами–парализаторами ворвались в церковь.

– Группа «Кобра»! Всем на пол! Не двигаться! – слова командира, превращенные встроенным в шлем динамиком в рев, заполнили всё помещение.

Спецназовцы действовали четко, по не раз отрепетированному и опробованному сценарию. Пятеро, во главе с командиром, тут же кинулись к двери за алтарем. Остальные пятеро веером ворвались в толпу оцепеневших людей. Пару раз сверкнули заряды парализаторов, сшибая с ног мужчин и женщин. Остальные сами, поспешно стали валиться на пол.

– Остановитесь! Что вы делаете, безбожники! – священник с поднятым над головой крестом кинулся на спецназовца.

Сверкнул парализующий заряд, и человек в черной сутане беззвучно рухнул на пол.

– Ах ты, сука! – двухметровый мужчина в один прыжок оказался перед спецназовцем.

Тот крутанулся на месте, наводя ствол парализатора на нападавшего. Поздно! Толчок левой рукой по стволу и заряд поражает кого-то из толпы. Правая рука, как кувалда, обрушивается сверху, валя спецназовца на пол. Четверо его коллег бросаются ему на помощь, рассчитывая себе путь вспышками выстрелов. Нападавший мужчина с силой опускает свою ногу, обутую в тяжелый армейский ботинок на кисть поверженного спецназовца, сжимающую рукоятку автомата. Раздается хруст и приглушенный вопль из-под шлема. Мгновение, – и парализатор, уже оказавшийся в руках двухметрового мужчины, выплевывает заряд прямо в грудь набегающему спецназовцу.

– Круши гадов! – мужчина, схватив одной рукой падающего врага за грудь и прикрываясь им словно щитом, отстреливается от оставшихся трех спецназовцев.

Другой человек кидается на еще одного спецназовца. Тот с ходу разряжает в него свой парализатор. Мужчина, успев схватить его за шею, валится вместе с ним на пол. И тут же толпа сжимается вокруг оставшихся двоих вооруженных людей. Сжимается, сшибает с ног. Множество рук выдергивают у них парализаторы и тут же заряды впиваются в их тела.

– Братья, а теперь вниз. Там еще пятеро осталось! – мужчина, первый оказавший сопротивление, бежит к двери в притворе. Возбужденная толпа кидается следом. Но тут дверь распаивается сама – оставшиеся наверху спецназовцы по радиации успели запросить помощь. Посланные сразу с двух стволов заряды швыряют мужчину на пол. Вслед за этим в помещении раздаются несколько хлопков – взрываются гранаты с парализующим газом. Через минуту всё кончено – обездвиженных, потерявших сознание людей грузят в прилетевший вертолет и тот, тяжело оторвавшись от земли, берет курс на город.

Разбушевавшийся ветер через распахнутые двери с радостным воем, наконец, врывается в церковь. Пламя свечей дрогнуло и тут же погасло. Церковь погрузилась во мрак. Лишь хлопанье незакрытых дверей нарушает однообразный вой ветра. По небу всё также неторопливо плывут темные тучи...

Объединенная Русь. Украина, г. Киев. Ул. Короленко 17. Рабочий кабинет директора Службы безопасности Украины. Почти за два года до описываемых событий. 16 августа 2188 года. Суббота. 15.15 по местному времени.

Древний Киев красиво раскинулся на берегах широкого Днепра. Многочисленные небоскребы уверенно смотрят в синь неба. По широким улицам мчит бесконечный поток машин, и такой же нескончаемый людской поток течет по тротуарам. Первый день уик-энда набирал силу, чтобы вечером разлиться веселыми мелодиями, цветными лучами лазеров, рисующими в небе праздничные узоры, еще более яркими, чем в будние дни неоновыми огнями вывесок и реклам. За долгие столетия своей истории небольшое поселение, основанное легендарными

братьями Кием, Щеком, Хоривом и сестрой их Лыбидью, пережившее вместе со своей страной бурную, часто драматичную и кровавую историю, историю непростых отношений со своими соседями, превратилось в роскошный, современный мегаполис. Но по-прежнему Богдан Хмельницкий на разгоряченном коне булавой указывает на Москву...

– Не стесняйтесь, Олег Николаевич. Присаживайтесь. Чувствуйте себя, как дома, – прилетевший час назад в Киев Директор Службы безопасности Вадим Александрович Кедрин извинительно улыбнулся собственной шутке.

Вошедший в свой кабинет начальник Службы безопасности Украины, стараясь не смотреть на восседающего за его столом Директора Службы безопасности Объединенной Руси, молча сел в кресло.

– Итак, Олег Николаевич, начнем. Суббота, и хочется побыстрее к семье. Поэтому, как говорится, сразу возьмем быка за рога. Я внимательно ознакомился с делом о происшествии в сельской церкви, недалеко от города Славутич. Вопиющий непрофессионализм. Во-первых. Зачем вы вообще туда полезли? Изучив материалы, я так и не нашел ответа. В этой церкви что, – базировалась какая-то террористическая организация? Или этот батюшка призывал к уничтожению существующего строя? А? Медицинская лаборатория официально зарегистрирована на некоего Пархоменко, хирурга по специальности. И у него есть оформленная по всем правилам лицензия на проведение таких операций. Надеюсь, вы знаете, что извлекать чип сбора информации имеет право любой дееспособный гражданин. Для этого даже не требуется заявления с обоснованием своего поступка.

– Сейчас я всё объясню, Вадим Александрович.

– Да уж постарайтесь, Олег Николаевич. Постарайтесь мне объяснить действия ваших подчиненных, – Кедрин даже не пытался скрыть своего недовольства.

Вытащив из внутреннего кармана пиджака роскошный «Паркер», он стал постукивать им по столу.

– По агентурным каналам, – начал директор СБ Украины, – к нам поступила информация о том, что в этой церкви проводятся массовые собрания, на которых настоятель церкви отец Сергей призывает, если так можно выразиться, к гражданскому неповиновению.

– Конкретнее, Олег Николаевич. Что он призывал делать?

– Он призывал к тому, чтобы отказывались от своих чипов сбора информации.

– И это, вы считаете, можно квалифицировать как призыв к гражданскому неповиновению? Кстати, хочу вам напомнить, уважаемый Олег Николаевич, что далеко не всякие акты гражданского неповиновения уголовно наказуемы.

– Человек без чипа становится социально более опасным.

– А остальные, получается, менее опасны? По вашему – каждый человек в принципе представляет некоторую угрозу социуму?

– А разве нет? – глава украинской СБ Олег Николаевич Пустовойтенко, чуть прищурившись, посмотрел на своего непосредственного начальника.

Тот, выдержав взгляд, после секундной паузы согласился:

– Ну, допустим. Допустим, что каждый человек потенциально опасен обществу. Ибо в каждом из нас заложен дух независимости. А государство, даже самое демократическое, как ни крути, часть этой независимости забирает.

– Именно это я имел в виду.

– Но объясните, как удаление чипа сбора информации делает человека более опасным?

– Очень просто, Вадим Александрович. Чего современному человеку не хватает? Да всё у него есть. Он может вкусно кушать. Он имеет современную, благоустроенную квартиру, начиненную всеми мыслимыми достижениями бытовой электроники. Домашний робот предложит вам сотни меню, учитывающих все достижения диетологии и склонности вашего желудка.

Хочешь посмотреть боевичок? И что б главным героем была длинноногая блондинка? Зайди в интерактивное меню, создай свой сценарий и вставь голографический образ себя любимого в фильм. – Пустовойтенко ослабил узел галстука. – Вадим Александрович, человечество ожирело. Вернее, его белая часть. Сейчас, даже не занимаясь никаким трудом, можно жить припеваючи. Чем это может кончиться, не мне вам объяснять. Я, например, не представляю как, не применяя силу против китайцев, удержать в составе Объединенной Руси Сибирь и Дальний Восток. А это две трети всей территории государства. И вторая жизнь – это существенный стимул чаще отрывать свою задницу от кресла. А уж если человек добровольно отказывается от чипа сбора информации, то есть от возможности получить вторую жизнь, то ему вообще на всё начхать. Такие становятся либо трутнями, либо, что бы как-то разнообразить свою жизнь могут перейти к ...гм... активным противоправным действиям.

– Логичнее предположить, что активные постараются себя реализовать законными способами и завоевать вторую жизнь.

– Этот путь труднее, дольше и не приводит к таким концентрированным ощущениям. Одно дело – построить дом. Надо знать как. Это сравнительно долгий процесс, и все эмоции размазываются во времени. Другое дело – его взорвать. Ума большого не надо. Мгновенно бах и ты, именно ты в доли секунды уничтожил труд сотен людей. Тут эмоции посильнее будут.

– По-вашему, Олег Николаевич, снятие чипа уменьшает стабильность государства. Так что ли? – ручка в руке Директора службы безопасности с силой стукнула по столу.

– В самую точку, Вадим Александрович.

– Поэтому вы так грубо и наехали на священника?

– Может, это было и не совсем законно, но стабильность государства превыше всего. По-моему, Вадим Александрович, именно в обеспечении стабильности государства и заключается наша работа.

– А увечья, полученные вашими людьми в ходе захвата церкви, – Кедрин чуть иронично улыбнулся, – тоже были частью плана? Что бы, так сказать, усилить ваш аргумент насчет того, что люди, снявшие чип, переходят к активным противоправным действиям.

– Увы, Вадим Александрович, наша работа не предполагает белых перчаток.

– Иными словами, мужчина, оказавший активное сопротивление бойцам «Кобры» и покалечивший одного из них...

– Является капитаном данного подразделения.

– Вы знаете, Олег Николаевич, пока я летел сюда из Москвы, я хотел просить Президента Украины снять вас с работы.

– Я знаю, Вадим Александрович. Мне господин Грушенко сообщил о вашем телефонном разговоре с ним и о вашей просьбе.

– И, как вы знаете, он мне отказал.

– Он вам предложил лично побеседовать со мной, а потом, если необходимость в этом останется, вновь обратиться к нему с этой просьбой.

– Вы правы. Так точнее. И после нашего разговора, – Директор Службы безопасности Объединенной Руси сделал паузу, задумчиво рассматривая ручку в своей руке, – я рад, что наша Конституция не позволяет мне снимать с должности глав национальных управлений служб безопасности, – Кедрин, наконец, поднял глаза и взглянул на Пустовойтенко.

– Я тоже рад, Вадим Александрович, что в вашем лице нашел понимание своей точки зрения.

– Но священника придется отпустить.

– Конечно. Извинимся. Мол, ошибка вышла. Думали, что создана антигосударственная организация. Не знаю, сделал ли он надлежащие выводы, но, по крайней мере, чипы он долго уже не сможет извлекать.

– А что так?

– Знаете, в его подземной лаборатории случился пожар. Всё сгорело, – Пустовойтенко скупо улыбнулся.

– Бывает, – в ответ улыбнулся Кедрин. – Ну, всего хорошего, Олег Николаевич. Занимайте свое руководящее кресло, а мне пора в Москву, – с этими словами Директор Службы безопасности встал из-за стола.

– Спасибо, Вадим Александрович, – и уже как полноправный хозяин кабинета отдал распоряжение по внутренней связи:

– Охрану для господина Кедрина к выходу на вертолетную площадку.

Вертолет с Директором Службы безопасности Объединенной Руси, легко оторвавшись от бетонной площадки на крыше Управления Службы безопасности Украины и выдвинув из фюзеляжа треугольные крылья, казалось, прыжком исчез в синеве неба. Через сорок минут Кедрин уже был у себя в рабочем кабинете.

«Нет, Кедрин, ты не так прост, чтобы безоговорочно поверить моим словам. Ты что-то учуял и пойдешь по следу, – глава Службы безопасности Украины спускался в лифте с вертолетной площадки к себе в кабинет. – Недаром за тобой еще со времен учебы в Высшей школе службы безопасности закрепилась кличка «Такса». Собака, предназначенная для охоты на хитрых лисиц».

И уже в кабинете, Пустовойтенко неожиданно даже для себя подумал: «А я ведь, пожалуй, мог легко устроить катастрофу правительственному вертолету».

Объединенная Русь. Россия. Москва. Лубянка 26. Кабинет Директора Службы безопасности. Почти за два года до описываемых событий. 16 августа 2188 года. Суббота. 17. 05 по местному времени.

– Северского ко мне, – коротко бросил Кедрин своему секретарю, едва сев за свой рабочий стол после прилета из Киева.

«Что-то ты скрываешь от меня господин Пустовойтенко, – Директор Службы безопасности вновь задумчиво вертел «Паркер» в своих руках. – Вот только что?»

– Северский прибыл, – по внутренней связи доложил секретарь.

– Пусть войдет.

Через несколько секунд дверь распахнулась.

– Вызывали, господин Директор?

– Присаживайся Игорь. Я, кажется, нашел тебе неистового. Прочти вот это, – Кедрин протянул полковнику службы безопасности папку.

Тот раскрыл ее и быстро заскользил глазами по тексту.

– Об этом священнике необходимо собрать более полную информацию, – Северский закрыл папку и положил её на стол. – Но навскидку – кандидатура хорошая.

– Даю тебе на это время до завтрашнего утра. Можешь идти.

– Слушаюсь, господин Директор.

Едва секретарь Кедрина проводил взглядом Северского, как вновь коротко звякнул телефон внутренней связи.

– Новосельцева ко мне, – коротко раздалось из телефона.

– Вызывали, Вадим Александрович, – полный, невысокий, похожий на колобок Сергей Ефимович Новосельцев уже через минуту вкатился в кабинет своего шефа.

Несмотря на столь откровенно невпечатляющий вид, Новосельцева в Службе безопасности опасались все. Еще бы. Толстенький, вечно улыбающийся, с чрезвычайно подвижной мимикой лица генерал-майор службы безопасности возглавлял одно из самых засекреченных подразделений службы безопасности – отдел внутренней безопасности.

– Сергей Ефимович. Мне срочно все материалы по Киеву за... – Директор Службы безопасности на мгновение задумался, – пожалуй за последний год.

– Слушаюсь, Вадим Александрович. Через полчаса материалы будут у вас.

– И вот еще что. Возьмите этот «Паркер» и прогоните его через наш центральный компьютер.

Новосельцев мгновенно подкатился к столу Кедрина и взял авторучку:

– Что, опробовали, Вадим Александрович? Более компактного детектора лжи нет даже у американцев!

– Выжмите с этого «Паркера» всё. Малейшее изменение тембра голоса моего собеседника, чуть уловимое движение его век, малейшее учащение его пульса и изменение сопротивления кожи его лица должно быть объяснено.

– Для этого у нас должна быть его подробная психофизиологическая карточка.

– Она у вас есть. Пустовойтенко Олег Николаевич. Директор Службы безопасности Украины. За час успеете?

– Будет сделано, господин Директор, – с лица начальника отдела внутренней безопасности, казалось, ни на миг не исчезало выражение полнейшего добродушия.

Ровно в полночь Кедрин соединился с приемной Президента Объединенной Руси.

– Господин Президент находится сейчас в своей загородной резиденции, – сообщили из Кремля. – Вас записать к нему на прием?

– Обязательно.

Объединенная Русь. Украина. Киев. Мариинский дворец. Рабочий кабинет Президента Украины. Почти за два года до описываемых событий. 16 августа 2188 года. Суббота. 22 часа 55 минут. Время местное.

На черном небе сверкали звезды. Среди них желтой тарелкой светилась Луна. А под ними, отражая их на своей широкой поверхности, неторопливо тек Днепр. Изредка, где-то на середине реки слышался тихий всплеск – какая-нибудь любопытная рыба всплывала на поверхность, решив полюбоваться открывающимся великолепием. И вновь звенящая летняя тишина. Действительно, тиха украинская ночь.

В окнах второго этажа красивого дворца, стоящего на высоком днепровском берегу, горит свет.

– Так ты думаешь, Олег, что Такса что-то почуяла? – Президент Украины вопросительно посмотрел на Пустовойтенко.

– Недаром он получил это прозвище. Я Кедрина знаю еще с курсантских лет, когда мы вместе учились в Высшей школе Службы безопасности. Кедрин был бы не Кедриным, если бы с ходу поверил всему, что я ему сегодня наговорил.

– И что он, по-твоему, предпримет?

– Он, конечно, в Москве попытается выжать максимум информации из разговора со мной. Но много он вряд ли накопает. Вот если бы он усадил меня в кресло полиграфа, тогда другое дело, – Директор СБУ чуть улыбнулся, – а так анализ записи, которую он наверняка сделал своим «Паркером», мало что даст. Поэтому, скорее всего он напряжет своего Колобка. А тот пусть роет. Я позабочусь – много не нароет. Меня только одно беспокоит – зачем Кедрин вообще прилетал в Киев? Ну прищемили мы какого-то сельского священника. Что, это заслуживает внимания самого Директора Службы безопасности Объединенной Руси?

– А как он вообще узнал об этом случае?

– Да есть у меня в Управлении его человечек, – и, отвечая на удивленный взгляд хозяина кабинета, Директор СБУ пояснил, – лучше знать его людей здесь и держать под контролем, чем убрать, а потом вычислять очередного «крота».

– До выборов Президента Объединенной Руси осталось меньше трёх лет. Мне, Олег, нужно, чтобы о наших планах Орлов не узнал хотя бы еще год. За это время мы так раскрутим свое движение, что потом он просто не успеет что-либо эффективное предпринять.

– Постараюсь, Владимир Владимирович.

Напольные часы звучно пробили двадцать три часа.

– А в Москве уже полночь, – Президент Украины Владимир Владимирович Грушенко задумчиво посмотрел в окно.

– Вы думаете, что сейчас делает Орлов?

– Нет, я думаю, что сейчас делает Такса.

На несколько минут в кабинете Президента Украины повисла тишина.

– Священника освободить. Негласно помочь ему возродить свою медицинскую лабораторию, – прервал молчание Президент Украины.

– Его лаборатория уже перевезена в Киев. На первых порах мы организуем доставку людей из его церкви в лабораторию. А через месяц другой, организуем уже в самом Киеве церковь для отца Сергия. Пора разворачиваться.

– Организуй утечку информации об инциденте со священником в прессу. Причем, чтобы в оппозиционных газетах четко прозвучала мысль, что священника наказали за то, что он осуждает существующее разделение граждан на смертных и бессмертных. Что это только прерогатива Бога.

– Будет сделано, – кивнул головой Пустовойтенко.

– Как там создание оппозиционного канала на телевидении? Через месяц отца Сергия пора запускать в эфир.

– Несмотря на бешеное, – Пустовойтенко иронией выделил последнее слово, – сопротивление чиновников, я уверен, что через месяц канал «Слово» будет.

– Хорошо. И вот еще что. Усиьте негласную охрану отца Сергия. А то еще какие-нибудь придурки и на самом деле постараются его устранить.

– Обязательно, Владимир Владимирович.

Президент Украины взглядом показал на зеленый огонек работающего индикатора контроля блокирования информации. Его собеседник посмотрел туда же. Они понимали друг друга.

Объединенная Русь. Россия. Загородная резиденция Президента Объединенной Руси «Ново-Огарево». Почти за два года до описываемых событий. 17 августа 2188 года. Воскресенье. 8.40 по местному времени.

По виду раскрашенный веселой зеленой краской высокий забор ограждал от любопытных глаз и пронырливых мальчишек жильё осторожного и крепкого хозяина. Но это только по виду. На самом деле забор был высокопрочной броней, способной, не поморщившись, выдержать удар с полного хода семидесятитонного танка. Затейливо выполненные поверху забора завитушки были элементами охранной системы, способной обнаружить даже мышь. Даже комар, пересекавший невидимую линию, ставился компьютером системы на персональный учет. И не дай бог, если система решит, что пытающийся попасть за «веселенький» заборчик объект представляет опасность. Крупнокалиберные пулеметы – это самое безобидное, что охранная система могла предложить непрошенному визитеру. А так меню было разнообразно – многокиловольтный ток, высокочастотное электромагнитное поле, способное вскипятить биологическое существо изнутри. Более массивному «гостю» предлагались кумулятивные

снаряды под урановой оболочкой и многое-многое другое. За зеленым забором располагалась ближняя загородная резиденция Президента Объединенной Руси.

Подъехавший к воротам черный, массивный лимузин был беспрепятственно пропущен. Встроенная в него система распознавания «свой – чужой» без запинки ответила на поставленные охранной системой вопросы.

– Если главный шпион страны просит встречи с Президентом, то последний обязан немедленно принять его, невзирая ни на что. Пусть даже это воскресенье, или у главы государства расстройство желудка, – Президент Объединенной Руси вышел из-за стола и протянул руку вошедшему в кабинет Кедрину.

– Если у господина Президента расстройство желудка, то гнать надо либо медиков, либо меня. Если расстройство по болезни – то медиков. По всем остальным причинам – меня, – Кедрин пожал протянутую руку.

– Вот так, сидя на очке и указ подписать?

– А почему бы и нет? Можно и без стола обойтись.

Мужчины рассмеялись.

– Так что случилось, Вадим Александрович? – Орлов сев на стоящий у стены диван, жестом пригласил Кедрина сесть рядом.

– По-моему, господин Грушенко начал предвыборную кампанию.

– Вот как! И что заставляет вас так думать, Вадим Александрович?

– Анализ некоторых событий, – и, не тратя время на ожидание тривиального вопроса «Каких?», тут же продолжил. – Позавчера из Киева, из Службы безопасности Украины ко мне поступила информация, что мои украинские коллеги провели спецоперацию против одного сельского священника. Они направили в церковь, где он служил, группу захвата «Кобра». Те устроили там большой там-тара-рам, арестовали попа и вроде бы уничтожили находившуюся под церковью медицинскую лабораторию, где любой желающий в течение минуты мог извлечь из своего мозга чип сбора информации.

– У сельского священника имела такая лаборатория? – удивленно спросил Президент.

– Именно так.

– Но в принципе священник ничего предосудительного не совершал. По закону чип может извлечь из своего мозга любой желающий. Или у него не было лицензии на такой вид деятельности?

– Лаборатория была зарегистрирована на некоего врача Пархоменко и лицензия оформлена по всем правилам.

– И как же объяснили ваши коллеги свои действия?

– Вот распечатка моего разговора с главой Службы безопасности Украины господином Пустовойтенко. Ключевые места разговора я выделил, – с этими словами Кедрин передал Орлову ноутбук, выполненный в виде тонкой папки.

– И что тебя так взволновало? – прочитав текст на экране, Президент закрыл ноутбук. – В его словах есть резон.

– Господин Президент, ознакомьтесь, пожалуйста, со следующим документом, – Кедрин вновь раскрыл ноутбук и нажал на одну из кнопок.

– Что это?

– Это психофизиологический анализ состояния Пустовойтенко во время разговора со мной.

– Это как на детекторе лжи?

– Так точно, – кивнул головой Кедрин.

– Как же вы сумели его в такое кресло усадить?

– У меня есть свои профессиональные секреты.

– Так-так. Что же мы имеем? – Орлов вновь повел глазами по тексту. – Когда он говорил, что информация по церкви получена агентурным способом – вероятность достоверности сказанного восемьдесят пять процентов.

– Это низший предел достоверности. Если восемьдесят пять и выше, считается, что человек говорит правду.

– Далее он рассуждает о социальной опасности людей, снявших чипы сбора информации. Вероятность шестьдесят пять процентов.

– Человек сознательно что-то не договаривает. Немного, но не договаривает, – продолжал комментировать Кедрин.

– О, а его фраза: «Может, это было и не совсем законно, но стабильность государства превыше всего. По-моему, Вадим Александрович, именно в обеспечении стабильности государства и заключается наша работа» правдива на двадцать пять процентов, – Президент перевел взгляд на Кедрина.

– Так как это один из самых низких процентов достоверности во всем разговоре, господин Президент, специалисты по психофизиоанализу более подробно ее прокомментировали. Вот их выводы. По сути, это две фразы. Одна – подтверждение того, что именно из-за выше перечисленных им в разговоре доводов он провел акцию против священника. Другая – констатация целей работы службы безопасности. Так вот, существует большая вероятность того, что вторая фраза практически правдива. И так как она звучала на одну целую и две десятых секунды больше, то ее, так называемый, психофизиологический фон «наехал» на фон первой фразы. И суммарный фон получился двадцать пять процентов. А достоверность первой фразы может быть ноль процентов. Абсолютная ложь.

– Ясно, – Президент Объединенной Руси потер лоб и вновь углубился в чтение. – Далее достоверность практически колеблется около девяноста процентов. А вот насчет пожара и уничтожения лаборатории господин Пустовойтенко соврал – пять процентов достоверности. И что же ваши специалисты говорят по этой фразе?

– Это или полная ложь – то есть, лаборатория находится там, где и находилась. В целостности и сохранности. Или она находится в целостности и сохранности, но в другом месте. Я думаю, вернее второй вариант.

– Ну, и какие выводы можно сделать из всего анализа этого разговора?

– Я уже сообщил вам свой вывод. Господин Грушенко начал предвыборную борьбу за пост Президента Объединенной Руси.

– Поясни, – коротко бросил глава государства.

– На неизвестного священника «наезжает» спецслужба. Для чего? Нам говорят – для устрашения. И приводят кучу, в общем-то, правильных доводов. Психофизиологический анализ разговора показывает, что ключевая фраза, то есть утверждение, что да, именно из-за того и того мы «наехали» на бедного попа, абсолютная ложь. Спрашивается, какой есть еще мотив? Личный? Ну, это для господина Пустовойтенко несерьезно. Целая группа захвата «Кобра» и беззащитный поповик. Да еще у многих на виду. Анализируя ход операции, время ее проведения и «несчастье» с одним из «посетителей» церкви можно сделать вывод, что, наоборот, операция планировалась для популяризации личности священника, героизации его облика. Идет против власти! Защищая его, простые люди рисковали жизнью и свободой. Если я прав, то в скором времени, может даже сегодня, в украинских газетах мы найдем материал по этой «секретной» операции. С соответствующей трактовкой.

– А этот священник настоящий? Может он тоже, как тот супермен, оказавший сопротивление спецназовцам, работник спецслужб?

– Нет, священник самый настоящий. Весьма любопытная личность. В следующем файле его биография.

Орлов открыл следующий файл и быстро заскользил глазами по тексту:

– Действительно любопытная личность. Выпускник Одесской духовной семинарии. Как весьма одаренная личность получил должность секретаря в аппарате митрополита Киевского Филимона. Через два года, во время пасхи прикрепил к дверям Софиевского храма памфлет с двадцатью вопросами к служителям Церкви. Привлечен к церковному суду. Там он каяться решительно отказался. Вместо покаяния вызвал на диспут самого Филимона. За это был отлучен от церкви. Ушел из Киева. В районе города Славутич своими руками построил скит и стал проповедовать. Через пять лет уже силами прихожан построил церковь. Год назад основал у себя медицинскую лабораторию, где всем желающим удаляют из мозга чип сбора информации. Основной тезис его проповедей – бессмертие дается лишь Богом. Вторая жизнь, которую получают в результате научно-технического прогресса – это аморально по отношению к Богу и к остальным людям. И получившие ее ответят на Страшном Суде.

– По-моему в личности этого отца Сергия и есть объяснение действий Києва, – вновь заговорил Кедрин.

– Я уже тоже начал догадываться. При помощи этого священника Грушенко хочет упорядочить, усилить и возглавить движение по добровольному извлечению чипов из мозга людей.

– Именно так, господин Президент. Хотим мы этого или нет, общество постепенно стало раскалываться на два лагеря. Мир простых смертных и мир бессмертных. И между ними возникает противоречие посильнее, чем противоречие между богатыми и бедными. И богатый, и бедный проживали одну жизнь. И любой бедняк мог утешить себя мыслью, что его богатый сосед на тот свет богатство не унесет, что перед смертью все равны. Плюс религия проводила определенное анестезирующее воздействие, внушая, что Рай – награда за праведность в земной жизни. И об ушке.

– О каком ушке? – Орлов вскинул удивленный взгляд на Кедрина.

– Об игольном, господин Президент, – невозмутимо ответил тот, – через которое легче протащить верблюда, чем богачу попасть в рай. Но с техническим прогрессом ослабевают вера в Бога, а благосостояние растет. И для большинства населения, я имею в виду европейцев и североамериканцев, рай в принципе уже наступил. Вот только этот рай не вечен. Он заканчивается в момент смерти. Но появляются люди, для которых этот рай становится в принципе вечным. Как вы думаете, как к ним относятся остальные? – Кедрин вопросительно посмотрел на Президента, и затем сам ответил, – пока со скрытым недовольством. Я подчеркиваю – пока. Тем более нет стабилизирующего фактора среднего класса. Сейчас в мире, как в неустойчивом сообществе – кучка бессмертных и оставшееся большинство смертных.

– Тебя послушать, так действия Грушенко единственно правильные. Обратив недовольство подавляющего большинства в мирное русло. Законно добиться власти и декретом запретить вторую жизнь.

– Может и не единственно правильные, но в определенной логике ему не откажешь. Если он выступит как лидер движения за одну жизнь, да еще и публично откажется от чипа сбора информации, то он может стать президентом Руси. Учитывая, что его должность практически гарантирует ему вторую жизнь, то отказ от неё – самого ценного, что есть у человека, это поступок, который оценят многие.

– Что ты предлагаешь? – после долгой паузы спросил Президент.

– Я, честно говоря, вижу два выхода. Даже три. Первый – самому попытаться возглавить это движение, – и твердо взглянув Президенту в глаза, добавил, – со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая отказ от бессмертия. Второй путь – оставить всё, как есть. Сейчас трудно прогнозировать. Может, движение «за одну жизнь» и не станет таким популярным. А самим тоже подумать о каком-нибудь привлекательном лозунге.

– А какой же третий?

– Если выводы академика Хохлова верны и наша экспедиция в гиперпространство закончится успешно...

– Под словом успешно ты подразумеваешь контакт с Высшим Разумом? – переспросил Орлов.

– Под словом успешно я подразумеваю контакт с Богом. И вы будете Президентом страны, осуществившей столь эпохальное событие. Скажу больше. Вернувшийся оттуда наш соотечественник вполне может оказаться настоящим Мессией. И вам только останется, скажем так, прислушиваться к его словам. А точнее, к словам Бога. Против этого вашим политическим оппонентам будет трудно что-либо противопоставить.

– Не забывай, что проект «Пора» еще не утвержден Советом Президентов.

– Я думаю, они утвердят.

– Почему такая уверенность?

– А вы, господин Президент, скажете им, что, как Президент России, заявляете, что Россия и сама может потянуть этот проект. Но тогда, в случае удачи, все дивиденды вы будете распределять лично, без всякого Президентского Совета. А еще скажете, что после полета стенограмма этого Президентского Совета будет опубликована. Как потерявшая всякую секретность.

– Хитер, – Президент улыбнулся.

– Не без этого!

– А если всё закончится неудачей? – как бы в шутку, продолжая улыбаться, спросил Орлов.

Кедрин на секунду задумался:

– Что ж, тогда у вас еще остается целых два выхода, – наконец сказал он.

– Мессия для Руси – это было бы неплохо, – после паузы задумчиво произнес Президент.

– Неплохо. Хотя евреи, как известно, своего Мессию распяли руками римских легионеров.

– Мы будем умнее!

– Сильно сказано!

– Ну, а как идут дела по подбору кандидатов в Мессию? – по тону вопроса Директор Службы безопасности понял, что третьему предложенному им варианту Президент явно отдает предпочтение.

Глава 4. Кандидаты на Мессию.

И Мессии с нетерпением ждут своего прихода.

Станислав Ежи Лец

Луна. Море Дождей. База «Восток» Объединенной Руси. 30 апреля 2190 года. Пятница. 15.15 по СЕВ.

Приглушенный звук сирены проник во все уголки лунной базы «Восток». Звук был спокойный. Не тот, который оглушающим, леденящим душу ударом врывается в уши, и кажется, что не динамики громкой связи орут: «Внимание! Разгерметизация базы! Внимание! Разгерметизация базы!», а буквально каждая клеточка твоего тела, сразу ставшего таким беззащитным, вопит об этом. Нет, звук был привычный, деловой – на базе открылись наружные двери главной шлюзовой камеры. Полчаса тому назад на космодроме приземлился корабль с Земли. И вот уже пассажиры и экипаж с этого корабля на вездеходе въезжают на базу.

Факс, пришедший позавчера Богомазову из Центра управления космическими базами, был предельно лаконичен:

«30 апреля в 14.45 по СЕВ к вам прибывает «Гермес – 8». На борту – два члена экипажа и два дублера корабля «Прорыв». Обеспечьте размещение и проживание. Цели и задачи их

пребывания на базе у старшего группы майора Военно-космического флота Олега Анатольевича Титрова. Подпись: Начальник Центра управления космическими базами генерал-майор С.А. Скворцов».

Со дня инспектирования базы американцами прошло две недели. В течение этого времени всё текло как обычно. Почти сразу получив разрешение на возобновление работ по сборке гиперпространственного корабля, вся база с головой окунулась в эту работу. И лишь иногда, в перерывах между оперативками и совещаниями, остывая от бушевавших на них страстей или наблюдая за неспешной, кропотливой работой монтажников начальник лунной базы «Восток» думал: «А ведь среди этих людей есть предатель, который, может быть, каждое утро, полдень и вечер докладывает мне о тех или иных работах, за которые он отвечает, ругается с коллегами по многочисленным производственным вопросам, а потом стучит американцам. А Кедрин даже не шевелится. Пообещал вычислить «крота», так до сих пор и вычисляет. Ну да ладно. Мое дело вовремя и качественно собрать корабль. Вот за это я отвечаю, и за это с меня спросят», – и Богомазов вновь окунулся в бесконечный водоворот дел.

И вот этот корабль с Земли. В принципе, ничего необычного в этом не было. Экипаж, непосредственно присутствуя при сборке, до тонкостей узнает корабль, на котором ему предстоит лететь, обживет его и, если надо, попросит что-то изменить. По мелочам конечно. Но как часто такие мелочи оказывались именно той последней каплей из-за которой корабль шел на дно. Вернее навсегда и бесследно исчезал в холодных глубинах Космоса.

Но что-то не давало покоя Богомазову. Что-то было не так. И лишь, находясь в сборочном цехе, где по традиции будущий экипаж космического корабля приветствовали все сотрудники базы, он понял причину своего беспокойства. Среди толпы улыбающихся людей Богомазову неожиданно в голову пришла мысль: «А ведь очень скоро о прибытии будущего экипажа узнают американцы». Почему это крайне нежелательно, начальник базы и сам себе не смог бы объяснить. Ну, прибыл будущий экипаж очередного космического корабля. Делов то. Так уже было десятки раз. Но вновь, как и в разговоре по видеофону с Кедриним, полковник почувствовал, что человек или люди, готовившиеся к прыжку в гипер должны быть необычными. Нет, не в плане личного мужества и храбрости. Это само собой разумеется. Что-то в них должно быть еще. Вот только что, он никак не мог сформулировать. Что-то копошилось в голове, никак не сбивавшееся в мысль. И это немного раздражало. Как иногда напоминающее о себе легкой болью в груди сердце.

«Служба безопасности у нас вообще мышей не ловит, – улыбаясь и произнося приветственную речь, чуть раздраженно думал Богомазов, – Умные хозяева как поступают? Сначала от мышей избавляются, а потом только запасы в погреб складывают».

Но Служба безопасности мышей ловила. Это Богомазов понял, едва он и Титров остались одни в крохотном кабинете.

– Разрешите представиться еще раз – майор Службы безопасности Титров.

– А я уже было подумал, что Кедрин перестал ловить мышей, – Семен Петрович неожиданно для себя легко рассмеялся.

– Нет, Директор Службы безопасности ловить мышей не перестал, впрочем, и крыс тоже, – невысокий, крепко сбитый майор службы безопасности скупно улыбнулся.

«А ведь это волкодав. Если надо, клацнет челюстями – не подавится», – глядя в спокойные серые глаза собеседника, подумал Богомазов. Он вспомнил, как в детстве мечтал стать разведчиком.

«И пришлось бы вот так, чуть улыбаясь, людей убивать. Нет уж. Уж лучше космические корабли собирать».

– А трое из вашей группы тоже из Службы безопасности?

– Да.

– И как я должен вам помогать?

– Вести себя обычно, как и раньше. Если я не ошибаюсь, у вас завтра по план-графику предстоит большой объем профилактических работ вне базы?

– Да. Надо заменить кое-какие блоки в системе энергоснабжения, у которых вышел срок эксплуатации.

– Вот и отлично. И вот еще что. Сегодня ночью мои люди установят кое-какую аппаратуру в вашем кабинете.

– Делайте всё, что необходимо.

– Вот и отлично.

«Кедрин таки вычислил «крота» ... или почти вычислил. Без конкретного плана он своих людей бы не прислал. Да и этот вопрос насчет завтрашних работ. Нет, план по поимке предателя уже есть. И по скорой поимке. По идее сюда уже пора присылать и настоящий экипаж, – Богомазов сидел за своим столом и смотрел на дверь, через которую только что вышел Титров. – Интересно, так кто же он?» – уже в который раз начальник базы задавал себе этот вопрос.

Объединенная Россия. Украина. Крым, г. Партенит. Санаторий Министерства обороны «Крым». Почти за два года до описываемых событий. 31 августа 2188 года. Воскресение. 8.40 по киевскому времени.

Кусочек хлеба взмыл в голубизну неба. Через секунду он уже падал вниз с высоты двенадцатого этажа. Морская чайка, привычно спикировав, схватила его и по плавной, размашистой дуге развернулась в сторону синевшего неподалеку моря. Двое, стоявшие на балконе, проводили ее взглядом.

– Да, огорошили вы меня, Игорь Николаевич. Я – и вдруг любимец Бога, – невысокий темноволосяный парень задумчиво ломал кусок хлеб.

– Вообще-то, любимец Бога – это не узаконенный термин. Его ввел академик Хохлов. Знаете такого? – полковник Северский вопросительно посмотрел на Бориса Ковзана.

– Слышал. Но признаться – ничего конкретного. Знаю только, что он физик.

– Для начала и этого достаточно. Так вот, этим термином академик предложил называть людей, которым везет в жизни. Причем везет по крупному. Например, как вам, Борис.

– Мне кажется, слово «везет» предполагает случайность.

– То есть вы считаете, что случайно спаслись при аварии ракетоплана «Х-3»? – уточняя спросил полковник.

– Во всяком случае, предпочитаю не связывать это с вмешательством высших сил.

– Математики подсчитали вероятность вашего спасения. Они создали математическую модель вашего полета в открытом космосе. В ней учитывались время взрыва «Х-3», его линейные и угловые координаты в момент взрыва, скорость катапультирования кресла и ваша собственная масса. Оказалось, что изменение любого из этих параметров хотя бы на десятую процента и... и мы бы с вами сейчас не разговаривали. Получилось, вероятность спасения один к ста миллиардам.

– Надо же, легче угадать в «Спортлото», – Борис чуть усмехнулся.

– Это еще не всё. Если учесть, что для вашего спасения необходимо было вращение пилотского кресла в строго определенной плоскости, иначе бы вы попросту изжарились, то вероятность спасения становится просто исчезающее малой.

– И в этом вы видите руку Бога?

– Милостивую руку, – уточнил Северский.

Командир ракетоплана «Х-3», капитан военно-космического флота Вооруженных Сил Объединенной Руси Борис Иванович Ковзан задумался. Вдруг вспомнилось, как в открытом космосе американцы пытались подставить орбитальную станцию под него – пушинку, по сравнению с многотонной машиной станции. В тот момент Борис впервые осознал, что он везучий

человек. Вспомнилась выстроенная им тогда цепочка событий, доказывающая это. Победа в забеге «Победитель», когда только случайно увиденная им вымоина на крутой стенке берега позволила ему прибежать первым. Случайно? Допустим. А поступление в Высшее летно-космическое училище в Севастополе? Если бы случайно, буквально накануне экзамена по математике, он в одном из справочников не прочел, как решается одна хитрая задачка, он не набрал бы необходимый балл по математике. А, следовательно, не поступил бы в училище. Стоп! Решение этой задачки, которая ему и попала на экзамене, он прочел не в справочнике, а на каком-то измятом листочке. Буквально в тридцати шагах от здания, где должен был состояться экзамен, он ступил в лужу. Оглядевшись в поисках, чем бы вытереть туфли, он увидел на земле этот листок... Случайность? И в испытательном отряде он не должен был оказаться. Но оказался.

– И последнее, Борис Иванович, – донесся до него голос Игоря Николаевича Северского, – «ARK» не должен был быть на той орбите. За день до вашего полета, его планировали поднять значительно выше. Но в грузовом корабле, который должен был доставить на станцию топливо, обнаружилась какая-то неполадка, и старт отложили. Между прочим, стартовать должен был «Геркулес». Корабли этой серии считаются самыми надежными в мире. Ни одного отказа за двадцать лет.

– Вы серьезно считаете, что чудесное спасение – это не просто случайность, а вмешательство... – Борис Ковзан сделал паузу, подыскивая правильное слово.

– Бога, – помог ему Северский.

Взгляды мужчин встретились. Наконец Борис отвел глаза и швырнул очередной кусок хлеба с балкона. Большая белая чайка грациозно подхватив его, устремилась прочь.

– Борис Иванович, мы обработали большой объем информации. И пришли к выводу, что удачливость, везение – это явление, не попадающее под категорию случайного. И наши предки отлично это понимали. Например, у древних викингов главным критерием выбора предводителя для морских набегов являлась его удачливость. Они считали, что удачливость – это такая же черта характера, как мужество, честность и так далее. Философ двадцатого века Юнг считал, что везение – это явление, связанное с психикой конкретного человека, то есть не случайность, а закономерность. А как вы объясните следующие факты. Пятого декабря 1664 года у берегов Англии разбился корабль. Спасся единственный человек. Его звали Хью Уильямс. Пятого декабря 1785 года на том же месте потерпел крушение другой корабль. Спасся один человек. Его звали Хью Уильямс. Пятого декабря 1860 года там же тонет третий корабль. И вновь спасается один человек.

– Хью Уильямс? – Борис сжал в руке очередной кусочек хлеба.

– Правильно.

– Вот уж не думал, что Богу нравятся Хью Уильямсы. И именно пятого декабря.

– Это действительно трудно объяснить. Как говорится – пути Господни неисповедимы.

Но факт есть факт.

– Так может вам и поискать какого-нибудь Хью Уильямса? – Борис улыбнулся.

– Хью Уильямса мы искать не будем, – вполне серьезно ответил полковник службы безопасности. – Во-первых – он наверняка будет подданным не нашей страны. А во-вторых... Впрочем, и этого уже достаточно.

– Так поищите людей славянского происхождения, однофамильцы которых в прошлом чудесно спаслись.

– Искали, Борис Иванович. Искали такие цепочки, где хотя бы два, к примеру, Иванова чудесно спаслись. Тогда можно было бы искать третьего Иванова, нашего современника.

Северский взял у Бориса кусочек хлеба и кинул с балкона. Дождавшись окончания безукоризненной атаки чайки на хлеб, он закончил:

– Или хотя бы пригласить для нашей миссии второго, современного.

– И что? Нет у нас такой цепочки?

– Есть.

– Ну, так и ... – Борис не успел закончить фразу.

– Фамилия такого Иванова – Ковзан. Зовут Борис, отчество Иванович – отчеканил полковник.

– Какой-то Борис Иванович Ковзан уже когда-то спасался? – ошеломленно спросил Борис.

– В тысяча девятьсот сорок втором году пилот тогдашних советских ВВС Борис Иванович Ковзан в составе эскадрильи наткнулся на группу немецких бомбардировщиков. Шла Вторая мировая война. Ее у нас называли Великой Отечественной. Так вот, над Беларусью он принял бой...

Полевой аэродром в районе города Старая Русса, Новгородской области. 13 августа 1942 года. Четверг. 7.30 по московскому времени.

Белая сигнальная ракета размашистой дугой очертила круг обязанностей для людей, бегущих к своим «ястребкам». Обязанностей стандартных и за два года войны ставших привычными. Взлететь, найти, уничтожить врага, не дать ему своими фугасками отутюжить наш передний край, вернуться на аэродром. Впрочем, последнее было не обязательно. Обязательным было не дать и уничтожить.

С ходу прыжок на крыло, оттуда в кабину. Фонарь кабины – щелк. Ремни – клац. Тормозные колодки – убрать.

– От винта!

Привычная тряска грунтовки и вот уже тысячадвухсотсильный движок легко бросает самолет в небо.

– “Пчела”, я “Улей”. Курс сто тридцать, высота шесть.

– Понял. Курс сто тридцать. Высота шесть.

Разведывательный полет.

Через двадцать минут вспышки выстрелов, неровные ниточки траншей обозначили линию фронта. Дальше враг. Еще через пятнадцать минут в голубом небе появились черные оспины. Через несколько минут оспины превратились в тринадцать вражеских самолетов.

Тринадцатое число, тринадцать вражеских самолетов – «обнадеживающее» обстоятельство перед началом боя.

– «Улей», я «Пчела». Вижу семь Ю-88, и шесть Ме-109. Атакую!

Словно выполняя короткую команду «Фас!», краснозвездная машина бросилась в стаю летящих крестов. Небо расцветилось трассами очередей. Не обращая внимания на «мессеры» прикрытия Борис ринулся к «юнкерсам». Подвернувшийся «мессер» «ястребок» распорол очередь и тот, напоследок, перечеркнув голубое небо жирной черной полосой, устремился в свое последнее пике. Но и «кресты» не дремали. Откуда-то справа-сверху хлестнул раскаленный свинец. По голове словно ударили палкой. Горячая липкая кровь залила правую половину лица.

Всевышний, создавая человека, крепко, надежно сколотил свое творение. Мозг мгновенно «отрубил» все нервные окончания, давая человеку несколько секунд форы перед болезненным шоком.

Хрясь – отлетел фонарь кабины, еще движение и отстегнуты ремни... На большее сил не хватило. Ни подняться с сидения, ни перевалиться через борт, ни свалиться в спасительные шесть километров высоты. Языки пламени, щедро подпитываемые из бензобака, сжирали хрупкое тельце «ястребка».

Уже теряя контроль над телом, мозг уловил привычный силуэт – Ю-88, основной самолет Люфтваффе, две тонны бомб. И отдал, казалось, последнюю в своей жизни команду. Слабеющие руки повернули штурвал самолета на таран.

– Пробита голова. Вытекают мозги. Иду на таран, – услышала Земля.

Шестьсот километров в час «своих» и четыреста «чужих» в сумме гарантированно выписывали билет в то небо, откуда не возвращаются...

Но у Всевышнего своя математика. Сила инерции и сила взрыва выбросили потерявшего сознание летчика из огненного клубка двух самолетов.

Сколько нужно времени, чтобы падать с шести километров? Около тридцати пяти секунд. Еще с десятков секунд щедрой рукой отсыплет сопротивление воздуха. Итого сорок пять секунд. Сорок пять секунд жизни. На сороковой секунде советский летчик пришел в себя. На предпоследней секунде прозвучал хлопок раскрывшегося парашюта.

Новгородская область – это леса с проплешинами полянок. Но Всевышний окунул нашего героя в болото. В чавкающую, вонючую трясиину... мягкую трясиину... на временно оккупированной территории, выражаясь языком Совинформбюро.

Восемьдесят процентов чуда уже было сотворено. Оставалось чуть-чуть.

В качестве «чуть-чуть» Господь избрал жителей небольшой деревушки, видевших падающие самолеты и на мгновение расцветший в небе парашют. Они вытянули, находящегося в беспомощности летчика, и в копне сена, под носом у немцев переправили к партизанам...

– Дальше уже было сравнительно просто, – Северский взглянул на взволнованного Бориса. – Самолет с Большой Земли, десять месяцев тыловых госпиталей, выздоровление и война до самой победы. Тот Борис сбил еще несколько самолетов. Получил звание Героя. Вырастил двух сыновей.

– Он же потерял глаз. По-моему в двадцатом веке еще не умели имплантировать новые глаза.

– Не умели, – легко согласился Северский. – Ему вставили просто стеклянный имитатор.

– Но...

– Из госпиталя он был выписан с резолюцией: «Годен без ограничений».

– Невероятно!

– Следует добавить, что этот таран был четвертым на его счету. Столько таранов больше никто не совершал. Это абсолютный рекорд. Кстати, то, что твоему тезке не удалось выпрыгнуть из горящего самолета в том полете тоже можно считать везением, – и, отвечая на недоуменно-вопросительный взгляд своего молодого собеседника, полковник пояснил, – спускающихся на парашютах летчиков, летчики другой стороны просто расстреливали в воздухе... Такая была жестокая эпоха, – через паузу добавил он, словно оправдывая далеких предков. Еще вопросы будут?

– А когда это произошло?

– Тринадцатого августа тысяча девятьсот сорок второго года, – тут же последовал ответ. – Кстати, на «ARK», Борис Иванович, вы попали в аккурат над новгородской землей⁶.

Полчаса спустя, спускаясь в лифте, полковник службы безопасности Игорь Николаевич Северский мысленно, напротив фамилии Ковзана поставил галочку.

«Один есть. Теперь отец Сергей».

Объединенная Русь. Украина. В двадцати километрах от г. Славутич, Киевской обл. Почти за два года до описываемых событий. 3 сентября 2188 года. Среда. 18.20 по киевскому времени.

Темные лики святых невозмутимо сверху вниз смотрели на толпу, застывшую перед алтарем.

– Братья и сестры! Так отстоим же наше право, дарованное нам Самим Всевышним, получить вечную жизнь от Него Самого, – голос священника грозно рокотал в церкви. – Вспомните слова Святого Писания, что «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в него, не погиб, но имел жизнь вечную». Так неужели Жертва Самого Бога оказалась напрасной? – Толпа стояла не шелохнувшись. – Нет! – ударило в церкви. – Бог всемогущ! Он не допустит, чтобы кровь Его Сына пролилась зря. Он не позволит, чтобы группка каких-то людей отняла у Него право Высшей Милости! Отступников, неверующих в Его всемогущество, Он будет карать! Он уже их карает! Карает страшно, отнимая разум. Синдром внезапного слабоумия появляется все чаще. Многие расплатятся за свое неверие в Бога! – лампа позади священника придавала ему какой-то мистический вид. – Но Бог не только всемогущ, Он и всемилостив. Никогда не поздно встать на праведный путь. Необходимо извлечь из себя это богомерзкое людское изобретение – чип сбора информации. Исторгнуть из себя этого соглядатая сатаны. Братья и сестры! – в руках священника появился крест, – кайтесь! Кайтесь перед Богом!

Высоко поднятый над головой священника крест отбрасывал на толпу длинную, вытянутую тень. Священник, отец Сергей, сошел с возвышения и направился к людям. Каждый целовал протянутый ему крест и напутствуемый словами «Да благословит тебя Господь на жизнь вечную и безгрешную» выходил из церкви. У входа стоял вместительный комфортабельный автобус. Система набора кандидатов на «жизнь вечную и безгрешную» была отлажена и сбоев не давала. Заполненный автобус, тихо покачиваясь на рессорах, устремлялся на окраину Киева. Там, во внешне неприметном здании, располагалась медицинская лаборатория. Полтора, два часа ее работы, и пятьдесят – шестьдесят человек добровольно отсоединяли себя от общечеловеческой компьютерной сети.

Но на этот раз система дала сбой. В ответ на напутствие: «Да благословит тебя Господь на жизнь вечную и безгрешную» тихо прозвучало:

– Батюшка, мне с вами необходимо поговорить.

– Брат мой, о чем ты? – священник всё еще протягивал крест к губам человека.

– Батюшка, мне кажется, вам следует, прежде всего, напутствовать желающих вечной жизни, а потом я вам всё расскажу, – голос мужчины был абсолютно серьезен.

– Кто ты?

– Верующий человек, – последовал тихий твердый ответ.

Священник растерянно осмотрелся. Двое охранников, почувствовав неладное, дернулись в его сторону. Но только дернулись. Два бойца подразделения «Тайфун» давно, еще когда прихожане заходили в церковь, без труда, при помощи универсального детектора оружия, закрепленного на их телах, вычислили их. И как только охрана дернулась на помощь священнику, их запястья тут же обхватили сильные пальцы.

– Батюшка, не забывайте о своей пастве, продолжайте работу, – тихие слова вернули отца Сергия к действительности.

Еще несколько раз под сводами церкви прозвучало: «Да благословит тебя Господь на жизнь вечную и безгрешную», еще несколько уст прижались к металлу креста, и наполненный автобус беспрепятственно взял курс на Киев. В церкви остались только двое, не считая статуеподобных, ничего не видящих и не слышащих двух охранников.

– Так кто ты? И что тебе от меня нужно?

– Полковник службы безопасности Игорь Николаевич Северский.

Под бесстрастными лицами святых полковник службы безопасности приступил к разработке очередного кандидата в Мессию.

Два часа спустя Северский уже летел в Москву.

«А может он и прав. Бог – это даже не Президент. А к Президенту ты же просто так, без приглашения в гости не ходишь? Ты его видишь, когда ему это нужно. Для дела, для награждения... или для наказания».

Объединенная Русь. Россия. Москва. Лубянка 26. Кабинет Директора Службы безопасности. Почти за два года до описываемых событий. 30 сентября 2188 года. Вторник. 12.13 по местному времени.

– Нет, Игорь Николаевич, это не годится. Тесты тестами, но нужно настоящее испытание, – Кедрин, откинувшись на спинку кресла, смотрел на экран монитора. – Мы с вами уже пришли к выводу, что настоящий любимец Бога – это тот человек, которому Бог спасает жизнь, в казалось бы безнадежных ситуациях. А вы тут придумали – кто из кандидатов больше угадает чисел, кто быстрее найдет выход из лабиринта. Мелко!

– Но, господин Директор, этим мы проверяем их интуицию, – тихо возразил Северский.

– Тогда вам надо было брать на испытания тех, кто угадывал в лотереях. У них уж точно развита интуиция. Поймите, полковник, тут с Богом надо играть по крупному.

– Создать для кандидатов смертельно опасную обстановку и посмотреть кто и как из неё выпутается?

– В самую точку попали, – подтвердил Кедрин.

– Но..., – Северский запнулся.

– Вас что-то смущает?

– Господин Директор, но..., – полковник замялся, – но Бога ведь не проведешь, – наконец вымолвил он.

– Не понял.

– Он увидит, что мы боимся людей и может не захотеть проявить Себя.

Кедрин подался вперед, положил на стол локти и оперся на них. Затем после небольшой паузы медленно произнес:

– А кто вам сказал, господин полковник, что мы будем страховать людей?

– Но... но они же могут погибнуть. Ведь испытание будет опасным!

– Не просто опасным. Вы должны организовать смертельно опасное испытание, – уточнил Директор Службы безопасности.

– Но люди могут отказаться от такого испытания, – резонно возразил полковник Северский.

– Значит вы плохо подбирали кандидатов, полковник, – жестко прозвучало в ответ. – Любимец Бога, настоящий любимец должен согласиться.

– Даже если я отыскал настоящего любимца, то остальные ведь могут погибнуть. Может, ради такого дела попросить Президента назначить за это испытание такой коэффициент, который гарантировал бы им в случае смерти положительное решение Большого Бэби? Такое право у Президента есть.

– Игорь Николаевич, – после долгой паузы проговорил Кедрин, – вы смотрели недавно вышедший фильм Бондаренко «Волоколамское шоссе» о Второй Мировой войне?

– Еще нет.

– Посмотрите. Двадцать восемь парней без всякой надежды на спасение кидаются с гранатами под танки, защищая Москву. Кидаются без всякой гарантии даже на известность. Даже такой малости, как обычная похоронка родным со стандартными словами: «Погиб смертью храбрых» им не гарантировалась. Без вести пропавшие – это единственное, на что твердо они могли рассчитывать. И все, что осталось, так это общее имя на всех – двадцать восемь панфиловцев. Общее, как братская могила. Нет, Северский. Всё должно быть по настоящему. Мы

с Богом не в подкидного дурака собрались играть. Даю вам десять дней на разработку плана испытаний и их подготовку. Идите.

– Есть!

Объединенная Русь. Россия. Московская область. Район поселка Кубинка. Танковый полигон. Почти за два года до описываемых событий. 17 октября 2188. года. Пятница. 8.05 по московскому времени.

Восходящее желтое светило легко, играючи разогнало остатки ночи. Его лучи безжалостно били по самым укромным уголкам леса, наполняя их светом и теплом. Проснувшиеся ото сна березы шелестели золотыми листьями, словно рукоплещая могущественному светилу. Даже стальная ажурная конструкция метров тридцати в высоту, стоявшая на опушке леса, казалось, ожила, блестя своими балками на солнце.

«Природа приветствует своего повелителя, прихорашиваясь перед ним. В такую погоду погибать еще тяжелее», – полковник Северский вздохнул и перевел взгляд на шеренгу из шести человек, одетых в одинаковые спортивные костюмы.

– Итак, господа, сегодня день испытания. Не скрою, я был приятно удивлен тем, что, узнав неделю назад о сути предстоящего испытания, от него отказался только один человек. Наверное, очень хочется быть Мессией?

– Так точно! Как говорится – или грудь в крестах или голова в кустах, – молодой парень весело улыбнулся полковнику.

«Михаил Олегович Чистяков – двадцать пять лет. Преподаватель математики в школе. Два года назад, проспав, опоздал на самолет, который разбился два часа спустя в Альпах. Набрал наибольшее количество баллов на тестировании», – Северский улыбнулся в ответ.

– Во-во, Мессию Христа и распяли на кресте. Это ты точно, Миша подметил, – бородач с крупными, грубо вылепленными чертами лица, подмигнул стоящему рядом с ним Чистякову. Все рассмеялись.

«Аркадий Владимирович Исаев. Тридцать пять лет. Программист. Пять лет назад сдал билет на самолет – закрутил курортный роман с марокканкой и решил еще на недельку продлить себе мужское удовольствие. Самолет рухнул в Средиземное море. Результаты тестирования – середнячок».

– Кто еще желает высказаться?

– Напоследок, что ли? – задорно выкрикнул стоявший крайним слева крепыш.

«Александр Александрович Кириленко. Тридцать лет. Менеджер в строительной фирме. Три года назад сдал билет в Нью-Йорк. Его начальнику срочно понадобилось в Америку – срывался крупный контракт. Самолет без вести пропал над Атлантикой. Результаты тестирования самые низкие в группе».

– Ну, зачем же так пессимистично, Александр Александрович. Впрочем, никогда не поздно отказаться.

– Это было бы несолидно, Игорь Николаевич, – подал голос высоченный, два метра ростом, худощавый мужчина, с легкой проседью в длинных черных волосах. Вы неделю нас тренировали, тренировали. А мы спужаться?

«Олег Александрович Аверьянцев. Сорок пять лет. Старший в группе. Скрипач. Десять лет назад со своим оркестром должен был лететь в Токио. Накануне подскользнулся и упал на лестнице – кто-то пролил оливковое масло. Результат – вывихнутая рука. От поездки пришлось отказаться. Самолет разбился при посадке в Токийском аэропорту».

– Не спужаться, а укакаться, – уточнил стоящий рядом с Аверьянцевым среднего роста мужчина с холеным породистым лицом.

«Владимир Николаевич Ботков. Сорок лет. Врач. Шесть лет назад, проезжая по шоссе, увидел лежащего в крови мужчину, которому необходимо было срочно сделать искусственное дыхание. Он и сделал, перепачкавшись кровью. Пострадавший был носителем СВС. А у врача – свежая царапина на руке. Заразился. Через полгода болезнь стала развиваться. Месяц Ботков был на грани смерти. Но выкарабкался. Это один из восьми зафиксированных в стране случаев выздоровления. По результатам тестирования – второй».

– Нет, это было бы нормально. Повторяю, слишком большой риск.

– Нормально наложить в штаны? Какой же тут риск? – переспросил невысокий, худощавый темноволосый парень, предпоследний слева в шеренге.

Хохотом зашлись все.

«Борис Иванович Ковзан. Двадцать шесть лет. Полтора месяца назад его экспериментальный ракетоплан взорвался в космосе. Штурман погиб при катапультировании. А он, продержавшись в открытом космосе почти два часа, одетый во всего лишь противоперегрузочный костюм, умудрился пристыковаться к американской орбитальной станции. Плюс его однофамилец в двадцатом веке тоже, кстати, пилот, чудесным образом спасся, выпрыгнув из горящего самолета и раскрыв парашют у самой земли. Самая большая наша надежда. Вот только по тестированию – предпоследний результат».

– Нормально отказаться, – весело ответил Северский. – Все высказались? – он обвел глазами шеренгу. Все молчали. – Что ж, тогда еще раз я напомним, что вы должны будете сегодня делать. Итак. Испытание на удачливость будет заключаться в том, что каждый из вас сядет в специальное кресло, установленное в основании этой стартовой башни, находящейся позади вас, – Северский показал рукой на ажурное сооружение. – На подлокотниках кресла по одной кнопке. Левая управляет наклоном башни. Чем дольше держишь кнопку, тем сильнее от вертикали она отклоняется. Правая приводит в движение само кресло. Принцип тот же – чем дольше держишь, тем сильнее разгоняешься. Кроме того, как только вы сядете в кресло, башня начнет вращаться вокруг вертикальной оси. Не быстро, но и не медленно. Десять оборотов в минуту. Строго на восток, в лесу, на поляне находится бассейн с водой. Размеры бассейна пять на пять метров. Расстояние от стартовой башни до бассейна триста метров. Ваша задача – катапультируясь, попасть в тот бассейн. Как вы понимаете, чтобы это осуществилось, необходимо правильное сочетание трех параметров – скорости отрыва от кресла, угла наклона башни в момент отрыва и угла направления на цель. Так как в это кресло вы сегодня сядете впервые, каждому разрешается сделать два пробных катапультирования. И делать это вы будете в противоположную от цели сторону. Поэтому башня будет вращаться только в секторе, гарантирующем ваше непопадание в лес. Пробные катапультирования даются для того, чтобы вы почувствовали, как управляются кнопками башня и кресло. Катапультироваться вы будете в противоперегрузочном костюме. В пробном варианте на спине к костюму будет прикреплен стандартный десантно-тактический парашют, сокращенно ДТП. В десяти метрах от земли он раскроется, стабилизирует ваш полет, а в трех метрах сработает его тормозной реактивный двигатель. Словом, земли вы коснетесь со скоростью не более пяти метров в секунду. Так что я думаю, не расшибетесь. А вот при основном катапультировании ДТП уже не будет. Скорость соприкосновения с преградой порядка шестидесяти – семидесяти метров в секунду. Так что вся ваша надежда – это попасть в бассейн с водой. В противном случае, если отделаетесь переломом руки или ноги, то считайте, что вам крупно повезло. Для того мы вас, в принципе и тренировали неделю, чтобы вы умели правильно сгруппироваться и отделаться лишь переломом чего-нибудь. Противоперегрузочный костюм не спасет. Слишком большая скорость. Он поможет вам при старте – нагрузки могут доходить до десяти “же”, и если вы попадете в бассейн. Вопросы есть?

– А на сам бассейн сходить посмотреть можно? – выкрикнул с левого фланга шеренги крепыш Кириленко.

– А что там смотреть? От него до стартовой башни ровно триста метров. Строго на восток.

– А как определить этот самый восток без компаса? – вопрос теперь задал высоченный скрипач Аверьянцев.

– Угадать или по солнцу. Естественно взяв поправку на время и нашу географическую широту.

– А какая она? – спросил вечно улыбающийся Миша Чистяков.

– Честно сказать?

– Конечно!

– Не знаю.

– Всё ясно! – бодро ответил Чистяков и тут же задал следующий вопрос:

– А воду в бассейне хоть подогрели? Осень все же.

– Непременно. Забота о вашем здоровье прежде всего.

Все опять дружно рассмеялись.

– В каком порядке прыгаем? – поинтересовался Ботов.

– Не прыгаем, а катапультируемся. Это во-первых. А во-вторых, пробные катапультирования будете проводить в алфавитном порядке. Основные – по жребью. Кроме того, при основном катапультировании вы не будете видеть и тем более знать, как катапультируются ваши товарищи. Ясно? – Северский обвел глазами сразу посерьезневших людей.

– Ясно, – ответили вразнобой.

– Что ж, если ясно... Господин Аверьянцев, прошу к креслу!

«Все, поехали! Интересно, что со мной сделает Кедрин, если я ему доложу, что покалечились все. Впрочем, на пенсию полковника жить можно», – пока Северский себя успокаивал, Аверьянцев подошел к креслу. Двое прапорщиков споро надели на него противоперегрузочный костюм, шлем и навесили на спину пятнадцатикилограммовый ДТП.

«А всё-таки во фраке и со скрипкой он лучше смотрится», – Северский критически оглядел первого участника испытаний.

Долговязый, худющий скрипач довольно нелепо выглядел в противоперегрузочном костюме с большим ящиком ДТП на спине.

«Пора на КП», – полковник службы безопасности развернулся и быстрым шагом пошел к стоящему неподалеку автобусу – его командному пункту.

Войдя туда, он сразу присел около большого монитора и стал наблюдать за происходящим.

Облачившись в костюм, Аверьянцев без промедления сел в кресло. Руки легли на подлокотники. Прапорщики сделали несколько шагов в сторону – излишняя предосторожность. Принцип действия катапульты был прост и безопасен. Кресло являлось своего рода сердечником огромного соленоида – стартовой башни. При подаче на неё переменного тока, кресло с сидящим в нем человеком в соответствии с законами физики взмывало вверх. Чем дольше человек нажимал правую кнопку, тем дольше разгонялось кресло, и тем больше была скорость отрыва.

– Спасатель, я Центр. Доложить о готовности, – руководитель испытания начал предстартовую подготовку.

– Центр, я Спасатель. Мы готовы, – мгновенно отозвался по рации начальник отряда спасателей, которые равномерно расположились вокруг стартовой вышки в радиусе четырехсот метров.

– Олег Александрович, мы начинаем, – передал Северский по внутренней связи.

– Я готов.

Начальник испытаний со вздохом нажал большую черную кнопку. Коротко взвыла сирена, и через пару секунд раздалось легкое жужжание – автоматика включила вращение

башни. Повернувшись на девяносто градусов, ажурная конструкция чуть вздрогнула и начала вращение в другую сторону. Дойдя до другой крайней точки, башня повернула обратно.

«Так, а теперь он включит наклон башни», – полковник угадал – сидящий в кресле мужчина нажал левую кнопку.

Башня довольно быстро стала отклоняться от вертикали. И, наконец, мужской указательный палец решительно утопил правую кнопку. Кресло бесшумно взмыло вверх. На самой вершине башни кресло сходу ударилось об отбойник и медленно стало сползать вниз. Могучая сила инерции, мгновение назад вжимавшая человека в кресло, теперь сдернула его, и он по крутой параболе полетел над землей. В двухстах метрах от башни хлопнул, раскрываясь десантно-тактический парашют, секундой позже бухнул тормозной движок и вот уже Аверьянцев, как учили, в глубоком приседе с дальнейшим кувырком вбок приземлился.

«Ну, слава Богу. Первый блин не комом, – полковник устало откинулся на спинку кресла. На лбу выступила легкая испарина. Сердце возмущенно-громко бухало в груди. – А ты, Северский, даешь. Так разволновался. А что с тобой будет, когда они начнут катапультироваться без всякой страховки? Так и до инфаркта недалеко. А вторая жизнь мне, очевидно, не светит», – Игорь Николаевич вздохнул, подавляя невольное раздражение на счастливых, которым судьба преподносит абонемент в театр, называемый жизнью. У него за душой был лишь разовый билет.

– Господин Ботков, теперь прошу вас, – полковник службы безопасности быстро взял себя в руки.

До двенадцати часов вся шестерка успела дважды побывать в катапультирующем кресле, а надпочечники полковника Северского – вбросить в его кровь годовую порцию адреналина.

«Что ж, теперь по расписанию обед, час отдыха и...вычисление любимца Бога, – Игорь Николаевич вышел из автобуса.

С утра безоблачное, прозрачно-голубое небо начало стучаться, быстро перекрашивая голубой цвет в серый.

«Если он, конечно, тут есть», – додумал полковник свою мысль, всматриваясь в первые тучи, неторопливо полезшие по небу.

После обеда Аркадий Исаев, стоя перед Северским, краснея и потея, отказался дальше проходить испытания:

– Игорь Николаевич, я не могу, – бородач потупил глаза. – Не могу и всё.

– Я понимаю, Аркадий Иванович. Не корите себя. На вашем месте отказались бы девять человек из десяти. Если чувствуете, что не сможете, лучше отказаться. Вы правильно поступили, – Северский ободряюще хлопнул мужчину по плечу. – И спасибо вам.

Тот вскинул удивленные глаза:

– За что?

– Одним грехом у меня будет меньше.

Испытуемые встретили известие об уходе одного из них молчанием. Лишь неугомонный Миша Чистяков со вздохом произнес:

– У него точно не будет грудь в крестах.

«Если каждый из них про себя не добавил: «Но и головы в кустах тоже», то я ничего не понимаю в человеческой психологии», – Северский еще раз обвел взглядом сидящих в крошечной комнате отдыха командного пункта и вслух сказал:

– Повторяю, еще не поздно отказаться. Кстати, на это тоже требуется мужество.

Пятерка, как-то разом сгрудившись на полукруглом диване, молчала.

– Тогда не будем терять времени. Приступим к жеребьевке, – с этими словами полковник службы безопасности положил на стол карманный компьютер. Жеребьевка будет производиться следующим образом. Каждый из вас нажмет кнопку «Enter» на этом компьютере. Спе-

циальная программа на это нажатие сгенерирует случайным образом целое число, лежащее в диапазоне от единицы до шести. Это и будет ваш порядковый номер. Всё ясно?

– В каком порядке будем нажимать кнопку? – Аверьянцев вопросительно посмотрел на Северцева. – Опять в алфавитном порядке?

– В принципе, всё равно. Давайте теперь для разнообразия потянем жребий в обратном порядке.

– О, вот это я люблю! – Миша Чистяков встал с дивана. – Как катапультироваться – так последним. А как жребий тянуть – так первым. – Большой палец смачно вжал кнопку «Enter» до упора вниз. И тут же на экране вспыхнуло: «1».

– О, и это я люблю, – воскликнул неунывающий Миша, – первым отстреляться и «Оболонь» пить!

Борис Ковзан молча подошел к столу и так же молча надавил на кнопку. Зеленым светом вспыхнуло «б».

Не успевший сесть Чистяков, скользнул по экрану глазами и мгновенно прокомментировал:

– Боря, обещаю, пока я тебя буду ждать, больше двух бокалов не выпью!

Следующим к столу подошел Саша Кириленко.

– Четыре, – громко сказал он, взглянув на экран.

Аристократичный Ботков, получив от компьютера двойку, только пожал плечами.

– Что ж остается либо тройка, либо пятерка, – высоченный Аверьянцев, чуть сутулясь, подошел к столу. – Вообще-то пятерки меня больше любили. И в школе, и в консерватории получал одни пятерки, – с этими словами он нажал «Enter».

Компьютер с ним спорить не стал – «5».

– О! Я же говорил.

– Что ж, господа. Жеребьевку мы провели. Тогда начинаем. Михаил Олегович, прошу к катапульти. Остальных попрошу оставаться в комнате отдыха, – пропустив перед собой Чистякова, Северцев вышел из комнаты отдыха, заперев дверь снаружи.

На мониторе невозможно было рассмотреть выражение лица человека, сидящего в катапультируемом кресле – мешал непрозрачный снаружи шлем. Но его поза была спокойна. Руки уверенно лежали на подлокотниках.

– Спасатель, я Центр. Доложить о готовности, – и вновь привычно закрутилась карусель предстартовой подготовки.

– Центр, я Спасатель. Мы готовы, – мгновенно отозвался начальник отряда спасателей.

– Через минуту встречайте первого.

– Понял. Ждем.

– Михаил Олегович, приготовьтесь.

– Я всегда готов, – донесшийся из динамика голос Миши Чистякова был, как всегда, бодр и весел.

Северский нажал большую черную кнопку. Ажурное, тридцатиметровое сооружение стартовой башни чуть вздрогнуло и начало плавное вращение по часовой стрелке. Прошла минута – башня по-прежнему вращалась, исправно делая десять оборотов в минуту. Чистяков молчал. Лишь на правом боковом мониторе исправно рисовалась кривая пульса его сердца, – закрепленный на груди человека датчик невозмутимо выполнял свою работу. В правом верхнем углу экрана бегущие секунды перевалили за девяносто – прошло уже полторы минуты.

– Центр, я Спасатель. Что там у вас?

– Ждите, – рявкнули в ответ с КП.

На числе сто гребни на кривой пульса резко участились. Бесстрастная электроника тут же зафиксировала – 180 ударов в минуту.

«Сейчас прыгнет», – Северский прикусил губу.

Чистяков одновременно нажал две кнопки – наклона башни и пуска. Кресло резко взмыло вверх и уже через мгновение, отброшенное отбойником, начало медленно опускаться вниз. За летящим человеком тут же потянулся ярко-оранжевый шлейф дыма – автоматически сработала специальная шапка, закрепленная на поясе противоперегрузочного костюма. Одновременно мигнул экран монитора – благодостный пейзаж березок сменился белой сеткой на зеленом фоне. В центре экрана был нарисован красный кружок с надписью: «Стартовая башня». Над ним вверху светился четкий синий квадрат с надписью «Цель». От красного кружочка вверх рванулась желтая точка – летящий человек.

«По-моему направление угадал правильно, – Северский весь подался к экрану монитора, – теперь бы со скоростью и углом наклона...»

Желтая точка остановилась, и одновременно резкий вскрик ударил из динамика связи.

– Спасатель, что там у вас? – глаза лихорадочно метнулись к боковому монитору – кривая пульса буйствовала на экране.

– Не долетел, господин полковник. Метров восемьдесят не долетел и ударился в дерево.

– Что с ним?

– Еще не знаю. Он застрял на дереве. Через несколько минут доберемся до него.

– Быстрее! – Северский не сводил глаз с кривой пульса.

После буйной секундной пляски она стала значительно спокойней. Из динамика донесся стон.

– Спасатель, что там у вас?

– Добрались, Центр. Сейчас сканирую «Диагностом»

– Хорошо. Жду.

«Это минуты через три они выйдут на связь, – Северский неотрывно следил за показаниями пульса Чистякова. Пульс замедлился еще больше. – Черт!»

– Центр. Я Спасатель. У него открытая рана на животе и... – тяжелая пауза, – ...и похоже сломан позвоночник.

– Черт! Что рекомендует «Диагност»?

– Вколоть тройную дозу общего стимулятора, немедленно доставить в реанимационный центр и попробовать запустить сердце.

– Что вы мелете! У него сердце бьется! – гневно-раздраженный окрик Северского прервал тревожный зуммер. Взгляд на боковой монитор – бесстрастная горизонтальная линия посередине экрана. – Быстро выполняйте рекомендации «Диагноста»!

– Уже выполняем, Центр.

«Господи, за что мне это? Ну, почему мне Кедрин поручил это задание? А то не знаешь, – тут же начал он отвечать себе. – Ты же лез во все дыры, чтобы выбиться, чтобы стать заметным. Не ты ли сколько ночей мечтал стать незаменимым порученцем Кедрина? Вот и стал. Теперь хлебай это полной ложкой, – зло бичевал себя полковник. – А всё для чего, а? Смелей, смелей. Правильно. Чтобы заработать побольше баллов и добиться, зубами вырвать себе право на вторую жизнь. Вот ради своей призрачной второй жизни, ты сейчас кладешь чужие», – подвел он беспощадный итог.

– Спасатель, что там у вас?

Спасатель на этот раз откликнулся не сразу.

– Спасатель?

– Спасатель слушает, – наконец раздалось в эфире.

– Что слушает! Я же спросил, что там у вас?

– Доставили в мобильный реанимационный центр. – Пауза. – Сердце пока стоит.

– Сколько времени прошло после остановки?

– Семь минут. Мы его поместили в криокамеру и подключили к аппарату «Искусственное сердце». Так что имеем хороший запас времени для реанимации.

– Понял. О любых изменениях докладывать немедленно.

– Слушаюсь, Центр.

«А может прервать испытания? Тогда точно не угроблю, не покалечу четыре человеческие жизни, – быстрый взгляд на левый боковой монитор, показывающий комнату отдыха. Четверо мужчин молча сидели на диване, листая журналы. – И черт с теми погонами. Да и что это даст? – тут же сам он и вмешался. Разве у Кедрина полковников мало? Зато моя совесть будет спокойна, – возразил он сам себе. – А потом всю жизнь будешь каяться, что добровольно отвалил от великого дела. Одно тебя будет утешать, что каяться ты будешь только одну жизнь – другую тебе никто не даст», – он зло нажал кнопку включения связи с комнатой отдыха.

– Владимир Николаевич, прошу к стартовой башне, – видеочамера показала, как Ботков спокойно положил журнал на стол и встал с дивана.

– До встречи на ужине, ребята, – прощальный жест рукой и вот уже второй номер в списке садится в кресло.

– Владимир Николаевич, как вы себя чувствуете?

– Нормально, – и через мгновенную паузу, – к испытанию готов, – динамик донес легкую иронию последней фразы.

«Ты смотри, как быстро портится погода, – экран показывал, что горизонт почернел. А над стартовой башней уже плыли предвестники бури – темные тучи. Как бы не пришлось отменить испытания, – Северский поймал себя на мысли, что такая перспектива ему пришлась по душе. – «Ожидается легкая облачность» – синоптики хреновы», – беззлобно, даже с радостью, ругнул их про себя.

– Спасатель, я Центр. Приготовьтесь.

– Вас понял, Центр. Ждем второго.

– Владимир Николаевич, начинаем.

– Я готов.

И вновь рука Северского утопила большую черную кнопку. И вновь стартовая башня не спеша, закружилась на месте.

Ботков выжидал один оборот. На втором обороте он отклонил башню градусов на двадцать от вертикали. Девятнадцать с половиной градусов – высветилось внизу экрана.

«Правильно. Чем круче траектория, тем меньше шансов врезаться в дерево», – Северский, закусив нижнюю губу, смотрел на центральный монитор.

На третьем круге Ботков катапультировался. И вновь полковнику показалось, что испытуемый правильно угадал направление...

Резкий вскрик не оставлял никаких сомнений – второй кандидат в мессию испытание не прошел.

– Спасатель, что там у вас? – Северский буквально заставил себя отвернуться от экрана с застывшей желтой точкой и взглянуть на правый боковой монитор, боясь увидеть самое страшное.

На экране невозмутимо бежали частые всплески жизни.

– Спасатель, почему молчите? – несколько успокоенный рявкнул руководитель испытаний.

– Только что добрались до него, – из динамика слышалось частое дыхание командира отряда спасателей. – Метров пятьдесят не долетел. И чуть в сторону.

– Это я вижу. Как он?

– Без сознания. Сейчас сканирую «Диагностом».

«О, Господи. Ну, за что мне такое?»

– Центр, я Спасатель, – услышав Спасателя, у Северского немного отлегло от сердца. Таким тоном не сообщают плохие вести. – У него открытый перелом правой ноги и еще ушибы, ссадины. Сейчас накладываем шину и эвакуируем в центр.

«Этот легко отделался. Через месяц уже прыгать будет на этой ноге».

– Александр Александрович, прошу к стартовой башне, – вызвал он очередного испытуемого.

Видеокамера показала, как Кириленко встал с дивана, махнул на прощанье оставшимся рукой и вышел из комнаты отдыха. Вот он подошел к двум прапорщикам, и те стали натягивать на него противоперегрузочный костюм. Вот уже надет шлем – динамик донес частое дыхание.

«Как волнуется, – начальник испытаний взглянул на монитор. – Сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Сто семьдесят ударов в минуту».

Кириленко сел в кресло.

– Александр Александрович, вы готовы?

Пауза.

– Александр Александрович, всё в порядке?

– Я готов, – глухо донеслось из динамика.

– Спасатель. Я Центр. Мы начинаем.

– Центр, понял. Ждем.

– Александр Александрович, приготовьтесь. Я включаю вращение башни, – и в третий раз Северский нажал большую черную кнопку.

Башня неторопливо начала вращение. Один оборот, второй, третий. Полковник скосил глаза на правый монитор – пульс у Кириленко перевалил за двести ударов в минуту. Пятый, шестой оборот. Двести пять, двести десять ударов в минуту. Седьмой, восьмой оборот. Двести пятнадцать, двести двадцать ударов в минуту. Девятый оборот, десятый...

– Нет! – человек в противоперегрузочном костюме вскочил с кресла и, едва не упав, спрыгнул с вращающейся башни. – Не могу, Игорь Николаевич, не могу.

– Успокойтесь, Саша. Всё нормально, – и, переключив диапазоны на рации, отдал команду группе подготовки, – снимите с него костюм и отведите его к медикам.

«Эх, если б еще двое отказались, – руководитель испытаний смотрел, как двое прапорщиков снимают с Кириленко костюм и ведут его в лес, где метрах в трехстах от башни стоял вездеход мобильного реанимационного центра. – А погода всё портится и портится, – на мониторе было видно, как черная полоса, полчаса назад притаившаяся на горизонте, заняла уже треть неба. В ее теле, еще далеко отсюда проскакивали искорки молний. Первые порывы ветра качнули березы.

– Олег Александрович, ваша очередь.

Аверьянцев встал. Молча пожал руку оставшемуся Борису Ковзану и вышел из комнаты отдыха.

– Олег Александрович, вы готовы? – спросил руководитель испытаний, как только облаченный в противоперегрузочный костюм четвертый испытуемый сел в кресло катапульты.

– Да, – последовал короткий ответ.

Боковой монитор показывал сто двадцать ударов в минуту.

«Этот будет прыгать», – с какой-то тоской подумал Северский.

– Спасатель, я Центр. Приготовьтесь.

– Центр, я Спасатель. Мы готовы.

– Олег Александрович, мы начинаем.

Аверьянцев согласно кивнул головой.

Послушная воле большой кнопки, стартовая башня начала свое вращение. Кандидат номер четыре сразу начал подготовку к пуску. Башня тут же стала отклоняться от вертикали.

Десять, пятнадцать, двадцать градусов.

«Стоп, хватит», – полковник, сжав кулаки, наблюдал за происходящим.

Аверьянцев, словно услышав мольбу руководителя испытаний, остановил наклон. Нет, не услышал. Башня вновь стала опускаться. Двадцать пять, тридцать, сорок.

«Да куда же ты?».

Сорок три градуса – высветился на экране окончательный наклон башни.

На десятом обороте Аверьянцев нажал правую кнопку и унесся вверх.

Наклон – $43^{\circ} 15' 32''$. Скорость отрыва – 83, 4 м/с – высветились на экране стартовые параметры катапультирования.

... Он не долетел до края бассейна двадцать шесть метров и сорок три сантиметра.

– Центр, он сломал две руки, пять ребер и два спинных позвонка. Сильный ушиб грудной клетки.

– Он же перелетел деревья и упал на поляне.

– Он пытался долететь, и весь вытянулся в полете, как стрела. И времени на то, чтобы перегруппироваться, уже не было. Он упал на руки.

– Он до сих пор без сознания?

– Да.

«Остался один. Господи, ни за что угробили ребят. Может прервать испытание?» – Северский с надеждой взглянул на монитор. Чернота уже заняла две трети неба. Искры молний превратились в слепящие зигзаги, оставляющие после себя гулкие раскаты грома. Застывшие в оцепенении деревья, казалось, ждали грозного повелителя стихии, чтобы склонить перед ним свои кроны.

– Борис Иванович, скоро разыграется буря. Может, отложим испытание?

– Еще не разыгралась?

– Нет.

– Тогда начнем. Чего тянуть резину? За ночь так измучаюсь, что к завтрашнему утру буду никакой.

Северский еще раз взглянул на экран монитора. Деревья, словно нарисованные, застыли под устрашающе черным небом.

– Борис Иванович, пройдите к башне, – через силу скомандовал он.

... Башня уже минуту кружила кресло с Борисом.

«Может откажется? – полковник с надеждой смотрел то на центральный монитор, то на боковой. Там, казалось, непоколебимо застыла цифра восемьдесят. Восемьдесят ударов в минуту.

Только на третьей минуте башня стала наклоняться. По экрану монитора поползли цифры: десять градусов, двадцать, тридцать, сорок.

– Центр, я Спасатель, – тревожным голосом ожил динамик.

– Что, Спасатель?

– Тут третий пришел в себя. Срочно просит вам передать сообщение.

– Как третий?

«Ах, ну да. Для Спасателя Аверьянцев третий. Кириленко же отказался».

– Так, третий, последний, – уточнил Спасатель.

– Что за сообщение?

– Передаю дословно: «Отмените испытания. Что-то случилось с башней. Я держал кнопку до конца, а всё равно не долетел. И угол у меня был оптимальный».

– Черт! – рука Северского метнулась к красной кнопке обесточивания стартовой башни.

«А сейчас погода как при казни Христа, – неожиданная, почти нереальная в данный момент мысль, оглушила полковника. – И тогда так было нужно», – на мгновение рука застыла. Яркий зигзаг молнии ослепил экран монитора, оставив после себя тяжкий удар грома. Деревья, дождавшись, наконец, властелина стихии, покорно резко и глубоко качнули свои кроны.

Борис Ковзан и Игорь Северский нажали свои кнопки одновременно. Но электромагнитному импульсу команды отмены испытания понадобилось еще какое-то мгновение, что бы пронестись от КП к стартовой башне. Еще мгновение компьютер искал нужный файл для при-

нения решения и загружал в оперативную память. В том файле, если бы перевести компьютерный язык на человеческий, было написано примерно следующее: «Если команда отмены испытания пришла после команды пуска, то она выполняется только после завершения пуска». Поэтому компьютер терпеливо подождал, пока к нему не пришел сигнал от концевого датчика, установленного вверху башни – кресло ударило об отбойник, затем отдал команду на размыкание контактов электроразъема силового кабеля. И удовлетворенно высветил на мониторе: «Башня обесточена».

Северский безнадежно смотрел на светящиеся цифры на мониторе: Угол наклона – $42^{\circ} 10'$. Скорость отрыва – 82, 9 м/с.

«Не долетит, – устало мелькнуло в голове полковника, – у него и угол еще дальше от оптимального, чем у Аверьянцева, и скорость поменьше. Не долетит».

– Попал! Точно в центр бассейна попал! – заорал динамик, до этого приносивший только плохие вести.

Еще не веря в происходящее, Северский вглядывался в экран – желтая точка победно пульсировала в центре синего квадрата.

«Если бы не порыв ветра в последний момент, он бы не долетел. Если бы не буря... Да, всё правильно, так и должно было случиться. Именно так. Буря, двое при смерти и новоявленный Мессия... и тогда тоже была пятница. Да, всё почти так, как это было две тысячи лет назад», – Северский встал.

На душе было пусто.

«Как же дерьмово себя чувствовать лишь крохотным винтиком, малюсенькой шестеренкой, послушно вертящейся силой чужой воли, – полковник зашел в комнату отдыха. – И чего собаки радостно вертят хвостом при виде своего хозяина? Не понимаю! – Звякнули открывающиеся дверцы бара. – Всё, на сегодня с тебя хватит...»

Утром, морщась от головной боли, Северский рассеяно выслушал отчет испуганных подчиненных: «...в восьмом ускорительном кольце отпаялся контакт подвода электроэнергии. Господин полковник, всё проверялось десятикратно. Мы не представляем, как такое могло случиться...».

К их удивлению и облегчению, требовательный начальник лишь с досадою махнул рукой. В восемь утра полковник службы безопасности Игорь Николаевич Северский вылетел в Москву.

А через час, выбритый до синевы, абсолютно трезвый, благоухающий дорогим одеколоном, с черными кругами под глазами он хмуро, холодным, как выстуженный металл, голосом отчеканил:

– Господин Директор, любимчик Бога установлен. Ручаюсь.

Объединенная Русь. Россия. Москва. Кремль. Большой зал совещаний Президента Объединенной Руси. За два с лишним года до описываемых событий. 6 ноября 2188 года. Четверг. 12.10 по местному времени.

Большое помещение было практически пустым. Лишь за длинным, богато украшенным резьбой, массивным столом сидели четыре человека. Светились экраны стоящих перед ними ноутбуков – они читали документ. Президент Объединенной Руси Владимир Сергеевич Орлов, подождав пока последний из читавших, Президент Казахстана Рашид Молдыгазыевич Нургалиев перевел на него взгляд, тут же быстро, уверенно заговорил:

– Итак, господа, теперь вы понимаете, почему я настоял на закрытом характере нашего Совета, а также был вынужден обмануть, вернее ввести вас в заблуждение, сообщив, что Совет будет посвящен китайскому вопросу. Хотя, впрочем, решение сегодняшнего вопроса поможет нам, в том числе, решить и китайский вопрос. Информация, с которой вы только что ознако-

мились, как вы, надеюсь, заметили, имеет гриф: «Особо важная государственная тайна», со всеми вытекающими из этого последствиями. Истинная повестка сегодняшнего Президентского Совета одна – разрешить или нет реализацию проекта «Пора».

– Всё это выглядит фантастично, – первым заговорил Президент Беларуси Анатолий Владимирович Питенько, – а деньги на это требуются реальные и очень большие. Да к тому же они не предусмотрены бюджетом, ни общим, ни отдельными бюджетами наших государств.

– То есть, насколько я понял, вы, Анатолий Владимирович, против?

– Ну, не совсем против. Зачем же, Владимир Сергеевич, так сразу рубить с плеча. Давайте проведем более детальные теоретические разработки. Подключим наши институты. Я согласен, академик Сергей Павлович Хохлов признанный во всем мире авторитет. Но ведь и он может ошибаться.

– Хорошо, ваша позиция ясна. Кто еще желает высказаться? – Орлов обвел глазами присутствующих.

«Ну, нет. Я пробую этот проект, чего бы мне это ни стоило. Я верю Хохлову и я добьюсь, чтобы русич был первым у Бога»

– Я думаю, Анатолий Владимирович прав. Деньги под этот проект, как видно из этого документа, – Президент Казахстана кивнул на свой ноутбук, – требуются огромные. И так, с бухты-барухты вкладывать их в этот проект не стоит. К чему такая спешка?

– К чему? – Президент Орлов посмотрел на казахского Президента. – По-моему, это ясно написано в документе, который вы только что прочли, Рашид Молдыгазыевич.

– Что-то я этого не помню. Может быть, вы укажите это место, Владимир Сергеевич?

– Пожалуйста. Цитирую: «Таким образом, успешная реализация проекта «Пора» позволит сделать существенный рывок практически во всех областях экономики и науки». И еще одна цитата из документа: «В случае успешной реализации проекта «Пора» можно будет говорить о мировом лидерстве нашей страны».

– Нет, важность проекта в случае его успешной реализации я понял. Я только не пойму к чему такая спешка? Ведь реализация проекта может быть и не успешной.

– Уважаемый Рашид Молдыгазыевич, вы понимаете, что сейчас захватить монополию в какой-либо области практически невозможно. Если что-то открывается, изобретается или разрабатывается в какой-либо стране, то это практически сразу происходит и в другой стране, потом еще в одной и так далее. По стратегическим разработкам все ведущие страны вообще идут ноздря в ноздю. Кстати, по тому же гиперпространству Китай уже вышел на автономные испытания гиперпространственного двигателя.

В зале заседаний возник легкий шум.

«Нет, я вырву из вас согласие на «Прорыв». Даже если для этого мне понадобится держать вас тут под арестом, пока не поставите подписи».

– Но ведь, насколько я помню, еще полгода назад, на таком же Совете, вами же, Владимир Сергеевич было сказано, что Китай в этом вопросе отстает минимум на два года, – первый на столь ошеломляющее сообщение отреагировал Президент Казахстана.

– Всё верно. Говорил, – легко согласился Орлов. – Но дело в том, что отставание китайцев нашими экспертами рассчитывалось, исходя из наших сроков разработки такого двигателя.

– Получается, что китайские ученые умнее наших? – ровным спокойным голосом спросил Питенько.

– Получается, – всё также легко согласился Президент Объединенной Руси. И тут же, с легкой усмешкой добавил:

– Но не всех. Китайцы пошли по пути, предложенному еще семь лет назад академиком Хохловым. Тогда, как вы помните, мы ему не поверили.

В зале повисла тишина. Ее прервал Орлов:

– И всё же продолжим, господа. Вернемся к гиперпространству. Теперь вы, надеюсь, понимаете, что если мы в этом вопросе промедлим, то нас тут же обойдут или американцы, или те же китайцы, или еще кто-нибудь. Тут как в футболе: не забиваешь ты – забивают тебе.

– А я всё-таки немного не понял, почему обязательно быть первым в этом гиперпространстве, – в разговор вновь вступил Президент Беларуси. – Если Хохлов утверждает, что гиперпространство это и есть Бог, то почему он должен отдавать преимущество первому, кто к Нему приблизится? Вон апостол Павел отнюдь не первый человек, поверивший в Христа, но после Христа – это самая значительная фигура в христианстве. Для Господа все люди равны.

Все внимательно посмотрели на Президента Объединенной Руси, ожидая, что он ответит. «Нет, ребята. Я из вас вырву согласие!»

– Скажите, Анатолий Владимирович, вы в Бога верите? – вопрос Орлова был столь неожиданен, что Президент Беларуси на секунду смешался.

– Конечно, – наконец осторожно проговорил он.

– Следовательно, вы верите, что Землю и людей сотворил Господь?

– К чему вы клоните, Владимир Сергеевич? – не понимая хода мысли Орлова, его собеседник занервничал.

– Нет, вы, пожалуйста, ответьте, – почти веселым голосом воскликнул Президент Объединенной Руси. – В этом же не стыдно сознаваться, – закончил он и уже открыто улыбнулся.

В зале раздался смех:

– Умеете вы, Владимир Сергеевич, хитроумные комбинации плести. Сразу видна футбольная закалка, – Президент Украины Владимир Владимирович Грушенко вновь рассмеялся. – Да признавайся ты, Толя. Всем и так уже всё известно, – неожиданно закончил он.

Теперь смеялись уже все, включая Президента Беларуси:

– Хорошо, верю.

– Значит вся история человечества, в принципе, если и не была полностью Им спроектирована, то уж под Его контролем точно была. Так?

По напрягшемуся виду Анатолия Владимировича Питенько было видно, что он лихорадочно соображает, куда клонит Орлов.

И вновь разрядил обстановку Президент Украины:

– Да забивайте гол, Владимир Сергеевич. Хватит человека мучить.

В зале вновь вспыхнул смех и тут же погас – все ждали, чем закончит Орлов. И Президент Объединенной Руси неторопливо, словно действительно разбежался перед мячом, заговорил:

– Если история человечества находилась и находится под контролем Бога, то как Он допустил, например, колонизацию англичанами практически половины Земного шара в семнадцатом-девятнадцатом веках? Как он допустил, что на них горбатились сотни и сотни миллионов людей? Или как он допустил, что те же англичане в погоне за новыми землями практически полностью истребили их исконных хозяев – индейцев. И после этого, как показала история, те же англичане, превратившись в американцев, зажили припеваючи, построив грандиозное государство. А, заметьте, испанцы поступили с теми же индейцами совершенно не так. Они ассимилировались с ними, превратившись в латиноамериканцев. Согласитесь – это намного гуманней. И что? По-моему, даже не стоит сравнивать латиноамериканские страны, да и ту же Испанию с Соединенными Штатами.

– Что вы хотите этим сказать, Владимир Сергеевич? – Президент Казахстана, по сути, задал вопрос от имени всех присутствующих.

– Этим я хочу сказать, Рашид Молдыгазыевич, что Господь создавал человека для вполне определенной цели. И ради этой цели Он, в какой-то степени, может быть, обделил человека милосердием и состраданием к ближнему.

– Цель оправдывает средства? – Президент Украины чуть иронично усмехнулся.

– Если хотите – да, Владимир Владимирович. Цель оправдывает средства. Всё зависит от цели. Не вам, господа, приводить примеры, когда ради, например, спасения тысяч и миллионов человек оправдана необходимость уничтожения десятка негодяев.

– И что же это за цель у Господа?

– Ну, господа, вы от меня много хотите, – Орлов шутливо развел руками. – Даже если бы я мог ответить, то тут же получил бы ехидный вопрос: тебе это сам Господь сказал? Нет, господа, цели я не знаю. Но если вспомнить историю, то направление развития прослеживается четко. А именно – человечество развивается всё стремительней, я имею в виду технический прогресс. Зачем это необходимо Вселенной – другой вопрос. Но генеральный вектор развития виден отчётливо, можно сказать, что развитие человечества – это развитие энергетики. Но мы в целом не стали ни милосердней, ни духовно богаче. А для технического прогресса, как показывает всё та же история, необходима нация – лидер, нация – локомотив. Освоение гиперпространства – это новый виток развития человечества. И вполне возможно, что он потребует смены нации – лидера. Вот поэтому, на мой взгляд, небезразлично, кто в гипере окажется первым. Если хотите, это как тест, на который кто первым правильно ответит, тот и станет лидером. Но вот, пожалуй, и всё, что я вам хотел сказать, господа. Ах да, еще ... – Орлов не спеша обвел всех взглядом, затем, усмехнувшись, закончил:

– Так вы верите в Бога, господа?

«Не понадобилось и руки выкручивать, как предлагал Кедрин. Всем же хочется содрать с американцев желтую майку лидера», – Президент Объединенной Руси, устало откинувшись на спинку кресла, смотрел на своих коллег по нелегкому президентскому ремеслу, которые негромко обменивались мнениями после единодушного одобрения проекта «Пора».

Глава 5. Отцы и дети.

Слишком послушные сыновья никогда не достигают многого.

Абрахам Билл.

Луна. Море Дождей. База «Восток» Объединенной Руси. 2 мая 2190 года. Воскресенье. 9.15 по СЕВ.

Лунный пейзаж был, как всегда, уныл и безжизнен. Взгляд, скользнув по серой поверхности, изъеденной маленькими и большими кратерами, тут же втыкался в совсем близкий горизонт, за которым открывался провал угольно-черного неба с яркими вкраплениями звезд и двумя светилами – небольшой желтой тарелкой Солнца и большим сине-белым шаром Земли. Ни ветерка, ни звука.

«Это поначалу им восторгаешься. Всё необычно, контрастно, без полутонов – нет сглаживающего эффекта атмосферы. Но потом быстро приедается и даже начинает раздражать. Как с нелюбимой женщиной – сначала тебя прельщает новизна, но затем ты к ней привыкаешь и начинаешь понимать, что это не твое. И Луна тоже не для человека. Человек создан для голубого неба, прозрачного воздуха и ярких земных красок. Только какого-то черта он всё дальше и дальше лезет от Земли. Даже живя с любимой женщиной, всё равно тянет на новые ощущения. И ничего тут не поделаешь...».

– «Гнездо», я «Ласточка один». Прошу разрешения на выход, – голос старшего группы выхода главного инженера Григорчука прервал размышления Богомазова.

– “Ласточки”, выход разрешаю, – Семен Петрович, и не глядя на монитор, отлично представлял, что сейчас происходит в главной шлюзовой камере базы.

Восемь человек, одетые в ослепительно-белые скафандры, выстроились перед внешними дверями шлюза. Получив разрешение на выход, Николай Григорчук нажмет кнопку. Зазвучит

сирена, слышимая во всех уголках базы и предупреждающая – сейчас будут открыты внешние двери. Ровно через тридцать секунд многотонная махина начнет медленно ползти вверх. Мгновенное легкое белесое завихрение – остатки воздуха, сжижаясь, вылетают из шлюзовой камеры, и вот уже люди оказываются в суровом негостеприимном мире космоса.

Зазвучала сирена. Богомазов на мониторе увидел, как фигурка в скафандре подняла руку и нажала на большую красную кнопку на стене шлюзовой камеры.

– Что ж, Семен Петрович, пора и нам начинать, – стоявший рядом майор Службы безопасности Титров нажал несколько кнопок на клавиатуре компьютера, который его люди ночью установили в кабинете начальника базы. Внешне ничего не изменилось – экран монитора этого компьютера продолжал светиться нежно-голубым светом.

Богомазов вопросительно глянул на майора. Тот успокаивающе улыбнулся:

– Всё в порядке. Так и должно быть.

Чуть заметно мигнул свет.

«Начали открываться входные двери, – автоматически отметил Богомазов. – Всё же это не шутка поднять двухсоттонную махину. Даже в условиях пониженного притяжения Луны».

Он знал, что сейчас центральный компьютер базы анализирует десятки различных параметров – давление, температуру внутри базы, радиационный фон и многое, многое другое. Всё же опасное это занятие – распахивать перед безжалостным Космосом проем в несколько сот квадратных метров. И если компьютер посчитает, что базе угрожает какая-то опасность... Предупреждающе, коротко взвояет сирена и мощные электромагниты мгновенно отпустят свою привычную добычу – двухсоттонный металл ворот. И если случайно какое-либо препятствие окажется между дверями и полом и не позволит полностью закрыть проем, то для такого случая был предусмотрен трехметровой глубины ров, закрытый специальными шторками, в пять метров шириной. В случае тревоги шторки расхлестались и всё, что находилось на них, проваливалось в этот ров. А мгновение спустя сверху обрушивалась сталь дверей, надежно изолируя базу от внешнего мира. Такие же, только поменьше двери были установлены между всеми отсеками базы. В случае общей разгерметизации они практически мгновенно изолировали отсеки друг от друга. И если ты оказался в таком отсеке, то у тебя оставался только один шанс – добежать до специального шкафа, открыть его и успеть натянуть спасательный скафандр. Как в живой природе – лучше пожертвовать частью, чем погибнуть всё.

– «Гнездо», я «Ласточка один». С базы вышли. Всё в порядке. Приступаем к работам, согласно плану.

– Удачи, «Ласточки».

Картинка на мониторе Службы безопасности резко изменилась. Нежно-голубой фон экрана прочертили извилистые линии.

– Это анализ сигналов, которыми ваши люди связываются с базой и переговариваются между собой, – в ответ на вопросительный взгляд Богомазова пояснил Титров.

– И что это вам дает?

– Семен Петрович, предположим вы – «крот». Как вам незаметно связываться с американцами?

– Ну, не знаю... Основная и аварийная радиостанции под строгим контролем. Передавать через какую-то неучтенную рацию не получится – всё экранировано. Не на Земле живем.

– Вот мы тоже так подумали и пришли к выводу, что единственная возможность передавать сведения – это выйти из базы на поверхность.

– Но весь радиообмен фиксируется. И мы сразу бы засекли подозрительную передачу.

– А если передавать через узконаправленную антенну прямо на американский спутник? – Титров чуть усмехнулся. И, сделав паузу, продолжил, – Но, очевидно, всё же узконаправленная антенна не использовалась. Во-первых, трудно сделать ее незаметной, а во-вторых, очень большой риск быть случайно обнаруженным.

– Так как же?

– Передача велась через обычную стандартную рацию, встроенную в скафандр.

– Но...

– Вот именно «но», – перебил майор начальника базы, – но передача велась кодированным сжатым сигналом. Человеческое ухо воспринимает это как помеху, а спутник в состоянии его уловить и перенаправить, куда надо. Достаточно в рацию встроить небольшой чип, размером со спичечную головку.

– А если «крота» среди этой восьмерки нет?

– Пятеро из них выходили на поверхность сразу после доставки сюда гиперпространственного двигателя. Это раз. А во-вторых, мы на девяносто девять процентов уверены, что знаем фамилию этого «крота». Этот человек здесь, среди них.

– Даже так?

– Семен Петрович, мы всё же ловим мышей, – Титров улыбнулся.

«А улыбка такая, что мороз по коже дерет», – Богомазов перевел взгляд на монитор.

– «Ласточки» три и четыре, приступайте к демонтажу сумматора первой секции солнечных батарей, – голос главного инженера на экране монитора отобразился затейливой вязью. – «Ласточка три» – главный.

– Поняли, «Ласточка один». Приступаем к демонтажу сумматора первой секции солнечных батарей, – вновь причудливые линии зазмеились по экрану.

– Ну, если вы так уверены, что вычислили «крота», зачем вся эта аппаратура?

– Девяносто девять процентов это всё же не сто. А во-вторых, просто хотим его поймать на горячем. Так сказать, классика контрразведки, – и вновь хищная улыбка мелькнула на лице Титрова.

– «Ласточки» два и семь, приступайте к демонтажу сумматора второй секции солнечных батарей. «Ласточка два» – главный, – вновь в кабинете начальника базы раздался голос главного инженера.

– Поняли, «Ласточка один». Приступаем к демонтажу сумматора второй секции солнечных батарей, – голос к концу фразы утонул в треске помех.

Лицо Титрова напряглось, и он буквально впился глазами в экран. Монитор продолжал рисовать замысловатые кривые.

– Нет, это просто помеха, – майор чуть вздохнул.

– А если передача будет вестись на частоте, которую не воспринимает антенна нашей базы?

– А при чем тут ваша антенна, Семен Петрович? Сегодня ночью один из наших спутников радиоперехвата был перенацелен на базу «Восток». Любой сигнал, исходящий с базы, будет уловлен, проанализирован и перенаправлен на этот компьютер, – Титров кивнул головой на установленный ночью монитор. – Например, сейчас спутник установил, что была помеха, поэтому он просто ее отфильтровал.

– Серьезные вы ребята.

– Да уж.

Прошел час. Работавшие на поверхности Луны перебрасывались между собой короткими фразами и изредка связывались с базой. Экран монитора невозмутимо демонстрировал извилистые однотипные линии. Изредка в эфир вламывались шумы. Но спутник, висевший на расстоянии двухсот километров над Луной, бесстрастно выносил вердикт: «Обычная помеха».

– «Гнездо», я «Ласточка один». Работы закончили. Возвращаемся.

– «Ласточка один». Я «Гнездо». Встречаем, – Богомазов перевел взгляд на Титрова. – Наверное «кроту» пока нечего передавать, Олег Анатольевич.

– Передавать ему как раз есть что. Ведь для него мы – будущий экипаж гиперпространственного корабля.

Семен Петрович в ответ лишь развел руками.

– Он должен выйти на связь. Должен, – Титров закусил губу. Затем он вынул из кармана куртки ручку и блокнот, и что-то чиркнул в нем. – Держите, – контрразведчик вырвал из блокнота листок, сложил его и передал Богомазову.

– Что это?

– Не разворачивайте. Здесь фамилия «крота». Когда мы его поймает, – Титров с нажимом произнес последнее слово, – развернете и прочитаете.

Прошло еще пятнадцать минут. «Ласточки» в белоснежных скафандрах, эффектно смотревшихся на фоне серой поверхности Луны, уже практически подошли к стальному щиту дверей базы. Изредка эфир нарушался смехом и шутками людей, довольных выполненной работой.

– Ласточки, прекратить чирикать. Подходим к гнезду, – начальственным тоном приказал главный инженер.

– Не подходим, а подлетаем.

– «Ласточка четыре». Вот вернемся, ты у меня полетаешь, – раздавшийся из динамиков взрыв хохота и треск помех перекрыл резкий, похожий на выстрел пистолета, звук.

Богомазов увидел как, довольно оскалившись, контрразведчик приник к экрану монитора. Начальник базы быстро перевел взгляд туда же. Привычная картинка из извилистых линий исчезла. Раздвигая их, посередине, вдоль экрана пролегал прямоугольник, внутри которого находилось несколько линий с четкими прямоугольными зубцами различной высоты.

Семену Петровичу не понадобилось спрашивать, что это такое. В самом низу экрана вспыхнула красными буквами надпись: «ВНИМАНИЕ! Кодированный сжатый импульс. Начало передачи 10.26 по СЕВ. Длительность – 0.1 секунды». А еще ниже – удар наотмашь: «Источник сигнала – «Ласточка –1».

– Мыкола!?! – только и сумел проговорить ошеломленный Богомазов.

– Прочтите, что я вам написал, Семен Петрович.

Начальник базы развернул лист. На нем размашисто было выведено: «Григорчук».

– Только, Семен Петрович, вы ничего не знаете. А еще лучше, не встречайте людей. На вас лица нет. Пошлите кого-нибудь из своих помощников. Брать мы его будем сегодня ночью, чтобы никто не видел. Вдруг у него тут еще и сообщник есть. Поэтому необходимо, чтобы он ничего раньше времени не почувствовал.

– Да нет, – после паузы проговорил начальник базы, – я встречу его сам. И успокойтесь, – опередив Титрова, собравшегося что-то возразить, быстро продолжил он. – Всё будет нормально, – жестко закончил Богомазов.

Уже спускаясь в лифте на нулевой этаж, он, вертя задумчиво в руках листок с фамилией предателя, спросил у Титова:

– А как вы вычислили его? – и кивнул на листок.

Контрразведчик взял его из рук Богомазова, скомкал и положил себе в карман:

– Никогда нельзя терять контроль над собой, особенно на отдыхе, Семен Петрович, – и взглянув на его недоумевающее лицо, майор Титров первым вышел из лифта.

Уже стоя перед внутренней дверью шлюзовой камеры, начальник базы был собран и спокоен. И лишь на мгновение, когда двери медленно поползли вверх и он увидел в проеме Григорчука, уже успевшего снять шлем и весело улыбающегося, злость вскипела в нем. Вскипела и тут же осела в душе брезгливо-недоумевающим осадком: «И как становятся такими?»

Объединенная Русь. Украина, г. Славутич, Киевской обл. Роддом №3. За двадцать девять лет до описываемых событий. 5 мая 2161 года. Вторник. 23.05. Время киевское.

Компьютер, получив сигнал от одного из многочисленных датчиков, укрепленных на теле женщины, отреагировал мгновенно. На его панели вспыхнула ярко-красная лампочка, и воздух прорезал неприятный, бьющий по нервам сигнал тревоги. Два человека, стоявшие возле будущей в родовых схватках женщины, вздрогнули и одновременно взглянули на монитор.

– Черт, – выругался один из них. – Давление стремительно падает. «Диагност» предполагает внутреннее кровотечение. Вызывай дежурную бригаду хирургов.

– Вызываю.

Бежали стремительно секунды, и также стремительно уходила кровь из лопнувшей брюшной артерии. Компьютер на мониторе бесстрастно выводил: «Вероятность выживания сорок процентов... тридцать... двадцать пять...»

– Пульса нет! Подключаю электростимулятор.

– Раз, два, три! Разряд!

На экране монитора, зеленая точка, чертившая горизонтальную линию, резко скакнула вверх. Две пары глаз с надеждой следили за ней. Стремительно скатившись с пика вниз, точка вновь заскользила по прямой линии.

«Вероятность выживания двадцать».

– Раз, два, три! Разряд!

И вновь две пары глаз бессильно наблюдали, как точка, получившая электрический пинок, взлетела вверх, но затем упрямо продолжала чертить прямую линию.

«Вероятность выживания пятнадцать процентов».

В палату вбежали несколько человек. Бросив взгляд на экран монитора, они сразу всё поняли.

– Сколько стоит сердце?

– Минуту.

– Немедленно в криокамеру. Электростимулятор не поможет. У неё давление на нулях. Две пары мужских рук подхватили женщину и переложили на каталку.

«Вероятность выживания десять процентов».

– Остановитесь! А ребенок? Ребенок же погибнет.

«Вероятность выживания семь процентов».

Секундное замешательство. Старший хирург, мельком скользнув по экрану, где зеленая точка невозмутимо чертила безукоризненную прямую линию, как бы подчеркивая надпись: «Вероятность выживания три процента», посмотрел на побелевшее лицо женщины и, отвернувшись к окну, глухо произнес:

– В операционную. Будем делать кесарево.

Объединенная Русь. Россия. Москва. Крылатское. Кольцевая трасса гонок «Формула-1». За двадцать девять лет до описываемых событий. 5 мая 2161 года. Вторник. 12.10 по местному времени.

Колеса властно, уверенно бросали под себя серый бетон трассы. Отброшенный мощным ударом стали и пластика, воздух злобно свистел по бокам стремительно несущихся болидов. Скорость смыла с окружающего пейзажа все краски, превратив его в размытую полосу. Человеческие ноги до упоров вдавливали в пол педаль газа, заставляя насосы вгонять в ненасытные двигатели всё новые и новые порции топлива. Уверенный, грозный гул моторов пропитал собой всё вокруг.

Яркие, красочные машины, расставив по бокам колеса с широкими шинами, похожие издали на каких-то фантастических животных, словно связанные невидимой нитью, неслись друг за другом по бетонной полосе. Наконец нить словно лопнула – ярко-зелёная машина с белыми полосками, сместившись, чуть влево, буквально прижавшись к другой, ярко-красной

машине, стала медленно-медленно обходить ее. Трибуны взорвались приветственными криками, улюлюканием и свистом. Секунда, другая и вот уже ярко-зелёный болид первым вписывается в плавный поворот. Толпа на трибунах скандирует: «Доби! Доби! Доби!»

Словно не выдержав напряжения борьбы, серебристо-черный автомобиль чуть рыснул вправо. Стремительно крутящиеся, разгоряченные шершавой бетонкой передние колеса машин соприкасаются. Толчок! И ярко-зелёный автомобиль, чуть взмыв вверх, с грохотом ударяется в стену. Отброшенный от неё, он, перевернувшись, несется вперед, словно пытаясь достать, ударить серебристо-чёрного обидчика, обозначая путь своими искореженными частями. Постепенно скорость падает и ярко-зелёная груда металла, пластика и резины останавливается.

Трибуны неистовствуют. Крики, свист, улюлюканье мгновенно перекрывают возглас «Доби!», как рев многокиловаттных колонок с легкостью глушит робкое звучание маленького колокольчика.

«Питти! Питти!» – у гладиаторских боев конца двадцать второго века появился новый герой.

«... с самого начала гонки у Доброва появились проблемы с двигателем его «Ягуара». После пятнадцати кругов он был всего лишь четвертым, причем, далеко отставая от тройки лидеров. И это на трассе в Крылатском – его самой счастливой, родной, знакомой, как свои пять пальцев! После пит-стопа его механики, очевидно, устранили проблему. По крайней мере, перед завершающими двумя кругами Добров по кличке Доби уже был третьим – обогнав Грингоу на «Бугатти». На предпоследнем круге русич еще раз продемонстрировал свой класс – на повороте третьей категории сложности обогнав Вильямса на «Феррари». Но Питилесс, его основной соперник по общему зачету, уже проходил свой последний круг. Догнать его у Доби практически шансов не было. Понимая это, он решился на безумный шаг – попробовать обойти хладнокровного, опытного Пити на сверхсложном, внекатегорийном, повороте Лужкова, названного в честь мэра Москвы, при котором была построена эта великолепная трасса. Воспользовавшись тем, что Питилесс благоразумно снизил скорость, Добров начал его обходить, балансируя на грани опрокидывания. И тут неожиданно «Макларен» Питилесса чуть рыснул в сторону и ударил «Ягуар» Доброва. Небольшого толчка оказалось достаточно, чтобы неустойчивая из-за огромной скорости машина Доби перевернулась, и ее с силой бросило на отбойник. Почти четыреста километров в час довершили свое дело – легендарного гонщика Доби не стало...

Сразу после заезда, Питилесс дал интервью, где он категорически отверг обвинение в умышленном столкновении. «На такой скорости, с которой мы с Доби неслись к финишу, – заявил он, – малейшая выбоина или неровность на дороге, мизерный скачок давления в гидросистеме машины мог привести к тому, что мой «Макларен» немного вильнул в сторону».

И буквально час назад стало известно, что техническая комиссия гонки полностью оправдала Питилесса. Что ж, комиссии, как говорится, виднее. От себя мы только добавим, что Питилесс вновь, вольно или невольно, оправдал свою «безжалостную» фамилию.

Также техническая комиссия сообщила, что если бы Добров, входя в этот последний для себя поворот, не отключил систему блокировки заноса, которая принудительно снижает скорость автомобиля до безопасной для данного поворота, то никакой трагедии не произошло бы. Почему он так сделал? Что заставило молодого мужчину, отца семейства (его жена, простите вдова, с трехмесячным сыном проживают в небольшом городке Славутич, недалеко от Киева) пойти на такой риск? Жажда очередной победы? Но у него и так их было предостаточно. Так что же?

Ответ элементарно прост – вторая жизнь. Известно, что трехкратный победитель гонок «Формула – 1» автоматически получает право на вторую жизнь. Добров побеждал уже дважды.

Возраст у него для спорта был, что называется, критическим. Он, очевидно, посчитал, что это его последний шанс. Кроме того, победа Питилесса в этом заезде автоматически давала ему победу в общем зачете. Вот поэтому Добров и рискнул. Рискнул настоящей жизнью ради второй.

Что ж, теперь мы будем с нетерпением ждать решения Главного Компьютера, чтобы узнать, оправдан ли был риск Доби.

А пока на гоночном небосклоне засияла новая яркая звезда – двукратный победитель «Формулы-1» Джон Питилесс!

(Из экспресс-коммюнике журнала «Мотор ревю» от 5 мая 2161 года.)

Объединенная Русь. Украина, г. Славутич, Киевской обл. За двадцать девять лет до описываемых событий. 6 мая 2161 года. Среда. 10.35 по киевскому времени.

– Почему они не известили меня? Почему? – седой мужчина закрыл ладонями лицо.

– Ваня, успокойся. Это трагическая случайность. Этого никто не мог предвидеть.

– Но почему они не сообщили мне? Ведь они должны были сделать это! Я бы дал кровь...

Я бы...

– Иван, ты же читал отчет об этих родах. На момент принятия решения даже «Диагност» оценивал вероятность спасения Маши в три процента. А ты прекрасно знаешь, что «Диагност» всегда завышает вероятность. Врачи поступили абсолютно правильно. В противном случае, скорее всего, не было бы ни Маши, ни ее ребенка. Твоего ребенка. А связываться с тобой – уже не было времени.

– И что же мне теперь делать, Игорь? – мужчина медленно убрал ладони с лица и взглянул на своего лучшего друга, красными, тусклыми глазами.

– Жить, Ваня. Жить и воспитывать сына. Твоего ребенка. Ребенка Маши. Ребенка, который абсолютно ни в чем не виноват.

Иван Ковзан вновь закрыл ладонями лицо и застонал.

– Иван, соберись, – помолчав, продолжил его друг Игорь Переверзев. – Впереди у тебя и твоего сына еще очень длинная жизнь. И ты должен стать защитником и мудрым наставником для сына, а когда он подрастет, и его другом.

И вновь в комнате воцарилась тишина. Кукушка на старинных часах прокуковала одиннадцать раз.

– Скоро она окончательно умрет, – едва затихла кукушка, проговорил Иван Ковзан.

– Кто? – не понял Переверзев.

– Маша.

– Ваня...

– Не волнуйся, Игорь. Я с ума не сошел. С минуты на минуту мне должны позвонить и сообщить волю Главного Компьютера.

– А может он...

– Игорь, не надо утешать меня, – резко перебил друга Иван. – Ты же всё отлично понимаешь. – Маша была обыкновенным программистом и в свои тридцать лет, естественно, не заработала необходимых баллов для второй жизни.

Тягостную тишину в комнате прервал мелодичный звонок видефона. Мужчины одновременно посмотрели на экран. На голубом фоне белым цветом выделялся стилизованный земной шар, окаймленный лавровым венком – символ Организации Объединенных Наций. Хозяин и гость переглянулись. В глазах Ивана Антоновича промелькнул страх.

– Ваня, рано или поздно ты узнаешь решение Совета Развития, – как можно мягче заговорил его друг. – Не изводи себя, Иван, включи видефон.

Хозяин квартиры вздохнул и произнес хриплым голосом:

– Видефон включись.

Тотчас незнакомый мужской голос произнес:

– Иван Антонович Ковзан?

– Да, – коротко ответил Иван, сжимая подлокотники кресла.

– Объявляем вам решение Совета Развития Организации Объединенных Наций, – небольшая пауза. – Исходя из анализа Жизненной Записи гражданки Объединенной Руси Марии Николаевны Ковзан, Совет Развития Организации Объединенных Наций постановляет: «Считать Жизненную Запись гражданки Объединенной Руси Марии Николаевны Ковзан не удовлетворяющей обобщенному критерию для получения права на вторую жизнь. – И вновь невыносимая пауза. – Совет Развития также выражает глубокое соболезнование вам, Иван Антонович, по поводу безвременной кончины вашей супруги», – экран телевизора погас.

– Ну вот и всё, Игорь. Большой электронный Бэби окончательно похоронил еще одну человеческую жизнь.

Игорь Переверзев молчал, придавленный.

«Боже, а ведь когда-нибудь и мне придется вот так, сидя в кресле, выслушать вердикт относительно себя. А если услышу «...не удовлетворяющей обобщенному критерию для получения права на вторую жизнь...» О, Господи!» – Переверзев перевел взгляд на своего друга.

Тот резко отвернулся скрывая слезы,:

– Игорь. Не надо утешать. К услышанному ничего не добавишь.

На долгое время в комнате воцарилась тишина. Часы пробили полдевятого.

– Тебе когда в Нью-Йорк? – уже спокойным голосом спросил Иван Ковзан.

– Через неделю.

И вновь длинная пауза под мерное цоканье часов.

– Не обидно будет подмахивать решения Большого Бэби?

– Окончательное решение остается за людьми. Для этого я туда и еду.

– Ладно, Игорь, извини. Черте-что говорю лучшему другу.

– Я понимаю.

– Давай помянем Машу. Я хочу отключиться, а то чувствую, что сойду с ума.

– Не надо, Ваня, – мягко возразил его друг. – Помянешь после похорон. А сейчас постарайся поговорить с ней. Она еще где-то недалеко. Вам есть, что сказать друг другу. – Он встал с кресла и подошел к сидящему Ивану. – А я пойду. Тебе сейчас лучше остаться одному...

Уже возле двери он остановился и сказал:

– Знаешь, на Руси был такой царь Петр. Его потом назвали Великим. Много чего он сделал – флот создавал, земли завоевывал, города строил... и людей тысячами губил на непосильных работах. Так вот между своими важными государственными делами пригрозил он и воспитал одного мальчишку-негритенка, как тогда называли арапченка. Прошло более века, и у потомка этого арапа родился мальчик. Звали мальчика Александр Сергеевич Пушкин. Ваня, пути Господни неисповедимы. Кто знает, для каких великих дел создан твой сын. Теперь твой долг – растить сына, Ваня, воспитывать его.

Объединенная Русь. Украина, г. Славутич, Киевской обл. За двадцать девять лет до описываемых событий. 6 мая 2161 года. Среда. 9.05 по киевскому времени.

В просторной комнате с огромным, во всю стену окном царил беспорядок. Слоны, зайцы, тигры, мартышки валялись на ярком пушистом ковре там, где их бросила детская рука. И среди этого нагромождения игрушечных зверей ползал человек. Схватив мартышку или тигра, он недолго вертел их в руках, затем отбрасывал и полз к следующему зверю. Иногда он ставил кого-нибудь на лапы, внимательно разглядывал его, затем легким движением руки вновь валил

на ковер, радостно смеясь. Звери не издавали ни звука, бессмысленно тараща неподвижные глаза. Шестимесячный человек еще неуверенно познавал себя и мир, играя в царя природы.

Неслышно в комнату вошла молодая, лет двадцати пяти женщина. Глубокие темные тени залегли под ее выразительными голубыми глазами. Уголки чувственных, упругих, четко очерченных губ опущены вниз. Пышные, цвета спелой пшеницы волосы завязаны в строгий, плотный узел. Она с тревогой посмотрела на настенные часы – без двух минут девять. Женщина нервно прошлась по комнате, подошла к стене. Ее взгляд остановился на большой цветной фотографии. На ней высокий сорокалетний мужчина широко улыбался, чуть прищурился глазами. Синий, с белыми полосками комбинезон плотно облегал его спортивную фигуру. Лево́й рукой он держал черный шлем, а правой обнимал за плечи стройную красивую женщину с грудным ребенком на руках. Женщина тоже улыбалась, а малыш безмятежно спал у мамы на руках.

Приятная мелодия разлилась по комнате – зазвонил видеофон. Большой, вделанный в стену экран засветился символом Организации Объединенных Наций. Женщина вздрогнула и мгновенно пересохшим языком произнесла:

– Видеофон включись.

– Светлана Николаевна Доброва, – мягкий женский голос заполнил комнату.

– Да, – хрипло произнесла молодая женщина, затем, прокашлявшись, вновь повторила. –

Да.

– Объявляем вам решение Совета Развития Объединенных Наций.

На ковре чему-то радостно агукнул ребенок. Молодая мать невидящим взором посмотрела на него и вновь перевела взгляд на экран.

– Исходя из анализа Жизненной Записи гражданина Объединенной Руси Павла Ивановича Доброва, Совет Развития Организации Объединенных Наций постановляет: «Считать Жизненную Запись гражданина Объединенной Руси Павла Ивановича Доброва не удовлетворяющей обобщенному критерию для получения права на вторую жизнь, – мягкий женский голос с экрана на мгновение замолк. – Совет Развития также выражает глубокое соболезнование вам, Светлана Николаевна, по поводу безвременной кончины вашего супруга», – экран телевизора погас.

Женщина склонила голову и закрыла лицо руками. Ее плечи задрожали в беззвучных рыданиях. Слышно было только лопотание ребенка, довольного тем, что смог посадить плюшевого зайца на деревянного тигра.

Наконец женщина подняла голову и посмотрела на фотографию – муж, прижимая ее с ребенком к себе, радовался удачно складывающейся жизни.

«Значит не заслужил? Сколько лет, рискуя жизнью, щекотал нервы пресытившейся и разнеженной толпе, и не заслужил. А какой-нибудь толстосум, не знающий куда себя деть, ничего полезного в жизни не сделавший, но имеющий много денег, чтобы заплатить за вторую жизнь, он – заслужил?» – женщина подхватив ребенка на руки, поднесла его к фотографии на стене.

– Всё, Сереженька, твоего папы больше нет. Он не заслужил второй жизни, не заслужил права растить тебя. Господи, ну есть ли справедливость в этом мире?

Ребенок, оторванный от своих игрушек, обиженно заревел.

Объединенная Русь. Украина, г. Славутич, Киевской обл. За двенадцать лет до описываемых событий. 3 июня 2178 года. Среда. 9.12 по киевскому времени.

– Значит, ты всё же решил поступать в летное училище?

– Да, папа.

Отец и сын сидели в креслах друг напротив друга. Сразу бросалось в глаза их сходство. Нос, разрез глаз, изгиб губ – природа в этом случае не утруждала себя поисками разнообразия.

Два человека были сделаны по одной матрице, лишь седина отца и вороненая сталь волос сына различали их.

– Ты же в школе увлекался историей, побеждал на олимпиадах. Вот и поступал бы на исторический факультет университета.

– Отец, меня больше тянет небо. А история... Историю можно и самому по книгам изучать.

– Но почему военное училище? Чем плохо быть гражданским летчиком? Перевозить людей.

– Нет, отец. Сейчас пассажирский самолет ведет компьютер. Человек при этом лишь присутствует. А боевой самолет – наоборот, компьютер только помогает летчику. Да и вообще, хочется участвовать в важных событиях.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты думаешь, Китай добровольно согласится, что Забайкалье – это наша и только наша территория? – пояснил сын.

– Ты хочешь воевать?

– Я хочу защищать Родину, отец. Я хочу много чего сделать в этой жизни. А где, как не на войне, быстро узнается, кто есть кто?

– Вот уж не думал, что ты такой у меня карьерист.

– Карьеризм и честолюбие – это не одно и то же.

– Поэтому у тебя и нет своей девушки?

Юноша задумчиво опустил голову. Легкий румянец окрасил его щеки.

– У меня была девушка. Мы расстались, – наконец ответил он.

– Можно узнать почему?

– Она посчитала меня слишком серьезным.

Отец усмехнулся:

– Я думаю, это не слишком большой недостаток. Это даже вообще не недостаток. Через десять лет эта девушка, наоборот, будет стремиться к серьезному мужчине.

– Уж столько я ее точно не собираюсь ждать.

Оба рассмеялись.

– Когда ты уезжаешь? – голос отца вновь стал серьезным, даже чуть печальным.

– Сразу после выпускного вечера. Двадцать шестого.

– Что ж, сын. Мне остается пожелать тебе только удачи.

– Спасибо, папа.

Старинные часы пробили десять раз.

– Пап?

– Что?

– Почему ты не женился во второй раз?

Отец внимательно посмотрел на сына.

– Знаешь, – медленно начал он, – я и сам толком не знаю почему. Несколько раз я готов был уже к этому. Но в последний момент что-то меня останавливало. Наверное, я подсознательно чувствовал, что лучше твоей матери у меня никого не будет. Так стоило ли размениваться?

– Я понял, отец.

– Что ты понял?

Юноша посмотрел на отца своими темно-карими глазами:

– Я понял, что в жизни не стоит размениваться на мелочи. Чтобы потом не жалеть об этом.

– Это будет очень трудно, сын.

– Потом будет труднее смириться с мыслью, что жизнь отдал суете.

– Трудно распознать, Борис, что суета, а что нет. Иногда, казалось бы, незначительные поступки приводят к самому важному, что ты сделал в жизни. А на сто процентов важные дела оказываются суетой, пустышкой.

– Мне повезет, отец, – темные глаза сына уверенно и спокойно смотрели на отца.

– Дай Бог, – Иван Антонович Ковзан почему-то мгновенно поверил сыну.– Борись, Борис!

Объединенная Русь. Украина, г. Славутич, Киевской обл. За десять лет до описываемых событий. 14 июня 2180 года. Среда. 8.15 по киевскому времени.

– Значит, сынок, в Одесскую духовную семинарию?

– Да, мама, – высокий парень светловолосый, кудрявый, и его мать, хрупкая женщина с русыми волосами, собранными в строгий узел, сидели за столом в просторной комнате с огромным окном во всю стену. – Два года я честно отдал мирской власти, отслужив в армии. Теперь я буду служить только Богу.

– Я до сих пор не знаю, Сереженька, правильно ли я поступила, – промолвила мать.

– О чем ты, мама?

– Смерть твоего отца очень сильно ударила по мне. Когда Главный Компьютер не дал ему вторую жизнь, я возненавидела всё, что связано с этой машиной, весь мир. И посчитала, что истинная справедливость возможна только у Бога.

– А сейчас ты так не считаешь?

– Считаю, – после небольшой паузы ответила мать, – но сейчас, мне кажется, люди так далеки от Бога, что я не уверена, нужен ли ты им будешь?

– Мама, главное, что я буду нужен Богу. А люди, – юноша на мгновение задумался, – а люди от Бога никуда не денутся, – вновь заговорил он уверенным тоном. – Бог создал этот Мир и если понадобится, Он быстро напомнит об этом людям. Я уверен, мама, что скоро, очень скоро наступит время, когда люди упрутся в непреодолимую для них стену. И вынуждены будут, словно неразумные овцы идущие за знающим путь пастухом, пойти за Господом. Ибо только Господь знает правильный Путь.

– Но если Господь – это пастух для людей, то кем ты при Господе видишь себя?

Юноша встал из-за стола, подошел сзади к матери и положил ей на плечи свои руки:

– Когда пастух гонит стадо, кто ему помогает? Ему помогают собаки. Не дают разбрестись стаду и подгоняют отстающих. Если надо, то и кусают их за ноги, чтобы быстрее шли.

– Сынок, уже были такие люди. Иезуиты. Они себя так и называли – псы Господни.

– Если были, значит они были нужны. У Господа ничего просто так не бывает.

– Но они сжигали людей на кострах!

– В Библии вообще говорится о Страшном Суде. Заметь, Страшном! И только сто сорок четыре тысячи избранных попадут в Рай и спасутся. Остальные – в Ад, где вечно будут гореть в геенне огненной! – сын резко убрал свои руки с плеч матери и быстро вышел из комнаты.

Мать встала, вошла в свою спальню и опустилась на колени перед висевшей в углу иконой:

– Господи Всемилостивейший! Убереги моего сына от поступков неразумных и неправедных. Помоги ему пройти в жизни по пути, ведущему к Тебе. Ты же видишь, Господи, он искренне любит Тебя и искренне хочет служить Тебе!

Женщина еще долго тихо просила Бога за своего сына. Две пары глаз были обращены на нее. Суровый взгляд Господа с иконы на стене и веселый – мужа с фотографии, стоящей на столе. словно две жизни – прошлая, наполненная любовью и радостью, и настоящая – сосредоточенная на сыне, в постоянной тревоге за него, с бесконечными ночными разговорами с мужем и Богом. Две пары глаз смотрели на неё, даже три – она сама, улыбающаяся и счастли-

вая, смотрела на себя, покорную, стоящую на коленях. И никто из них ничего не мог подсказать ей или утешить. А еще маленький и беспомощный Сереженька мирно спал на руках матери.

В жизни матери завершился второй круг, что ожидало ее впереди? Женщина молилась...

Объединенная Русь. Украина. Киев. Мариинский дворец. Рабочий кабинет Президента Украины. Почти за два года до описываемых событий. 7 ноября 2188 года. Пятница. 23.15. Время киевское.

За окнами президентского дворца буйствовал салют.

«Эти огненные узоры, как история, ускоренная в миллионы раз, – неожиданно подумал Президент Украины, стоя у окна. Вот вспыхнул красный шар – двести семьдесят лет назад в Питере произошел переворот, который впоследствии назовут Великой Октябрьской революцией»

Красный шар еще медленно поглощался чернотой ночи, как на смену ему пришел огромный фонтан, светящийся всеми цветами радуги.

«Великая империя сменилась россыпью независимых государств», – продолжал размышлять человек.

Звездочки тихо растворялись в небе, а на смену им пришли разноцветные шары, одновременно вспыхнувшие на фоне звезд.

«А это уже новая конфигурация. И так до бесконечности... До бесконечности? Как же! Звезды не вечны, а тут небольшая колония биологических существ, – Владимир Владимирович Грушенко вздохнул, – отпадет в нас надобность, и Всевышний тут же прикроет эту шумную лавочку. Он, конечно, всемилостив... но всемирный потоп и судьба Содома и Гоморры о многом говорят!»

– Разрешите, Владимир Владимирович?

Грушенко обернулся. В дверях кабинета стоял вызванный им Директор Службы безопасности Украины Олег Николаевич Пустовойтенко.

– Присаживайся, – Президент Украины коротко кивнул на кресло, а сам не спеша сел за свой стол.

– Здравствуйте, господин Президент, – Пустовойтенко расположился напротив.

– Как прошел праздник по стране, Олег Николаевич?

– Ничего из ряда вон выходящего. Несколько молодежных драк, несколько квартирных краж, пока хозяева веселились, и так далее. Процент правонарушений чуть выше, чем в обычный день.

– А партии?

– Коммунисты провели митинги в некоторых городах. Зеленые устроили несколько субботников... Да вот, собственно, и всё.

– А в каких городах прошли митинги?

– У нас в Киеве, да еще в восточных областных и районных центрах. Везде их численность не превышала и тысячи человек. По сравнению с официальными мероприятиями они смотрелись жалко, – по лицу Директора Службы безопасности скользнула ироничная улыбка. – Коммунисты – это уже реликт, господин Президент.

Слушая Директора СБУ, Грушенко прикрыл глаза. Набрякшие мешки под глазами, углубившиеся морщины наглядно демонстрировали, что напряженный трудовой день, словно лакмусовая бумажка, безошибочно и безжалостно выявляет истинный возраст, пренебрежительной рукой легко смахивая ухищрения визажистов, стилистов и массажистов.

«Скоро ему шестьдесят, – Пустовойтенко бесстрастно смотрел на своего патрона. – Хватит ли у него сил через три года бороться с энергичным Орловым. Хотя шестьдесят для поли-

тика – это не возраст. Да и, в конце концов, возраст в политической борьбе не самое главное. Главное... Что самое главное?»

– Да, прав был Соломон. Всё проходит, – устало произнес Президент. – А ведь два с половиной века назад они поставили на уши весь мир, – Грушенко вздохнул и открыл глаза.

– Соломон был прав, Владимир Владимирович. Проходит всё, и не только коммунизм, – главный разведчик вопросительно посмотрел на Президента – продолжать?

– Олег Николаевич, эти празднества меня изрядно утомили. И разгадывать ваши шарады, у меня просто нет сил. Поэтому – прямым текстом, пожалуйста. Что вы имели в виду, говоря “и не только коммунизм”?

– Я имел в виду христианство. Официальное христианство.

Президенту Украины понадобилось пять секунд чтобы, наконец, понять, куда клонит его глава СБ.

– Отец Сергей, – коротко выразил он свою догадку.

– Да.

– Рассказывайте, Олег Николаевич.

– Всё прошло по разработанному нами плану. В сквере на улице Январского восстания, рядом с Лаврой был организован митинг. Численность – примерно тысяча человек.

– Не мало?

– В данный момент – это оптимально. Больше количество уже вызвало бы подозрение, что митинг организован властями, – возразил Пустовойтенко.

– Отец Сергей выступал?

– Естественно. Основной тезис – вторая жизнь, присуждаемая Главным Компьютером, с молчаливого согласия официальной церкви, это не только тяжкий грех, за который придется отвечать перед Всевышним, но и крайне несправедливо и оскорбительно для миллиардов человек. У каждого должна быть одна земная жизнь. И только Бог может даровать человеку бессмертие. На этом же митинге мы впервые «засветили» название нового движения.

– Какое?

– Как и договаривались: «Жизнь только от Бога», – четко ответил Директор СБУ.

– Что еще?

– Этот митинг показали несколько каналов в своих информационных передачах. Кроме того, отец Сергей выступил на телевидении, на пятом канале.

– Что дальше?

– Всё, как прежде. Отец Сергей будет проповедовать. С желающих будем снимать «надсмотрщиков». Следующее массовое выступление под Новый год.

Президент, казалось, потерял всякий интерес к разговору. Он вновь откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. В кабинете повисла тишина.

– Вчера я был на Президентском Совете в Москве, – не открывая глаз, наконец, произнес Президент. Снова пауза, – Ты, естественно, это знаешь.

– Естественно.

– А о чем на Совете шла речь, ты тоже, естественно, знаешь? – сыронизировал Грушенко, открыв глаза.

Олег Пустовойтенко не случайно пробился на столь высокий пост. Среди качеств, позволивших ему это сделать, была и способность мгновенно правильно ориентироваться в различных ситуациях:

– Наверняка, не об официально объявленном под грифом «Государственная тайна» китайском вопросе.

Грушенко, улыбнувшись, мотнул головой:

– Да, Олег Николаевич, тебя голыми руками не возьмешь.

– Это уж точно, господин Президент. Можно уколоться, – подчеркнуто почтительно ответил глава украинской службы безопасности.

– Так вот, Олег, – Президент мгновенно перешел на доверительный тон, – Орлов готовит гиперпространственный полет, – сказав это, он вопросительно посмотрел на собеседника.

– Гиперпространственный полет? – тот даже не пытался скрыть своего удивления. – Они что, поняли причину предыдущих неудач?

– Похоже на то.

Пустовойтенко задумался.

– Всё равно не понимаю, – наконец задумчиво произнес он.

Президент Украины усмехнулся:

– Наконец-то мой главный разведчик чего-то не понимает, следовательно, чего-то не знает. И чего же ты не знаешь?

– Я не знаю, чем вызвана ваша озабоченность, господин Президент. Гиперпространственный полет – еще один шаг на пути технического прогресса, не более того. Рейтинга Орлову оно не сильно добавит.

– Академик Хохлов, инициатор этого полета, считает, что гиперпространство – это и есть то, что мы называем Богом.

– Орлов хочет отправить туда человека? – осторожно произнес глава Службы безопасности Украины.

– Ты уже кое-что стал понимать. Да, Орлов хочет послать своего человека к Богу, – Грушенко с нажимом произнес последние слова.

– Человек, побывавший у Бога для остальных людей – Мессия, – еще более осторожно произнес Пустовойтенко.

– Вот именно. И его слово для людей будет куда весомей, чем сотни слов того же отца Сергия, и всех остальных, – Грушенко чуть вздохнул.

– Такса пытался для этих целей заполучить отца Сергия, – неожиданно сказал Пустовойтенко.

– Что? Когда?

– Больше месяца тому назад.

– Почему же ты молчал? – на лице Президента гнев сменил усталость.

– Господин Президент, – после паузы напряженно-осторожным голосом заговорил глава украинской СБ, – я абсолютно вам предан и ни в коем случае не собираюсь утаивать от вас хоть какую-нибудь информацию. – Увидев, что лицо Президента несколько смягчилось, он продолжал уже более спокойно, – отец Сергей на встрече со мной об этом контакте рассказал столь неопределенно, что я посчитал, что Такса, таким образом, хочет завербовать отца Сергия и оттеснить нас от движения «Жизнь только от Бога».

– И отец Сергей отказался от предложения?

– Да. Посчитал это кощунственным. Бог сам призывает человека, когда нужно. Это же не товарищ, к которому можно запросто припереться в гости.

– Это уж точно. Бог сам призывает к себе, даже когда человек этого и не хочет, – лицо Грушенко окончательно смягчилось, оплыло, приобретая прежний усталый вид.

– Но академик Хохлов может и ошибаться, – продолжил Директор СБУ.

– Конечно, может. Он же не Бог, – Президент невесело усмехнулся. – Но, насколько я знаю, Хохлов ошибается редко. Я обратился к академику Лоскутенко, Президенту Украинской академии наук, который должен располагать информацией. Так вот, он охарактеризовал Хохлова как человека мягкого, непритязательного в обычной жизни, но абсолютно преданного науке, который ради научной истины не идет ни на какие компромиссы. Яркий пример – его уход с поста заместителя директора Института теоретической физики, поскольку он был не согласен с директором академиком Солевым относительно принципиальной схемы гиперпро-

странственного двигателя. Но академик Лоскутенко также сказал, что сейчас он абсолютно убежден в правоте академика Хохлова – его схема более рациональна и менее трудоемка. И мы сделали ошибку, отвергнув ее.

– Это всё слова, – тихо проговорил Пустовойтенко.

– Увы, нет. Китайцы пошли именно по этому пути и существенно сократили время на разработку. Они уже начали автономные испытания гипердвигателя.

– И что решил Совет? – Директор СБУ вопросительно посмотрел на Президента.

– А что он мог решить? Естественно, мы дали добро на этот проект. Кстати, его название «Пора». Орлов одним махом хочет убрать с политической арены основные фигуры и стать ферзем, – улыбка Грушенко из ироничной стала печальной. – А впрочем, почему бы и нет?

– Когда состоится этот полет?

– Ориентировочный срок – середина августа девяностого года.

– До выборов Президента Объединенной Руси останется меньше полугода, – заметил Директор СБУ.

– Вот именно. Орлов может успеть всё сделать.

– И всё же, господин Президент, гиперпространственный полет и его последствия – всё это еще слишком неопределенно. Нам надо продолжать разыгрывать свою карту.

– Наверное, ты прав, – со вздохом произнес Президент Украины. – Что нам еще остается делать? – И тут же добавил. – Впрочем, по мудрому Соломону – и это тоже пройдет.

– Проходит всё. Но остаются в истории дела человеческие. И некоторые из них впоследствии называют великими.

– Может быть, – Владимир Владимирович кивнул головой. – Вы свободны, Олег Николаевич. Продолжаем реализовывать план «Жизнь только от Бога».

«А ведь благодаря нам, русичам, все человечество получило надежную прививку от коммунизма, – Владимир Владимирович Грушенко не вставая из-за стола, взглянул в окно на праздничный салют, – оно только чуть-чуть потемпературило, да кое-где высыпали красные прыщики. И всё. А нам эта болезнь обошлась слишком дорого. И почему Господь избрал нас? Что, по принципу, кого больше люблю, того и наказываю? Или наоборот? Нелюбимое дитя не жалко? Вот полет все и покажет.

«А вообще, неблагодарное это занятие – пытаться понять Бога», – Президент Украины встал из-за стола и вышел из кабинета.

«Нет, это просто усталость. Грушенко – сильный, волевой политик. И возраст у него... Впрочем, для политика – возраст не главное. Главное – это его команда, – Олег Николаевич, наконец, ответил на вопрос, заданный самому себе полчаса назад в кабинете Грушенко. – А главный в его команде – это я», – спускаясь по парадной лестнице, Директор СБУ продолжал анализировать свой разговор с Президентом Украины.

Соединенные Штаты Америки. Лэнгли, штат Виржиния. Штаб-квартира ЦРУ. Кабинет Директора ЦРУ. 3 мая 2190 года. Понедельник. 9.07 по местному времени.

Лучи солнца безбоязненно проникали через окна кабинета Директора ЦРУ. Многочисленные, скрытые от посторонних глаз, датчики молчали. Различные хитроумные экранировки надежно блокировали всякое излучение, несшее хоть крупицу какой-либо информации.

Билл Ред сидел за рабочим столом и глядя на экран персонального компьютера изучал ежедневный отчет Разведывательного директората ЦРУ. В этот директорат с многочисленных разведывательных спутников, станций наблюдения, разбросанных по всем обитаемым небесным телам Солнечной системы – Земле, Марсу, Луне стекалась информация. Всё подслушанное, купленное, добытое шантажом или пыткой, словом всё, что стоит за безликой, невинной

фразой – информация добыта агентурным путем, также попадало сюда. Здесь, весь этот, не всегда приятно пахнущий поток информации, проваливался в терагигабайтную бездну электронной памяти компьютера. Нет, не просто компьютера. Компьютера с большой буквы. Почему-то человечество не распространило на компьютеры свою привычку составлять топ-списки – самые большие корабли, самые высокие сооружения, самые дорогие автомобили, самые тяжелые люди, самые длинные ноги и прочая, прочая, прочая. Так вот, если бы был составлен список самых быстродействующих компьютеров с самым большим объемом памяти, то Компьютер Разведывательного директората ЦРУ уступил бы лишь Большому Компьютеру ООН и разделил бы почетное второе – четвертое места с братьями по шпионскому ремеслу из Руси и Китая.

Попав в Компьютер, поток просеивался через миллионы логических фильтров, препарировался на миллиарды сведений и данных или на то, что обобщенно называлось единственным фактом информации. На выходе из этого всеядного электронного чрева была всё та же информация, только соответственным образом сгруппированная, обобщенная и прокомментированная. Новейшие разработки в области логического программирования и искусственного интеллекта позволяли из тысяч отрывочных сведений создать цельную, логически непротиворечивую картину происходящего.

Билл Ред окончательно поверил в могущество Компьютера три года назад, когда тот извлек из своей, поистине бездонной, памяти факт десятилетней давности: ночное проникновение неизвестных в городской архив Сан-Франциско. Потом был проанализирован годовой давности звонок из Франции – один из миллиардов, перехваченных и записанных в его память: «Ничего, через годик мы сыграем хорошую партию в бридж. В золотой бридж». Затем Компьютер «вспомнил», что примерно в то же время малоизвестной компании «Chip» был сделан заказ на переоборудование небольшого скоростного вертолета «Sikorsky – 309» в беспилотный вариант, управляемый компьютером. Еще через пару мгновений были проанализированы все покупки недвижимости в Сан-Франциско за последний год. Еще пару секунд Компьютер анализировал всякую мелочь – состояние противовоздушной обороны США, предсказание синоптиков на тот год, быстро «пролистал» свои же отчеты о политической обстановке в мире и многое другое. Затем в операционном зале Разведывательного Директората ЦРУ коротко взвыла сирена и тревожно замигала красная лампа. Перед ошарашенным оператором на мониторе высветилось: «ВНИМАНИЕ! Информация первой степени важности! Между 7 и 14 сентября сего года западноевропейская террористическая организация «Меч Ислама» попытается произвести теракт – взрыв Золотого моста в Сан-Франциско. Атака на мост будет произведена с помощью радиоуправляемого вертолета «Sikorsky – 309», начиненного взрывчаткой. Вертолетная площадка располагается во дворе дома № 43 на Шестой авеню. Вероятность прогноза – 87%». Первое, что импульсивно сделал оператор – поднял глаза вверх, на электронные часы. На табло светились две строчки: «2187 год. 7 сентября. Суббота. 02 : 32. Время вашингтонское» и «Сан-Франциско – 2187 год. 6 сентября. Пятница. 23 : 32».

Через двадцать три минуты пятнадцать секунд «Дельта» уже взяла под контроль дом №43 на Шестой авеню Сан-Франциско. Компьютер не ошибся.

Когда, уже в спокойной обстановке, стали вручную проходить логическую цепочку, которую выстроил Компьютер, даже разработчики его программ были поражены. Тогда выяснилась еще одна интересная деталь. Компьютер при анализе фактов вышел на точную дату теракта – одиннадцатого сентября, примерно в девять часов утра – он держал в своей памяти события даже более чем двухвековой давности. Но людям указал более широкий временной интервал – по-человечески перестраховался. Искусственный интеллект такого уровня уже начинает приобретать человеческие черты.

Билл Ред принадлежал к тому типу людей, которые предпочитают узнать сначала плохие новости, чтобы потом попытаться, по возможности, перекрыть их хорошими. Особенно плохого отчета он сегодня не ожидал.

«Так, плохая новость номер один – с девяносто пяти процентной вероятностью разоблачен наш агент на лунной базе русичей «Восток». Да, недолго «Брюнет» поработал на нас. Быстро его Кедрин вычислил. Жаль. Как же теперь контролировать продвижение русичей по их проекту пилотируемого гиперпространственного корабля?», – Билл Ред выделил эту новость красным цветом – посоветоваться с начальником отдела, курировавшем эту проблему.

Второй неприятной новостью было секретное решение правительства Италии перейти при расчетах с арабами за нефть на арабский динар.

«Так, сначала Франция, теперь Италия. Заигрывают с арабами. А как же – почти половину населения у них теперь составляют выходцы из Азии и с Востока. Пригрели их у себя, вот теперь и расплачивайтесь, – пара энергичных нажатий клавиш на компьютере и новость окрасилась в умиротворяющий зеленый цвет – принятие радикальных мер, – второй Франции я не допущу. Там мы пытались решить проблему дипломатическим путем. Не получилось. Что ж, учтем ошибки».

На этом неприятные новости для Соединенных Штатов на сегодня заканчивались. В хорошие новости Компьютер занес сообщение из Канады – наконец-то американский посол в частной беседе с Премьер-министром страны, смог убедить последнего внести на рассмотрение в Верхнюю палату сената проект закона «О гражданстве».

«Наконец-то. Или они хотят повторения европейского варианта? Только коренной житель имеет право быть гражданином. Иначе Восток нас проглотит и не подавится, – в благоприятном решении Ред не сомневался – что же даром было израсходовано более десяти миллиардов долларов? – Надо бы переговорить с Президентом и подготовить наш спецназ. Американских граждан необходимо защищать, где бы они ни находились. Иначе мы не Сверхдержава №1, – сообщение окрасилось в желтый цвет».

К хорошим новостям Компьютер отнес и вспышку неизвестной инфекции в Китае с летальностью в восемьдесят процентов.

«Наконец-то нашелся вполне приемлемый повод закрыть границы страны для китайцев. Опять же – здоровье американцев превыше всего. А без дешевых китайских товаров Америка проживет», – и вновь желтый цвет появился на экране монитора – требуется разговор с Президентом.

Далее следовало сообщение из Руси: «В Объединенной Руси набирает силу движение за запрещение в законодательном порядке второй жизни. Центр движения – Украина. Комментарий – политические силы, близкие к Президенту Украины Грушенко, таким образом, очевидно, пытаются на следующих выборах Президента Объединенной Руси привести его к власти».

Директор ЦРУ над этим сообщением надолго задумался.

«По-моему, Комп, ты ошибся. Это не есть хорошая новость. Чем этот Грушенко для нас будет лучше Орлова? Или ты считаешь, что государственное управление в любой стране ослабевает, если к власти приходит человек, который опирается на менее широкие круги населения? Не спорю, украинцев меньше россиян. Но, во-первых, практически всегда идеологические принципы брали верх над национальными. А во-вторых, такое движение вполне может стать интернациональным – во всем мире обделенных второй жизнью значительно больше, чем счастливых. А если учесть, что Восток принципиально не практикует технологию второй жизни, то на этой почве возможна его поддержка этого движения... Нет, это очень плохая новость», – Билл Ред никаким цветом не выделил это сообщение – он еще не знал, что делать, а только ощущал надвигающуюся опасность.

В разделе недостоверных известий (вероятность которых меньше тридцати процентов) взгляд Директора ЦРУ зацепился за сообщение: «В Китае проводятся работы по созданию пилотируемого гиперпространственного корабля».

«Впечатление, что скоро Лихтенштейн вкупе со Шри-Ланкой будут заниматься этой проблемой. А мы до сих пор топчемся на месте». – Директор ЦРУ с силой нажал кнопку вызова секретаря.

– Вызовите Брэдлоу ко мне, – отрывисто приказал он.

Начальник отдела по Объединенной Руси Оперативного Директората полковник Хью Брэдлоу открыл дверь кабинета Директора ЦРУ через пять минут.

– Присаживайтесь, Хью, – Ред кивнул головой на кресло напротив. – Что ты думаешь о провале «Брюнета»?

Невысокий, крепко сложенный полковник с лысой, словно бильярдный шар, головой чуть пожал плечами:

– Мы поспешили с инспекцией лунной базы русичей. Как только получили информацию о гиперпространственном двигателе, так сразу направили туда Питсроу. И русичи догадались, что у них произошла утечка информации. Дальше просто – нацелили на базу один из своих разведывательных спутников и перехватили сообщение «Брюнета».

«Мы поспешили, – Ред внутренне поморщился. – Он поспешил – Билл Ред. И Брэдлоу отлично это знает».

– Что он успел передать?

– На «Восток» прибыл будущий экипаж гиперпространственного корабля и их дублеры. Назвал фамилии.

– Кто они?

– Мы проверили – четыре человека из отряда космонавтов с такими фамилиями отбыли в неизвестном направлении из Звездного городка, – монотонным, чуть равнодушным голосом ответил Брэдлоу.

– Хью, я тебя знаю уже лет пятнадцать. Если ты отвечаешь таким тоном, то за пазухой у тебя бомба. Давай, взрывавай ее.

– «Брюнет» смог снять их на видеокамеру, у него своя, в мобильном телефоне. Там это разрешено. Снимают себя, отсылают родным на Землю. Русичи считали, что все передатчики под контролем. А попытаться выйти с неучтенного не получится – всё экранировано.

– Теперь они изменят свое мнение.

– Очевидно, – Брэдлоу пожал плечами.

– Так что дал анализ фотографий?

– Одно лицо мы идентифицировали. Это майор службы безопасности Объединенной Руси Титров.

– Так, – медленно проговорил Директор ЦРУ. – А ведь в том, что взяли «Брюнета» есть и положительный момент.

Брэдлоу удивленно посмотрел на шефа.

– Смотри, Хью, что получается. Кедрин догадался, что у него на базе наш человек. И он присылает своих людей для его поимки. А легенда для них – будущий экипаж гиперпространственного корабля. Не техники или специалисты из какого-нибудь института, а именно члены экипажа корабля. Зачем, Хью?

– Наверное, он понимает, что «Брюнет» передаст эти сведения нам.

– А зачем ему нужно тщательно скрывать фамилии настоящих членов экипажа, подставляя вместо них другие? Мол, вот они, проверяйте – обычные крепкие парни, натасканные на тренажерах.

– Затрудняюсь ответить, господин Директор.

– Скажи, Хью, много пользы мы получили более двух веков назад, когда еще за полгода узнали фамилии всех кандидатов русичей на первый космический полет? Фамилия Гагарин нам очень помогла?

– Нет, – ответил начальник отдела по Объединенной Руси. – Но может русичи скрывают настоящий экипаж просто так, для профилактики. Известно, что скрытность у них в крови.

– А почему они не скрывали, когда готовили экспедицию на Нептун?

Брэдлоу молча пожал плечами.

– А я тебе скажу, Хью, почему. Люди, готовящиеся к прыжку в гиперпространство – не обычные люди. Еще в разговоре с господином Президентом у меня мелькнула эта мысль. А сейчас я уверен, в гиперпространство полетят люди, обладающие какими-то необычными, уникальными способностями. Именно в этом главный секрет русичей. Техника будет задействована старая – гиперпространственный двигатель Хейнштейна – Солева плюс стандартный жилой отсек, обычный ядерный двигатель и ракетный ускоритель. Всё дело в людях. Поэтому тебе Хью срочное задание – подними всю свою агентуру в Руси, чтобы вычислить людей, обладающих какими-то необычными свойствами или возможностями и которые год или два назад стали тренироваться в отряде космонавтов или где-нибудь на секретной базе. Задание ясно?

– А что подразумевается под термином «необычные свойства или возможности»?

– Не знаю, Хью, не знаю. Экстрасенсы всякие, шаманы и прочие ведьмы. Если в ваше поле зрения попадет человек, у которого необычайные умственные, физические или даже сексуальные возможности – проверяйте, где он сейчас. Проверяйте всех необычных.

Объединенная Русь. Украина. Славутич, Киевской обл. 4 мая 2190 года. Вторник. 9.12 по киевскому времени.

Уютный трехэтажный дом утопал в зелени столетних каштанов. В их могучих кронах многочисленная пернатая живкость слаженно приветствовала солнечное весеннее утро, радовалась жизни. В этом райском уголке, казалось, все должны были быть счастливы. Но естественно, это только казалось...

– Почему ты раньше не сказал, что летишь туда? – Иван Антонович Ковзан укоризненно смотрел на сына.

– Не мог, отец. Эта информация была засекречена.

– Когда летишь?

– Послезавтра на Луну. Буду осваивать корабль. А в середине августа – туда, – спокойно ответил сын.

– Помнишь, когда ты собрался поступать в летное училище, – после паузы произнес отец, – мы с тобой говорили о важных и неважных делах в жизни.

– Конечно помню, отец. Ты тогда процитировал Библию: «Суета сует, – все суета». И сказал, что порой бывает трудно отличить пустышку от золота.

– А ты сказал, что тебе повезет, и ты не ошибешься.

– Я решил, отец, сделать то, чем наверняка буду гордиться всю оставшуюся жизнь.

– Если у тебя будет эта жизнь. Неужели смертельно опасные испытания ракетопланов тебе доставляли мало острых ощущений?

– Люди испытывали их и до меня.

Взгляды отца и сына встретились. Первым отвел глаза отец:

– Господи, откуда у тебя столько честолюбия?

– Не знаю, отец.

– Тебе пообещали вторую жизнь, если ты не вернешься оттуда?

– Мне об этом не говорили, а сам я не спрашивал. Для меня это не главное.

– Для тебя это не главное, – тихо повторил отец слова сына.

И после паузы, так же тихо продолжил:

– Двадцать девять лет назад в этой комнате я узнал, что не стало моей жены. Спустя несколько часов, здесь же, мне сообщили, что я потерял ее окончательно – Большой Бэби не дал ей второй жизни. Ты хочешь заставить меня еще раз пережить такие события? – и вновь взгляды отца и сына скрестились.

На этот раз первым глаза отвел сын.

– Отец, меньше всего я хочу доставлять тебе страдания. Но ... Но сколько раз уже отцы провожали своих детей на заведомо опасные, но необходимые человечеству дела. Ведь кто-то должен был их совершать. Пойми отец для меня сейчас лучше погибнуть, чем отказаться.

– Я тебя не прошу отказываться. Я прошу только, чтобы тебе гарантировали вторую жизнь.

– А если бы ее не было вообще – второй жизни? Что бы ты тогда сказал? – последовало в ответ.

– Может случиться, что у меня не будет ни сына, ни внуков. – Длинная пауза. – Ладно, давай оставим этот разговор. Завтра пойдем на кладбище к матери. Попрошаешься.

И вновь взгляды двух самых родных людей встретились.

– Я вернусь, отец.

Ковзан–старший ничего не ответил.

Следующий день прошел тихо, спокойно... тягостно. Весеннее буйство природы на кладбище казалось неуместным, саднящим душу. Улыбающаяся Маша смотрела на мужа и сына с мраморного обелиска. У его подножия лежал букет тюльпанов. Они долго стояли молча, мысленно продолжая спор между собой и как бы приглашая Машу быть им судьей. Каждый отстаивал свою правоту. Сын – право молодого поколения на дерзания, свершения, подвиги. Отец – свое родительское право спокойно прожить жизнь и умереть в окружении любящих детей и внуков.

Маша молчала и только улыбалась. Под сильным весенним солнцем быстро увядали тюльпаны.

– Мама, я вернусь...

Быстро подошло время расставания – шесть часов вечера.

– Пора, отец.

– Вижу.

Они долго смотрели друг на друга.

– Знаешь, сын, в нескольких десятках километров отсюда есть памятник человеческой ошибке – Чернобыльский саркофаг. Тогда люди тоже считали, что творят великое дело – укрощают атом на благо людей. Результат – многие квадратные километры непригодной для жизни в течение столетий земли и тысячи погибших и умерших от радиации людей.

– Результат – более надежные атомные электростанции и изобилие такой нужной энергии. А у человечества будет еще много таких саркофагов. Это плата за прогресс.

– А нужен такой прогресс?

– А зачем тогда создан человек? Потреблять пищу и плодиться, как животные? – резко ответил сын. А затем, словно спохватившись, уже мягче добавил:

– Пора, папа.

Они обнялись.

– Всё будет хорошо. Я вернусь, вот увидишь

Вечером, что бы как-то отвлечься, Иван Антонович включил телевизор. Сериалы, ток-шоу, музыка и изредка информационные программы – человечество со вкусом проводило время. На одном из каналов он неожиданно увидел знакомое лицо. Молодой человек, стоя на сцене в каком-то огромном зале, набитом людьми буквально кричал в микрофон:

– Братья и сестры! Уже не единицы, а сотни людей понимают, какое это зло – вторая жизнь, дарованная не Всевышним. И именно вы, услышавшие истинный голос Бога, спасетесь, и именно вам будет даровано истинное бессмертие. Остальные же получают вот это, – молодой человек, повернувшись, ткнул указательным пальцем позади себя.

И тотчас же задник сцены, оказавшийся экраном огромного проекционного телевизора, осветился. На нем замелькали страшные кадры, снятые в лечебнице для больных синдромом внезапного слабоумия. Бессмысленные глаза и улыбки, омерзительные кривляния, текущая изо рта слюна и страшные, лишённые всякой мысли, выкрики – мощная электроника показывала бесстрастно, крупно, передавая мельчайшие оттенки цвета.

Иван Антонович, наконец, узнал молодого человека – это был одноклассник его сына, Сергей.

«О, Господи! Зачем же такое показывать. Это же бесстыдно – делать из людского страдания шоу».

А из телевизора между тем несло:

– Братья и сестры! Давайте поможем всем заблудшим, не понимающим какой это грех – стремиться получить вторую жизнь не от Бога, а от кесаря. Пусть наши власти управляют земными делами, а не божьими. А там, где должен быть только промысел Божий, они смиренно и благоговейно склонят свои головы. Давайте выберем тех людей, которые не побоятся запретить бездушной машине решать за Бога кому давать вторую жизнь. Перед Богом все равны.

Экран заполнился ярким солнечным светом, и тут же мощно, торжественно зазвучала музыка.

«Бах, – отметил про себя Иван Антонович, – Первый концерт».

И тут во весь экран вспыхнула надпись: «Жизнь только от Бога». Казалось, величавые аккорды наполнили собой всё пространство зала...

«Сумасшествие какое-то. А если человек отдал жизнь во благо других людей? Он что, не заслужил второй жизни... как мой сын...», – он со злостью выключил телевизор. – Тоже мне, очередные толкователи воли Божьей. Их предшественники во имя этой самой воли людей заживо сжигали, а эти не хотят, чтобы достойным людям вторую жизнь давали. Инквизиторы новоявленные, мать их!»

Объединенная Русь. Украина. Киев. 5 мая 2190 года. Среда. 18.40 по местному времени.

Большая черная машина мягко вкатилась во двор дома и замерла около одного из подъездов. Три двери машины распахнулись одновременно и также одновременно из салона выскочили трое молодых людей. Они напоминали машину, в которой приехали – такие же большие, в одинаковых черных костюмах и такие же хищные. Один из них сразу вошел в подъезд.

Светлана Николаевна Доброва в который раз наблюдала эту картину из окна квартиры сына и в который раз испытала чувство какого-то внутреннего неудовольствия.

«Христос ходил среди людей в окружении своих апостолов, ничего не боясь, а тут ... ну не считать же этих мордovorотов за апостолов», – с высоты третьего этажа хорошо были видны мощные затылки и короткие толстые шеи парней, охранявших ее сына.

А вот и он сам – высокий светловолосый человек вышел из машины, едва только его охранник выглянул из подъезда и махнул рукой: «Всё чисто!». В окружении охраны, чуть сутулясь, ее сын вошел в подъезд.

«А волосы уже не вьются кудрями, и сутулиться стал, – мать отстраненно наблюдала за сыном. – Как будто прячется от кого-то, старается быть незаметным. И в подъезд не вошел, а юркнул как-то».

Щелкнул замок входной двери. Светлана Николаевна встала со стула и отвернулась от окна. Она знала что, в коридор первым войдет не сын.

– А вот мы снова, Светлана Николаевна, – перед ней стоял один из охранников с застывшей улыбкой. – Всё в порядке? – взгляд мужчины, мгновенно обежав всё вокруг, цепко впился ей в лицо.

– Да, спасибо, – заученно ответила женщина.

Когда она приехала к сыну, ее целый день такие же ребята учили, что нужно говорить в тех или иных случаях. Вот и сейчас, на вопрос: «Всё в порядке?» нужно отвечать: «Да, спасибо». Если бы в квартире находился кто-то посторонний, она должна была бы ответить: «Да, спасибо. Никто не тревожил».

Поначалу такая игра в шпионов забавляла ее. Но очень скоро начала раздражать. «Да что это такое? Будто живем среди каких-то нелюдей, которые только и думают, как нас извести».

– Возвращаем вашего Сереженьку в целости и сохранности, – голос охранника вернул Светлану Николаевну к действительности.

– А... да, да, спасибо.

Улыбка тут же исчезла с его лица:

– Чисто. Можно заходить, – проговорил он, чуть повернув голову к лацкану пиджака.

– Еще раз здравствуй, мама, – сын, всё так же сутулясь, быстро подошел к ней и поцеловал в щеку. – Голова уже не болит?

– Нет, спасибо, сынок, не болит. Я выпила таблетку. Поешь? Я тут, пока ты выступал, твоего любимого борща сготовила. С пампушками.

– Потом, мама, потом. Я на пару минут, только переодеться.

– Вечно у тебя дела. Только ночью дома и бываешь. Даже не вспомнил, что сегодня годовщина смерти отца.

Сергей замер, затем прикрыл лицо руками.

– Что ж, видно такую судьбу мне дал Бог, – наконец глухо проговорил он и вышел из комнаты.

Светлана Николаевна, чуть вздохнув, привычно села на стул. Охранник вышел в коридор. Минут через десять к ней в комнату вновь вошел сын.

– Ну, всё, ма, до вечера.

Выражение лица его вновь было спокойным и уверенным. Вместо черной рясы на нем был деловой светло-серый костюм с ярко-красным в полоску галстуком.

– И в этом ты будешь проповедывать? – Светлана Николаевна чтобы как-то затушевать эту, как ей показалось, неуместную иронию, тут же добавила. – Люди могут этого не понять, сынок.

– Люди на земле живут разные. И проповеди им нужны разные. И приходиться к разным людям нужно в разных одеждах. Ты же на рынок не пойдешь в том же, что и в церковь? – сын коротко усмехнулся.

– Сынок, я тут смотрела по телевизору твое выступление. Зачем было показывать на весь свет людское горе? Ведь сумасшедшие – это блаженные люди. Их всегда жалели, считали, что через их уста с людьми говорит Бог.

– Вот и сейчас, мама, Бог через блаженных пытается вразумить людей. Отвратить их от несправедного пути.

– Сынок, Бог милосерден. И слуги его должны быть тоже милосердны.

– Да, Бог милосерден, мама. Но, прежде всего, он справедлив. И каждому он воздает по заслугам. Праведникам – рай, а грешникам – ад. Вспомни судьбу городов Содомы и Гоморры. Бог их уничтожил, как клоаки греха и мерзости. Помнишь, когда-то, перед моим отъездом в Одесскую семинарию, я тебе сказал, что скоро люди упрутся в непреодолимую для них стену? Так вот, вторая жизнь, дарованная бездушной электронной машиной – это и есть та стена, в

которую с размахом, словно неразумные бараны, ударило человечество. Ты посмотри, что творится, мама. С одной стороны – кучка людей, неизвестно за что получающая бессмертие, а с другой – все остальные. И если бы эта кучка заслужила величайшее благо своей праведной жизнью. Так нет же. Как раз наоборот. Получают бессмертие, вернее покупают его очень богатые люди, продажные политики, звезды шоу-бизнеса, которые всю жизнь только и делали, что развращали людей, вбивая в их головы сомнительного качества моральные ценности. И Бог всё это видит, мама. Нет, скоро, очень скоро люди почувствуют гнев Божий. Почувствуют, ужаснутся и опомнятся. Но для многих будет уже слишком поздно. Вот я и стараюсь, чтобы этих людей было как можно меньше. Да, всё, едем! – Сергей Добров, известный больше, как отец Сергей, кивнул появившемуся в дверях охраннику.

Тихо клацнул замок входной двери. И вновь на Светлану Николаевну обрушилась тишина, ставшая ненавистной.

«Господи, неужели путь к Тебе так...», – женщина запнулась, подбирая слово помягче.

«... так иногда опасно, неприглядно выглядит?» – она, наконец, нашла нужные слова.

Чтобы развеяться, отогнать опостылевшую тишину, Светлана Николаевна включила телевизор. Показывали какое-то шоу. Девушки в блестящих коротких юбочках с разноцветными перьями на головах, стоя на коленях, страстно обнимали ноги возвышающегося над ними обнаженного по пояс парня. Тот, широко раскинув руки, грубым, чувственным голосом выводил:

Сам Дьявол нас влечет сетями преступления
И, смело шествуя среди зловонной тьмы,
Мы к Аду близимся, но даже в бездне мы
Без дрожи ужаса хватаем наслажденья

«Мы к Аду близимся», – машинально, вслед за певцом повторила Светлана Николаевна и сразу переключила канал. Тот час на экране возникло кукольное личико ведущей информационной программы:

– И в заключение. Это сообщение пришло к нам только что из Объединенного Центра космических наблюдений. Одним из спутников системы «Дозор» более семи месяцев тому назад за орбитой Плутона было обнаружено космическое тело, около метра в диаметре. От обычных каменных глыб его отличает слишком большая для таких объектов скорость – более двухсот километров в секунду, что свидетельствует о том, что метеороид⁷, а именно так классифицируется астрономами это небесное тело, не принадлежит нашей Солнечной системе. Проведенные в то время расчеты показали, что космическое тело пройдет примерно в двадцати миллионах километров от Земли. Вчера было проведено повторное уточнение параметров траектории орбиты космического путешественника. Расчеты показали, что метеороид пройдет на расстоянии примерно одного миллиона километров. Космическое тело приблизится к Земле на минимальное расстояние первого июля текущего года. Так что через два месяца жители Земли смогут в свои телескопы полюбоваться на необычного космического пришельца. Следите за нашими сообщениями.

«Мы к Аду близимся», – Светлана Николаевна закрыла лицо руками. – Вот оно, Божье испытание. Господи, неужели мой сын прав?»

Глава 6. Последний экзамен.

Случай – псевдоним Бога, когда он не хочет подписаться своим собственным именем.

Анатоль Франс

Более пяти миллиардов километров от Земли. Район орбиты Плутона. Более чем за шесть месяцев до описываемых событий. 15 сентября 2189 года. Вторник. 3.15 по СЕВ.

Холодный и равнодушный кусок металла летел в глубинах космоса. Если бы он хотя бы на мгновение стал живым существом и осознал свое неизмеримое одиночество, он, наверное, тот час же умер. Но он не был живым, хотя мог делать то, что недоступно ни одному живому существу, включая человека. Он смотрел за Космосом. Благодаря своим шести телескопам, он мог замечать на невообразимо огромных расстояниях вокруг себя всё, что носилось в различных направлениях по безбрежному, бездонному океану Космоса. Это был один из вперед смотрящих человечества. Один из многих раскиданных на окраине владений человечества – Солнечной системы. В «Едином реестре искусственных космических тел» он был записан как «Дозор – 5». Страна-владелец – Объединенная Русь.

Его телескопы непрерывно вглядывались в глубины Вселенной. Ежесекундно их параболические зеркала улавливали множество источников света. И каждую секунду компьютер спутника монотонно, не раздражаясь, сравнивал эти источники со специальным реестром, вбитым в его электронную память. И ежесекундно отмечал – новых источников света не зафиксировано. Несколько раз за свое десятилетнее существование всё так же равнодушно, компьютер обнаруживал, что источников света становилось больше, чем в реестре. Тогда он молниеносно, повинаясь заложенной в него программе, сравнивал этот новый источник света с другим реестром, куда были занесены характеристики всевозможных источников света. И тотчас же его всегда нацеленная на Землю антенна выплевывала в Космос серию коротких импульсов. Через четыре с половиной часа эти радиоимпульсы достигали Земли и, мгновенно пройдя через другой компьютер, вспыхивали на мониторах короткими предупреждающими сообщениями.

Люди, как и их далекие предки, которые тревожно всматривались в даль из-за частокола заостренных бревен защитных стен – не показался ли враг, теперь уже умными приборами всматривались во враждебный Космос – не приближается ли к ним опасный объект?

И как в древние времена, вперед смотрящие поджигали сигнальные костры или били в набат, так и эти умные приборы аварийными красными лампами и сиреной должны были предупреждать людей – **ВНИМАНИЕ ОПАСНОСТЬ!** Где-то в глубинах Космоса движется объект, который может столкнуться с Землей. На этот случай на космодромах в Ленинске, в Казахстане и на мысе Канаверал стояло по одной ракете с мощными термоядерными боеголовками. И, если надо, они устремятся навстречу незваному пришельцу, чтобы чудовищной силы оружием его расколоть, разнести, испарить. К счастью, сигнал тревоги еще не звучал ни разу. И человечество пока реально не проверяло эффективность своей защиты. После падения Тунгусского метеорита Земля не встречала в своем путешествии во Вселенной крупные объекты.

Свои многочисленные обитаемые станции на Луне, Марсе и в открытом Космосе люди защищали лазерами. Конечно, большой объект они уничтожить не могли, но небольшой камешек, размером с горошину, смертельно опасный для любой станции, вполне. В случае более крупного объекта считалось, что проще эвакуировать людей или увести станцию с опасной траектории.

А наблюдательная космическая станция «Дозор – 5 пристально всматривалась в глубины Космоса. В три часа пятнадцать минут ее бортовой компьютер обнаружил новый источник света. Спустя несколько мгновений, короткий радиоимпульс устремился к Земле. В 7 часов 59 минут на главном мониторе Объединенного Центра космических наблюдений вспыхнуло: «Квадрат АQ5479. Источник света 19 звездной величины. Классификация – метеороид. Время фиксации – 15 сентября 2189 года. 3 часа 15 минут 10 секунд». Несколько мгновений спустя рядом вспыхнуло: «Сообщение проверяется. Для уточнения траектории и скорости объекта на квадрат АQ5479 перенацеливаются станции наблюдения «Дозор – 8» и «Observer – 4».

Одновременно с этим сообщением в глубины Космоса ушли несколько серий радиоимпульсов. И через четыре с лишним часа, они достигли своих целей. И, повинувшись невидимой руке Земли, попрыгивая двигателями коррекции «Дозор – 8» и «Observer – 4» неспешно развернулись на несколько градусов. Теперь три телескопа вглядывались в одну и ту же точку Космоса. Спустя час, одно за другим на Землю устремились кодированные сообщения. А еще через несколько минут, на мониторе Объединенного центра космических наблюдений высветилось: «Квадрат АQ5479. Зафиксирован метеороид диаметром около метра. Скорость – 200 км/с. Расстояние до объекта – 5,1 миллиарда километров. Расчетное минимальное расстояние прохождения около Земли – около 20 млн. км. Расчетное время максимального сближения – 1 июля 2190 года. Все параметры уточняются».

Из холодных глубин Космоса четырехтонная железная глыба, испещренная язвами от ударов микрометеоритов, стремительно неслась к Земле...

Соединенные Штаты Америки. Вашингтон. 6 мая 2190 года. Четверг. 18.10 по местному времени.

– Ура, папа приехал! – светловолосая девчужка лет восьми бросилась мужчине на шею, едва он перешагнул порог квартиры.

– Мэри, ты так отцу скоро шею сломаешь. Тебе уже не пять лет, – двадцативосьмилетняя женщина, улыбаясь, подошла к мужчине и подставила щеку для поцелуя. – Здравствуй, дорогой.

– Здравствуй, дорогая. Всё в порядке? – мужчина поцеловал женщину в щеку и с висящей на нем девочкой прошел в просторную гостиную.

– Хью, ты обещал прилететь еще вчера, – вместо ответа сказала женщина чуть капризным тоном человека, знающего себе цену.

Вслед за ним она вошла в гостиную и села на просторный диван перед телевизором.

– Извини дорогая, дел по горло. Некогда в гору глянуть, – мужчина также сел на диван, усадив к себе на колени девочку.

– Из-за твоей вечной занятости мы никуда не ходим, – женские губки сердито поджались. – Я одна тут совсем одичала.

– Но Джуди, у меня действительно много работы.

– И под этим предлогом ты совершенно не уделяешь мне и Мэри внимания. А мне очень трудно одной воспитывать дочь, – тон женщины поднялся еще на одну октаву выше.

– Но я же нанял няню тебе в помощь.

– И на этом умыл руки, – взвизгнула женщина и выбежала из гостиной.

– Папа, я всё равно тебя люблю, – девочка еще крепче обняла отца, уткнувшись головой ему в грудь.

Мужчина тяжело вздохнул. Девять лет назад, он бравый тридцатисемилетний, только что получивший звание полковника, рыцарь плаща и кинжала без памяти влюбился в стройную девятнадцатилетнюю Джуди. Роман был бурным. Уже через два месяца, убежденный холостяк, холодный и трезвый аналитик, талантливый разведчик, владеющий шестью языками, сделавший блестящую карьеру в Руси и чудом выскользнувший из лап её Службы безопасности, Хью Брэдлоу сочетался законным браком в Лас-Вегасе с очаровательной Джуди Мейсон – официанткой бара «Голубая луна» в Вашингтоне. Молодая жена настаивала, что для их будущего ребенка будет лучше, если они будут жить в Вашингтоне. Хью согласился и купил шестикомнатную квартиру в двадцати минутах езды от Белого дома. Через год родилась малышка Мэри. А еще через год Брэдлоу вынужден был поставить крест на своей карьере. Тот зимний день, пятого декабря восемьдесят третьего года он стал считать самым неудачным днем своей жизни. Вечером прилетев в Вашингтон и не застав дома жену и маленькую дочь, он бросился на

их поиски. Благодаря предусмотрительно вмонтированному в мобильный телефон жены чипу, Брэдлоу нашел их в каком-то притоне. Увидев, чем занимается там Джуди, Хью, не помня себя от ярости и страха за дочку, расстрелял в упор двух мужчин, негра и белого, бывших с его женой. Белый оказался сыном сенатора, который пытался с помощью опытного адвоката засадить Брэдлоу за решетку.

Настойчивость сенатора удесятерилась после того, как Главный Компьютер отказал его сыну во второй жизни. Эксперты долго решали, действовал ли Брэдлоу адекватно обстановке, или только горячность полковника привела к трагедии. Его спасла... Джуди. Неожиданно под присягой она заявила, что сын сенатора незаметно подсыпал в её бокал наркотик, а затем ее, потерявшую над собой контроль, привез в это ужасное место. Вид хрупкой женщины с ребенком на руках склонил чашу весов в пользу Брэдлоу – «не виновен». Через несколько дней после суда его вызвал к себе в кабинет Билл Ред, бывший в то время Генеральным советником ЦРУ и без всяких намеков, прямо выложил:

– Хью, я хочу, чтобы ты до конца понимал свое положение и владея всей информацией, принял решение. Пока сенатор Макнамара находится на Капитолийском холме, тебе повышения не видать, но и понизить тебя я не дам. Я тебя ценю как разведчика... и как настоящего мужчину тоже. Теперь ты всё знаешь. Иди и думай.

– Спасибо, господин Генеральный советник.

Хью Брэдлоу решил остаться. Он был прирожденным разведчиком и без разведки себя не мыслил.

«Сенаторы не вечны, – размышлял он, – и Макнамара когда-нибудь уйдет с капитолийского холма. Подождем».

Вот так почти семь лет полковник и провел в ожидании. С женой он не развелся. Во-первых, он ее любил. Во-вторых, считал, что нашкодившие жены, по идее, должны становиться паиньками. В-третьих, как ни крути, но Джуди ему здорово помогла. В-четвертых, она мать его очаровательной Мэри. В-пятых... – полковник долго сам себе приводил доводы, почему не стоит разводиться с женой. И, в конце концов, убедил себя.

Из всех доводов лишь один оказался ложным. Паинькой Джуди не стала. Но с этим Брэдлоу, в конце концов, смирился.

Сейчас, прижав Мэри к своей груди, Брэдлоу вспомнил давнее обещание, данное дочери.

– Мэри, завтра едем в ресторан «Сказка» и не уйдем оттуда, пока ты не уничтожишь всех бисквитных и шоколадных Микки Маусов, Томов и Джерри. Согласна?

– Согласна, – тихо ответила девочка.

– А почему не слышу в голосе радости? Ты же давно меня просила об этом.

Девочка вздохнула.

– Мэри, ну-ка быстро говори, что случилось. Тебе мама запретила туда идти?

Снова тяжелый вздох.

– Мэри, если ты не скажешь, проблема останется нерешенной. А так мы вместе попробуем ее решить.

– Мама говорит, что я твоя любимица. И ты меня, поэтому очень балуешь. А детей надо не баловать, а воспитывать.

– Ну... мама правильно говорит. Детей надо воспитывать... но и немножко баловать. Чуть-чуть, как я тебя. Так что ничего страшного не произойдет, если мы завтра поедем в ресторан. А с мамой я поговорю и объясню ей, что детей можно немного баловать. Договорились?

– Договорились, – девочка еще сильнее обняла отца за шею.

– Ну что, моя любимица, теперь идем ужинать? Я ужасно проголодался.

– Пап, а любимицей быть хорошо?

– Это, смотря чьей любимицей. Если хорошего человека, то хорошо. А если плохого, то можно и пострадать из-за этого. Хотя... – Брэдлоу на мгновение задумался, – можно пострадать, если быть любимицей и хорошего человека.

– Почему? Ведь тебя любит хороший человек.

– Но есть же и нехорошие люди. Вот из-за зависти, например, или чтобы досадить этому хорошему человеку, они могут сделать плохо его любимцу.

Девочка задумалась.

– Значит надо быть любимцем очень сильного человека. Чтобы его все плохие люди боялись, – наконец сказала она.

– А разве есть такой человек, которого все плохие люди так боятся, что не посмеют навредить его любимцу? Ты такого знаешь?

– Президент.

– И ты думаешь, все плохие люди его боятся?

– Конечно! Он же Президент.

– А помнишь, как год назад плохие люди взорвали наш пассажирский самолет? Тогда погибло все пассажиры, включая певца Джона Джейсона.

– Помню, папа.

– А как этого певца называли?

– Любимцем нации.

– А Президент принадлежит нации?

– Да.

– Значит Джейсон был и любимцем Президента?

Девочка опять надолго задумалась.

– Всё Мэри. Пошли есть. Мама обещала приготовить моего любимца – жареного гуся. Видишь, как иногда плохо быть любимцем!

Через двадцать минут Хью, Мэри и успокоившаяся Джуди сидели в гостиной. Прислуга успела накрыть стол, посередине которого красовался гвоздь программы – жареный гусь, фаршированный бананами и дольками апельсинов. Брэдлоу, вооружившись большим разделочным ножом, потянулся к птице.

– Одну ножку Мэри, чтобы ей легче было идти своей дорогой, – отрезав ножку, Хью положил ее на тарелку и протянул дочери.

– Другую ножку маме, чтобы... – глава семьи замялся, подыскивая нужные слова.

– Чтобы легче было убежать, – закончила фразу Джуди.

– От кого?

– А так, на всякий случай. Мало ли что.

– Убежать, так убежать. Ну а я возьму крылышко.

– Чтобы легче было догнать маму, – весело выкрикнула Мэри.

– Ладно, пусть будет, чтобы догнать маму, – вновь согласился Хью.

Когда мясо было разложено по тарелкам. Брэдлоу налил себе и жене красного вина, а Мэри кока-колу. Подняли бокалы.

– Я предлагаю выпить... – глава семьи не успел договорить.

– За любимцев! – весело выкрикнула Мэри. И тут же, не сделав ни малейшей паузы, продолжила. – Папа, а я знаю, чьим любимцем надо быть. Любимцем Бога! Его все боятся. Нам учительница говорила, что Он потом устроит Страшный Суд, и все плохие люди будут наказаны. Поэтому надо быть хорошим.

Рука полковника, в которой был бокал, дрогнула.

– Любимец Бога... любимец Бога, – прошептал он. – Боже, как же я раньше не догадался, – в его голове мгновенно сложилось решение головоломки, которую вот уже неделю

он безуспешно пытался решить. Не экстрасенсов и прочих шаманов надо искать, а любимцев Бога, счастливиц, которым повезет возвратиться из гиперпространства...

Нетронутый восхитительно пахнувший гусь остывал на столе. Рядом стоял даже не пригубленный бокал с вином. Джуди зло кусала свои полные губы. У Мэри в глазах стояли слезы. А полковник Брэдлоу, начальник отдела по Объединенной Руси Оперативного директората ЦРУ гнал свой «шевроле» в сторону Лэнгли.

«Любимец Бога. Ну, конечно же, любимец Бога. Как просто!» – вооруженный мощным, в двести лошадиных сил двигателем, автомобиль уверенно рассекал зимнюю ночь.

Объединенная Русь. Украина. Славутич, Киевской обл. 7 мая 2190 года. Пятница. 9.12 по киевскому времени.

Иван Антонович Ковзан набрал номер телефона и, когда на другом конце провода подняли трубку, тихо сказал:

– Игорь, привет.

– Здравствуй, Ваня. А я всё думаю, куда ты пропал. Не звонишь и не звонишь.

– Игорь, звонить из Нью-Йорка в Славутич также просто, как и в обратном направлении.

– Согласен. Но если мне не изменяет память, за этот год на каждый твой звонок ко мне, я отвечал тремя.

– Вот уж не думал, что высокопоставленный чиновник Совета Развития ООН страдает провалами памяти.

– Ваня, это легко доказать. Это, во-первых. А во-вторых, вот уж я не думал, что профессия программиста может сделать из в общем-то нормального молодого человека, отъявленного лгуна в зрелом возрасте.

– Спасибо, Игорь, за комплимент.

– Всегда пожалуйста.

– Нет, не за лгуна, – уточнили из Европы.

– А за что?

– За твое мягкое – «в зрелом возрасте» вместо грубого – «на старости лет».

– Какой ты старик, Ваня? Да на тебе еще пахать и пахать.

– Что-то ты сегодня щедрый на комплименты.

– После того, как прочитаешь некоторые отчеты Главного Компа, так и хочется действительно хорошим людям хотя бы комплименты отпускать, – признался Переверзев.

– А что, Большой Бэби хороших людей обижает?

– Я же сказал – иногда, – в Игоре Переверзеве заговорил чиновник, обслуживающий Большой Компьютер ООН.

– И как часто происходит это «иногда»? – настаивали с другого континента.

– Иван, давай оставим этот скользкий разговор.

– До Дня Веселья?

– Хотя бы. Скажу только, что не всё гладко в государстве Датском. Ты слышал о движении «Жизнь только от Бога»?

– «Жизнь только от Бога»? – Иван Антонович на секунду задумался, вспоминая. – Где-то я это название уже слышал. Вспомнил. Я вчера случайно увидел передачу, в которой выступал священник. А позади него светилась надпись: «Жизнь только от Бога».

– И как тебе?

– Мне не понравилось. Не люблю, когда люди впадают в экстаз. В этом есть что-то унижающее для человека. Получается, что существует нечто, способное заставить тебя безусловно, прямо таки на физиологическом уровне, преклоняться перед собой.

– А многим это нравится. Это сродни наркотику. Получаешь такое же удовольствие. Да и сама идея привлекательна. Ведь абсолютному большинству людей вторая жизнь не светит. А тут им говорят, давайте вместе добьемся того, чтобы вообще никому вторая жизнь не доставалась. Только от Бога. И будь ты хоть Папой Римским или знаменитейшей поп-звездой, конец у тебя такой же, как и у нас, обычных смертных – яма в два метра глубиной или камера в крематории.

– Ты знаешь, в этом что-то есть, – произнес Иван Антонович.

– К сожалению, ты прав. В этом действительно что-то есть.

– Так может вернуться к старой схеме? – с иронией спросили из Европы.

– Какой это старой схеме? – не поняли в Америке.

– Когда все люди умирали. А там Бог, если он есть, решал, кому ад, кому рай.

– Ваня, знаешь, сколько сейчас на планете людей, единственным занятием которых является пожирание пищи, преимущественно деликатесной и созерцание зрелищ, преимущественно кровавых или утробно-рычащих. А это первые признаки упадка общества.

– А-а-а... Старая песня, Игорь. Сейчас ты запоешь про самый мощный стимул для напряженной и эффективной работы и так далее.

– Песня старая, но из неё, как говорится, слов не выкинешь. Сейчас производительность такова, что цивилизация может, не напрягаясь, содержать миллионы дармоедов, которые, даже сексом не хотят заниматься, не говоря о функции воспроизведения. А это, Ванечка, и есть вырождение. И вторая жизнь хоть некоторых, тех, кто тащит на себе тяжелый воз прогресса, стимулирует к активной жизни. А остальные... пусть подышают и не засоряют генофонд.

– Игорек, остальные – это девяносто девять и куча девяток после запятой процентов. И вполне возможно, что туда войдем и я, и ты.

– Иван, – через паузу вновь донеслось с другого континента, – ты же понимаешь, со временем, благодаря прогрессу затраты на обеспечение второй жизни уменьшатся настолько, что все, действительно достойные, будут получать ее.

– Игорь, ты действительно в это веришь?

– Да, Ваня, и в День Веселья, без всякого «надсмотрщика», я это тебе объясню.

– Хм. Знаешь, ведь в арабском мире и в том же Китае технология второй жизни запрещена. А прогресс там шурует, дай Бог нам так.

– Ну, во-первых, хотя там и официально запрещена эта технология, но всякие арабские шейхи и партийные китайские бонзы вторую жизнь получают, – начал возражать Переверзев.

– У вас получают, у чиновников ООН. И за большие деньги, – тут же уточнил Иван Антонович.

– Не я это решаю.

– Ну, понятно, – ухмыльнулись в Европе.

– Ваня, не ерничай. Везде есть недостатки. А насчет прогресса... Ты сам понимаешь, законы развития этносов и понятие пассионарности никто не отменял. Мы, белые, – старая нация. И по всем законам природы должны вырождаться. Но не сидеть же и покорно ждать, как какой-то араб или китаец станет могильщиком нашего этноса. Надо бороться. Отсюда и переманивание лучших умов планеты к нам, и обеспечение нашим пассионариям второй жизни. Может и удастся обмануть матушку Природу. Может, синтезируем какой-нибудь ген пассионарности и привьем всем белым.

– Тогда у китайцев глаза из узких круглыми станут.

– Это точно! Да и вообще, любое крупное открытие непременно сначала сопровождалось воплями: «Запретить!», «Дьявольское изобретение» и другими не менее «доброжелательными» эпитетами. Ваня, прогресс человечества не остановишь. Если в начале было сказано «А» – появился Хомо сапиенс, то надо говорить и «Б» – овладевать огнем, небом, ядерной энергией, космосом, клонированием и технологией бессмертия в том числе.

- И гиперпространством, – донеслось из Европы.
- Да, и гиперпространством... Ваня, а чего это ты вспомнил про него?
- Да так, к слову пришлось.
- А..., – недоверчиво донеслось с американского континента.
- Как Нина? – заполняя неловкую паузу, спросил Иван Антонович.
- Приболела что-то. На сердце стала жаловаться.
- А врачи что?
- Говорят ничего страшного. Просто возраст.
- Передай ей от меня привет и пусть скорее выздоравливает.
- Спасибо. Обязательно передам. А как твой Борис? Он после своего чудесного спасения стал известной личностью. Я слышал, что американцы о нем даже фильм хотят снять.
- Да, чудесное спасение... – чуть замаялись в Европе.
- Ваня, у тебя всё в порядке? – на другом континенте это тут же уловили.
- Да.
- А у Бориса?
- Тоже. А почему ты это спрашиваешь?
- Да мне что-то в твоём тоне не понравилось.
- Да нет, Игорек. Всё нормально. Борис даже позавчера ко мне приезжал.
- Он в отпуске?
- Был. А сейчас его в другую часть переводят, – быстро, заученно проговорил Иван Антонович.
- Успехов ему, а тебе здоровья, – донеслось пожелание из Нью-Йорка.
- Спасибо. Тебе того же. Звони, – ответили из Славутича.
- Обязательно. Пока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.